

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Рус- RUSSIAN СРЯЯ SPEECH речь

2026

5

СЕНТЯБРЬ—
ОКТЯБРЬ

НАУКА
— 1727 —

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Заместители главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Заведующая редакцией: **М. А. Пузина**

Заведующие отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

© Российская академия наук

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

2026

5

SEPTEMBER –
OCTOBER

НАУКА
— 1727 —

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Anna V. Znadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Maria A. Puzina
Editorial staff: Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35
E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Website: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... И. Б. Качинская, М. В. Дегтеренко. Отражение названий календарных месяцев в личных именах (по материалам архангельских говоров)
- 15..... А. Р. Пестова, В. А. Шульгинов. Как «ИИшка» описывает нирвану: смогут ли большие языковые модели составлять толковые словари?

Из истории русского языка

- 29..... К. И. Коваленко, В. Б. Колосова. Названия банана в русском языке XVIII века
- 43..... А. Л. Лифшиц. Картинки в твоём букваре: что должен был знать царевич Алексей Петрович

Язык художественной литературы

- 56..... Т. В. Павлов. Антропонимы в романе А. Ф. Вельтмана «Светославич, вражий питомец»: историко-лингвистический анализ
- 70..... С. М. Пронченко. Ономастический код поэмы Н. А. Мельникова «Русский Крест»
- 84..... Б. А. Успенский. К поэтике раннего Пастернака: «До всего этого была зима» (анализ текста)
- 97..... Чэнь Пэйцзюнь, Т. С. Садова. Поэтика журнальных статей «почетного литератора» Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа)

Книжные новинки

- 109..... И. Т. Вепрева. «Это все мое родное»: об энциклопедии пищевой культуры Среднего Урала
- 120..... О. В. Никитин, Н. В. Патроева. Новый «поход за орфоэпию»: старомосковское произношение как лингвокультурный феномен

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Irina B. Kachinskaya, Maria V. Degterenko*. Representation of Calendar Month Names in Personal Names (Based on Arkhangelsk Dialects)
- 15..... *Anna R. Pestova, Valerij A. Shulginov*. How AI Describes Nirvana: Can Large Language Models Compile Explanatory Dictionaries?

From the History of the Russian Language

- 29..... *Kira I. Kovalenko, Valeria B. Kolosova*. The Names for Banana in the Russian Language of the 18th Century
- 43..... *Alexandr L. Lifshits*. Pictures in Your Primer: What Tsarevich Alexei Petrovich Should Have Known

The Language of Fiction

- 56..... *Tikhon V. Pavlov*. Anthroponyms in the Novel “Svetoslavich: The Devil’s Foster Child”: A Historical-Linguistic Analysis
- 70..... *Sergei M. Pronchenko*. Onomastic code of the poem by N. A. Mel’nikov “Russian Cross”
- 84..... *Boris A. Uspenskij*. To the Poetics of Early Pasternak: “Before All That There Was Winter” (Text Analysis)
- 97..... *Chen Peijun, Tatiana S. Sadova*. Poetics of Journal Articles of “Honorary Writer” Nikita Yakovlevich Bichurin (Fr. Iakinf)

Book News

- 109..... *Irina T. Vepreva*. “*This Is All My Own*”: On the Encyclopedia of Food Culture of the Middle Urals
- 120..... *Oleg V. Nikitin, Natalia V. Patroeva*. A New “Campaign for Orthoepey”: Old Moscow Pronunciation as a Linguistic and Cultural Phenomenon

Отражение названий календарных месяцев в личных именах (по материалам архангельских говоров)

Ирина Борисовна Качинская¹, Мария Владимировна Дегтеренко²,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)^{1,2}, kacza@yandex.ru¹,
DegterenkoMV@yandex.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826050015

АННОТАЦИЯ: В различные эпохи достаточно сильно меняется именослов. Возникает мода то на «старинные» имена, то на новые, необычные. В статье приводятся примеры зафиксированных на Русском Севере, а именно в деревнях Архангельской области, имен, в основу мотивации которых положено название календарных месяцев (*Октябрина, Ноябрина, Сентябрина, Декабрина, Январина, Юния* и мужские варианты *Октябрин, Декабрин, Май*). Для деревенской культуры подобные имена были новаторскими. Показано историческое соотношение между именами людей (*Юлий, Август*) и названиями календарных месяцев, а также, в новейшее время, именами людей и названиями событий, произошедших в какой-то месяц (*Октябрина*).

Мода на подобные имена могла иметь несколько причин: желание в советское время порвать со старой традицией давать имена по святым или «по отцам и дедам»; появление новых праздников (*октябрьские*), ориентацию на распространенную модель номинации животных в зависимости от времени их появления на свет.

Исследование основано на материалах «Архангельского областного словаря», его картотеки и на собственных полевых записях авторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропонимика, русский именослов, личные имена, архангельские говоры, русская диалектология

для цитирования: Качинская И. Б., Дегтеренко М. В. Отражение названий календарных месяцев в личных именах (по материалам архангельских говоров) // Русская речь. 2026. № 5. С. 7–14. DOI: 10.7868/S3034592826050015.

благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <http://rscf.ru/project/23-18-00027>.

Issues of Modern Russian Language

Representation of Calendar Month Names in Personal Names (Based on Arkhangelsk Dialects)

Irina B. Kachinskaya¹, Maria V. Degterenko², Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)^{1,2}, kacza@yandex.ru¹, DegterenkoMV@yandex.ru²

ABSTRACT: In different eras, the repertoire of names changes quite a lot. There often is a fashion for “old-fashioned” names, then for new, unusual ones. The article provides examples of names recorded in the Russian North, namely in the villages of the Arkhangelsk region, which are based on the name of calendar months: *Октябрина* (*Oktyabrina*), *Ноябрина* (*Noyabrina*), *Сентябрина* (*Sentyabrina*), *Декабрина* (*Dekabrina*), *Январина* (*Yanvarina*), *Юния* (*Yuniya*), and the male variants — *Октябрин* (*Oktyabrin*), *Декабрин* (*Dekabrin*), *Май* (*Mai*). Such names were innovative for the rural culture. The article shows historical relationship between the names of people (*Julius*, *Augustus*) and the names of calendar months, as well as, the connection between personal names and significant events that occurred in a certain month (*Oktyabrina*), which was characteristic of the 20th century. The emergence of fashion for such names could have several reasons: the desire to break the old tradition of naming in honor of a saint or “fathers and grandfathers” in Soviet times; the emergence of new holidays (*oktyabr’skie*), focusing on the widespread model of nominating animals depending on the time of their birth.

The research is based on the materials of the Arkhangelsk Regional Dictionary, its card file, and the authors' own field notes.

KEYWORDS: anthroponymy, personal names, Russian dialectology, Arkhangelsk dialects

FOR CITATION: Kachinskaya I. B., Degterenko M. V. Representation of Calendar Month Names in Personal Names (Based on Arkhangelsk Dialects). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 5. Pp. 7–14. DOI: 10.7868/S3034592826050015.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF № 23-18-00027, <https://rscf.ru/project/23-18-00027>.

1. Номинация календарных месяцев. После принятия христианства славянские названия месяцев (*сечь, цветень, травень, листопад...*)¹ в Древней Руси заменились на латинские (*январь, апрель, май, октябрь...*). В русском именослове появились имена, связанные с новыми названиями месяцев: *Януарий, Августа, Юлия*. Имена давались по святцам, т. е. по именам святых, чей день памяти более-менее соответствовал дню рождения или крещения ребенка. При этом день памяти св. Януария приходится на 4 мая / 21 апреля по ст. ст., блаженного Августина — на 28 июня / 15 июня по ст. ст., и лишь день памяти муч. Иулии действительно выпадает на июль (29 июля). Таким образом, обнаруживается отсутствие соотношения личного имени с временем рождения в определенный календарный месяц.

Если сегодня имена *Юлия, Августа, Октябрина, Декабрина* мы считаем мотивированными и соотносим с названиями календарных месяцев (хотя многие дети, которым давались подобные имена, были рождены вовсе не в эти месяцы), то исторически дело обстояло прямо противоположным образом: латинские названия некоторых месяцев возникли от имен богов или императоров. *Январь* — от имени бога Януса, *март* — бога Марса [Макробий 2007: 137], *май* — богини Майи [Петровский 1966: 147]. Название месяцев *сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь* — это просто порядок счета, при котором, до римской реформы, первым месяцем считался март: седьмой — *septem, сентябрь*, восьмой — *octavus, октябрь*, девятый — *november, ноябрь*, десятый — *december, декабрь*.

Имя *Гая Юлия Цезаря* послужило мотивацией для переименования пятого месяца (*quintilis*) в *июль* — либо еще при жизни императора, в начале 44-го года до н. э. [Светоний 1990: 32], либо уже после его убийства, когда

¹ Славянская номинация месяцев сохранилась во многих славянских языках, в том числе в польском, украинском, белорусском.

друг Цезаря Марк Антоний провел специальный закон о переименовании [Макробий 2007: 141–142].

Месяц *август* получил название в честь другого римского императора², до этого он был шестым (*sextilis*): в 8 году до н. э. римский сенат постановил переименовать его в честь Октавиана Августа — в этом месяце Октавиан одержал несколько значимых военных побед: «И так как... этот месяц есть и был счастливейшим для этой державы, сенату угодно, чтобы этот месяц звали августом» [Макробий 2007: 142].

2. Древнерусские имена. Дохристианские русские имена были мотивированными: *Владимир*, *Святослав*, *Добрыня*. Имена типа *Неждан*, *Нечай*, *Некрас* также имели прозрачную внутреннюю форму [Никонов 1993: 80–81] и выполняли защитную магическую функцию, отгоняя от ребенка злых духов [Кюршунова 2010: 368].

В берестяных грамотах и надписях, найденных на раскопах, упоминаются имена *Неделька* (гр. № 21 из Старой Руссы, надпись № 24), *Завид* (надпись № 25) [Янин, Зализняк 1993: 114], *Доброшка* (гр. № 664, 665 и 779), *Добрила* (гр. № 889), *Сновид* (гр. № 780), *Страшка* (гр. № 780), [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 16–22] и другие. А. А. Зализняк в своем труде «Древненовгородский диалект» приводит имена, которые могли употребляться и как личные имена, и как прозвища, например *Воронец*, *Баран*, *Заяц*, *Дрозд*, *Дуда* [Зализняк 2004: 205]. Языческие имена постепенно переходили в категорию прозвищ, а позже становились фамилиями: так, от имени *Докука* (*Докуня*, *Докучка*) были образованы фамилии *Докука*, *Докукин*, *Докучка* [Веселовский 1974: 97–98].

С началом христианства имена с русским этимологом активно заменялись иностранными: еврейскими (*Иван*, *Марья*), греческими (*Александр*, *Ксения*, *Фекла*), латинскими (*Клавдия*, *Виктор*), ингерманландскими (*Игорь*, *Ольга*) и др. Принятие новых имен шло достаточно медленно — сосуществование иноязычных христианских и русских языческих имен продолжалось до XV–XVII вв. [Суслова, Суперанская 1991: 50]. В княжеской среде устойчиво сочетались мирские дохристианские имена и крестильные христианские: *Владимир* — *Василий*, *Владимир* — *Дмитрий*, *Мстислав* — *Федор*, *Ростислав* — *Михаил* [Литвина, Успенский 2006: 419].

3. Новые имена советской эпохи. В годы советской власти во времена борьбы с религией появилась необходимость в создании новых имен, отсутствующих в святцах. Стали популярными «литературные» имена *Людмила*

² *Augustus* — титул древнеримских императоров, дословно обозначает ‘священный’, ‘величественный’. От этого значения в русском языке появилось слово *августейший*. Это имя было дано Октавиану Августу в 27 году до н. э., поскольку тот стал первым императором Рима. После смерти Октавиана имя *Август* превратилось в официальный титул. Женская форма имени (*Августа*, *Августина*) использовалась для обозначения римских императриц и других женщин императорской семьи.

и Светлана [Душечкина 2007]. Появились многосложные имена типа *Вилен* и *Вилена* (Владимир Ильич Ленин), *Владлен* и *Владлена* (Владимир Ленин), *Марлен* (Маркс и Ленин) [Петровский 1966: 76, 79, 152]. Обрело популярность имя *Октябрина*, что было связано с победой Октябрьской революции.

4. Название месяца и имя. По всей вероятности, имя *Октябрина* стало новым толчком для развития модели, когда название месяца становится мотивирующей базой для имени.

В деревенской культуре название месяца часто было основанием для выбора клички домашнего животного, в основном это касалось крупного и мелкого рогатого скота: коров, быков, коз: *В марте родится — так Марттик* (бычок). *Я по месяцам называю, а Марта — в марте. Кóзу-то? Одна Апрелька, а друга Февралька, а козлик — Студентом дано, потому что родился как раз в Татьянин день, зимой. Маленька коза у меня пущена, Ноябрьринка зовём, в ноябре родилась. Декабріны бывают (коровы), и всякие.* Кличка может не повторять название месяца, но быть ему созвучна: *Ну, Яна (корова) у нас родилась в январе. Майка в мае. Так же и коз ведь. Янки — в январе*³.

Возможно, модель образования кличек животных стимулировала создание новых личных имен, мотивированных названиями месяцев: *Октябрина, Ноябрьрина, Декабрина, Сентябрьрина, Январина*.

Имя *Октябрина*, безусловно, первоначально было связано с Октябрьской революцией [Петровский 1966: 169] — событием, произошедшим в октябре (по нов. стилю — в ноябре): *Я одна в Тárне Октябрина. В честь праздника мне отец дал, в честь октября.* В северной деревне оно получило широкое распространение. В начале своего появления оно было резко противопоставлено другим именам, даваемым «по церковным книгам»: *Октябрина некрещёна, из болота притащёна.* Позже оно, вероятно, могло переосмыслиться как мотивированное названием месяца, а не политического события: *Давали, всякие имена давали. Октябрины тоже были. Так зазвали Октябриной. Октябрина-то не одна была.*

Некоторые гипокористические (уменьшительные) варианты этого имени делят его как бы на две части, заставляя воспринимать как сложное: помимо стандартного варианта *Октябринка*, возникает *Октя* и *Ина*, *Инка*: *Там Октябринка живёт. Иишó была Октебринка живая. Это брат Октябринки, котора у вас там живёт. Вот Октябрину зовут Октя, Октя. Октябрина — маленько имя-то Ина. А бывало, на Плоском жали, Инка у нас тогда небольшая была.*

Имя *Ноябрина* тоже связано с Октябрьской революцией [Петровский 1966: 168], день празднования которой с 25 октября перенесли на 7 ноября,

³ Все приводимые записи сделаны в Архангельской области во время полевых экспедиций по сбору материалов для «Архангельского областного словаря»; названия районов и пунктов опущены; примеры подаются в орфографии, некоторые яркие особенности речи носителей сохранены.

но праздник по-прежнему назывался *октя́б(рь)ские*: У Серафимы была дочка **Ноябрі́на** — назвали в честь октябских праздников. Была у нас **Ноябрина**, тут где-то сейчас в Подмоскowie живёт.

Н. А. Петровский пишет, что мужское имя *Декабрин* возникло в честь декабристов [Петровский 1966: 93], а имя *Декабрина* представляет собой его женский вариант. Хотя декабристы были не очень популярны в северных деревнях, в архангельских говорах зафиксирована лексема *декабрист* в значении ‘человек, открыто выражающий свое мнение’: Ой, у нас батька такой декабрист был! Как выпьет, так все коммунисты окна позакрывают. В похожем значении встретилось прилагательное *декабристский*: Меня за этот декабристский характер и выперли!

В архангельских говорах зафиксировано имя *Декабрина*: **Декабрина**, **Октябрина** — в каком месяце рождается, так и имя давано. Это же имя может быть не связано с датой рождения: 31 января родилась, а назвали **Декабрина**. Есть еще **Сентябрина**: **Сентябрины** сосед. И Январина: **Январі́ны**, **Октябрины** были имена, **Марта**, **Марфа**. Меня зовут Бронисла́ва, я всегда стеснялась, Юля у меня была сестра, Ю́лья, **Январі́на**, **Октябрі́на**, **Марфа**, **Евсто́лья**. Вероятно, в какую-то эпоху пошла мода на подобные имена: в одной семье появляются и Ю́лия, и Январина, и Октябрина. Помимо Ю́лии, использовалось имя Ю́ния (Ю́ня): Ю́ня у меня была сестра, Ю́ния.

Если имена *Октябрина*, *Ноябрина*, *Сентябрина*, *Декабрина*, *Январина*, *Ю́ния* являются по сути новыми, а имена *Марта*, *Майя*, *Ю́лия*, *Августа* «старыми» (т. к. они имеются в «церковных книгах»), в северной деревне они одинаково воспринимаются как новые, хотя Ю́лии и Августы встречаются намного чаще, чем *Сентябрины* и даже *Октябрины*. Вот женщина рассуждает о своем собственном имени, предполагая, что его нет в святцах: Эково имени и нету, наверно, **Августі́на**.

Мужские имена, связанные с названиями календарных месяцев, встречаются в архангельских говорах значительно реже. Зафиксированы имена *Октябрин*, *Декабрин*, *Май*: Да **Октябрі́н** приходил дак сказывал. Да́ве тоже **Октябрин** говорит... Купалисе, купалисе, вышли на́ берег, а тот пошёл да и сбёрёл, с этим **Октябрі́нушкой** купались. Тут **Декабрі́н** был, с Лойги переехали сюда на Мехре́нгу. Дедко **Май**.

Из «старых» мужских календарных имен в картотеке «Архангельского областного словаря» нашлось имя *Августі́н* (*А́вгуст*): На самом крайном доме **Августі́н** Иванович. У нас в деревне-то мало-то **А́вгустов**. Гипокористические варианты от *А́вгуста* и *А́вгусты* — *Гу́тя*, *Гу́тька*, *Гу́стя*, *Гу́ська*, *Гу́ся*, *А́ва*. О мужском варианте имени: *Гу́тя* да *Гу́тя* мы всё звали, *Гу́тька* идёт. У нас вот на Гу́сее-то там *Гу́тя* да Бау́лин. О женском варианте: Говорят, после этого праздника заху́дала-то больно *Гу́стя*-то, *А́вгуста*. Ой, имя-то красиво, да я век не люблю своего имени, почто так

*назвали? А ребята — кто **Гу́тя** зовёт, внуки тожо баба **Гу́тя**. Можно и **Гусей** называть, **Гу́тя** легче, чем **Густя**. Её **Гу́тькой** звали, а меня **А́ва**.*

Возможно, резкое количественное несоответствие между женскими и мужскими вариантами имен, восходящих к названиям календарных месяцев, связано с необходимостью образования патронимов (отчеств) от мужских имен. Тем не менее зафиксировано отчество от имени *Октябрин*: *Николай **Октябринович** жил — кто Академик звал, кто Профессор, как начнёт доказывать, никак не переубедить, но, бывало, мысли хорошие были.*

Возникновение моды на имена, мотивированные названиями календарных месяцев, имело, по-видимому, несколько причин: желание в советское время порвать со старой традицией давать имена по святцам или «по отцам и дедам»; появление новых праздников (*октябрьские, ноябрьские*), распространенную модель номинации животных в зависимости от времени их появления на свет.

Источник

Картотека «Архангельского областного словаря». Архив кабинета русской диалектологии кафедры русского языка филологического ф-та МГУ имени М. В. Ломоносова.

Литература

- Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
- Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 227 с.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.
- Макробий А. Ф. Сатурналии // Исседон (ΙΣΣΕΔΩΝ): Альманах по древней истории и культуре. Т. 4. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2007. С. 135–159.
- Никонов В. А. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 384 с.
- Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат., предисл. и послесл. М. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1990. 255 с.

- Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Лениздат, 1991. 220 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1984–1989 гг. М.: Наука, 1993. 348 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М.: Русские словари, 2004. 287 с.

References

- Dushechkina E. V. *Svetlana. Kul'turnaya istoriya imeni* [Svetlana. Cultural history of the name]. St. Petersburg, The European University in St. Petersburg Publ., 2007. 227 p.
- Kyurshunova I. A. *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvishch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoi Rusi XV–XVII vv.* [Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames of North-Western Russia of the XV–XVII centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2010. 672 p.
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponomimiki* [The choice of a name among Russian princes in the 10th – 16th centuries. Dynastic history through the lens of anthroponymy]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 904 p.
- Makrobii A. F. [Saturnalia]. *Issedon – ΙΣΣΕΔΩΝ: Al'manakh po drevnei istorii i k ul'ture* [Issedon – ΙΣΣΕΔΩΝ: Almanac of Ancient History and Culture]. Ekaterinburg, The Ural State University Publ. House, 2007, vol. 4, pp. 135–159. (In Russ.)
- Nikonov V. A. *Slovar' russkikh familii* [Dictionary of Russian surnames]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1993. 224 p.
- Petrovskii N. A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya Publ., 1966. 384 p.
- Suslova A. V., Superanskaya A. V. *O russkikh imenakh* [About Russian names]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991. 220 p.
- Svetonii G. T. *Zhizn' dvenadtsati tsezarei* [The Life of the Twelve Caesars]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. 255 p.
- Veselovskii S. B. *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvishcha i familii* [Onomasticon: Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 382 p.
- Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste: iz raskopok 1984–1989 gg.* [Novgorod letters on birch bark: from the excavations of 1984–1989]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 348 p.
- Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1997–2000 gg.* [Novgorod letters on birch bark: from the excavations of 1997–2000]. Moscow, Russkie Slovari Publ., 2004. 287 p.
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edition. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 872 p.

Как «ИИшка» описывает нирвану: смогут ли большие языковые модели составлять толковые словари?

Анна Разифовна Пестова¹, Валерий Александрович Шульгинов², Институт
русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)¹, Московский физико-технический институт
(Россия, Москва)², pestova2012@gmail.com¹, vshulginov@hse.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826050023

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию возможностей больших языковых моделей в области автоматизации лексикографического описания. Цель исследования заключается в оценке качества лексикографических описаний, генерируемых современными мультязычными моделями, а также в выявлении ограничений их использования. Материалом исследования послужили две лексические группы: неологизмы из сферы искусственного интеллекта и лексика буддийского происхождения. В рамках эксперимента было проведено тестирование пяти моделей, включая отечественные разработки и зарубежные аналоги. Методология исследования включает в себя разработку детализированного промпта, основанного на принципах академической лексикографии, настройку параметров, непосредственную генерацию толкований, а также последующую экспертную валидацию полученного материала. Результаты показали, что модели демонстрируют сопоставимый уровень качества при генерации толкований, однако испытывают затруднения при определении стилистических характеристик и иллюстративного материала. Наиболее устойчивые результаты зафиксированы при работе с лексикой, глубоко интегрированной в русский язык. Выявлены критические ограничения в применении языковых моделей: формальное использование стилистических помет, создание ложных толкований на основе

фонетического сходства и массовая фабрикация иллюстративных примеров с вымышленными источниками. Делается вывод о том, что на современном этапе языковые модели могут рассматриваться как вспомогательный инструмент в лексикографической практике, требующий обязательной экспертной валидации и методологического контроля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: большие языковые модели, искусственный интеллект, русский язык, практическая лексикография, автоматизация лексикографии, толковый словарь, стилистические пометы, составление словарных статей, неологизмы, буддийская лексика

для цитирования: Пестова А. Р., Шульгинов В. А. Как «ИИшка» описывает нирвану: смогут ли большие языковые модели составлять толковые словари? // Русская речь. 2026. № 5. С. 15–28. DOI: 10.7868/S3034592826050023.

БЛАГОДАРНОСТИ: Авторы выражают благодарность Министерству науки и высшего образования Российской Федерации за поддержку данного исследования в рамках дополнительного соглашения № 075-03-2026-305 (от 16 января 2026 г.), связанного с проектом «Прикладные исследования по внедрению технологий искусственного интеллекта в высшее образование» (шифр научной темы: FSMG-2025-0086).

Issues of Modern Russian Language

How AI Describes Nirvana: Can Large Language Models Compile Explanatory Dictionaries?

Anna R. Pestova¹, Valerij A. Shulginov², Vinogradov Russian Language Institute
(Russian Academy of Science), (Russia, Moscow)¹, Institute of Physics and Technology (Moscow, Russia)²,
pestova2012@gmail.com¹, vshulginov@hse.ru²

ABSTRACT: This article examines the potential of large language models for automating lexicographic descriptions. The study aims to evaluate the quality of dictionary entries produced using contemporary multilingual models and to identify the limitations of their application in academic lexicography.

The research material comprises two lexical groups: neologisms from the field of artificial intelligence and vocabulary of Buddhist origin. Five language models were tested, including both domestic and international developments. The methodology combines a detailed prompt designed based on the principles of academic lexicography, parameter tuning, the direct generation of lexicographic descriptions and the subsequent expert validation of outputs. The results show that, while the models produce definitions of comparable quality, they encounter significant difficulties in assigning stylistic labels and selecting illustrative examples. The most stable performance was observed in cases involving vocabulary that is deeply integrated into the Russian language system. The analysis highlights several limitations of language model applications, such as the formalised use of stylistic labels, the generation of false definitions based on phonetic similarity, and the fabrication of large quantities of illustrative examples with fictitious sources. The study concludes that, at the current stage of development, language models can only serve as auxiliary tools in lexicographic practice, requiring mandatory expert validation and strict methodological control.

KEYWORDS: large language models, artificial intelligence, Russian language, practical lexicography, lexicography automation, explanatory dictionary, stylistic labels, lexical entry writing, neologisms, Buddhist vocabulary

FOR CITATION: Pestova A. R., Shulginov V. A. How AI Describes Nirvana: Can Large Language Models Compile Explanatory Dictionaries? *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 5. Pp. 15–28. DOI: 10.7868/S3034592826050023.

ACKNOWLEDGEMENTS: The authors express their gratitude to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for supporting this research under the additional agreement No. 075-03-2026-305 (dated January 16, 2026), which is related to the project “Applied Research on the Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education” (scientific topic code: FSMG-2025-0086).

1. Введение

Современный этап развития лексикографии отмечен масштабной цифровизацией, которая проходит путь от простого создания онлайн-копий печатных словарей до формирования сложных электронных баз данных (см., например, [Воронцов 2024], [Каленчук 2024], [Макаров 2024]). Появление больших языковых моделей подталкивает словарное дело к следующему качественному скачку. Если ранее речь шла преимущественно о компьютерной лексикографии (computer-aided lexicography), то сегодня фокус

смещается к модели «ИИ-лексикографии» (AI-driven lexicography), в которой технологии искусственного интеллекта выступают не только инструментом поиска, но и средством синтеза лексикографической информации [De Schryver 2023, 2024]. Подобный подход может значительно расширить методологический инструментарий, добавив к традиционным навыкам лексикографа компетенцию по разработке и тестированию инструментов, формированию словарной эмпирической базы и, что критически важно, — окончательной экспертной валидации полученного результата.

Вместе с тем внедрение ИИ на отдельных этапах лексикографического описания сталкивается с рядом ограничений. Наиболее заметным ограничением является сложность генерации толкований в условиях недостаточного объема данных в обучающих датасетах [De Schryver 2024; Lew 2024]. Как отмечает Г. М. де Схрейвер, «учитывая подавляющий объем английского языка в больших языковых моделях, модель просто не способна “думать” на каком-либо другом языке, не говоря уже о его лингвистическом анализе» [De Schryver 2024: 6]. Хотя данная проблема прежде всего касается малоресурсных языков, она актуальна и для специфических пластов лексики, слабо отраженных в обучающей выборке. В связи с этим особую актуальность приобретает задача верификации качества работы моделей на материале неологизмов, которые в силу своей новизны наименее представлены в текстовых корпусах для обучения моделей.

Еще одной проблемой автоматизации задач лексикографии является качество генерируемых толкований. Как отмечают М. Якубичек и М. Ранделл, несмотря на стилистическую убедительность определений, предлагаемых языковыми моделями, им нередко свойственна семантическая неполнота: в частности, могут не учитываться значимые компоненты значения [Jakubíček, Rundell 2023]. Дополнительным ограничением является недетерминированность ответа: идентичные запросы к моделям могут приводить к разным результатам, что противоречит требованиям воспроизводимости и редакторской стабильности [McKean, Fitzgerald 2024]. Вместе с тем следует отметить, что последующие версии моделей демонстрируют более высокое качество генерации [Pham et al. 2025].

Наконец, серьезные трудности вызывает задача подбора иллюстративных примеров. Исследования в области диалектной лексикографии показывают, что языковые модели способны создавать правдоподобные, но фактически вымышленные контексты употребления, критичные для словарной практики [Stöckle et al. 2025].

Наше исследование направлено на анализ потенциала больших языковых моделей (далее — «модели») при генерации словарных статей русскоязычных неологизмов. Под большими языковыми моделями понимаются основанные на нейронных сетях системы искусственного интеллекта,

обученные на значительных массивах текстовых данных и способные анализировать и генерировать текст на естественном языке. Поскольку мы рассматриваем модели как частный случай реализации технологии искусственного интеллекта, в контексте нашей статьи термины «ИИ» и «модель» будут использоваться как взаимозаменяемые. Ниже представлены структура системного промпта (текстовой инструкции, которая задает модели пользовательскую задачу, а также требования к формату ответа), методология эксперимента и анализ полученных данных.

2. Структура промпта и лексические группы для исследования

Для обеспечения строгости методологии исследования был разработан детализированный системный промпт, опирающийся на принципы академической лексикографии. Модели получили задание составить словарную статью по структуре: 1) стилистические пометы (если необходимы); 2) толкование; 3) речения и текстовые иллюстративные примеры; 4) ответ («да» или «нет»), нужно ли включать слово в академический словарь.

Промпт составлен с учетом советской и современной академической лексикографической традиции по материалам инструкций для составителей «Словаря русского языка» [Евгеньева (ред.) 1981–1984], «Словаря современного русского литературного языка» [Чернышев (ред.) 1948–1965] (см. [Инструкция... 1953]; [Инструкция...1958]) и раздела «Как пользоваться словарем» «Академического толкового словаря русского языка» [Крысин (ред.) 2016] (далее — АТoS). Так, для каждой лексической группы задан набор стилистических помет, основанный в первую очередь на АТoS. Требования к толкованиям предписывают использование нейтральной лексики и исключают энциклопедичность. Подбор примеров регламентирован следующими параметрами: речения должны демонстрировать типичную для данного слова сочетаемость, а текстовые иллюстрации должны извлекаться из авторитетных источников. Для ответа на вопрос о включении слова в словник академического словаря моделям предлагается ориентироваться на типологию С. И. Ожегова, в которой говорится, что словарь среднего типа детально разрабатывает «исторически оправданное стилистическое многообразие современного литературного языка» [Ожегов 1974: 165–166], при этом узкопрофессиональная и специальная терминология, не имеющая широкого распространения, в таком словаре не фиксируется. Данный расширенный промпт с подробной инструкцией, на наш взгляд, позволяет объективно оценить не «знания» ИИ, а его способность следовать сложной лексикографической методике.

Объектом исследования стали две лексические группы, представляющие трудности для современной лексикографии. Первая — неологизмы

из сферы искусственного интеллекта (*вайб-кодинг, иишка, температура, нейрослоп, промпт-инъекция*), возникшие в языке недавно и не зафиксированные словарями. Вторая — лексика буддийского происхождения (*ретрит, карма, нирвана, сангха, дхарма*), которая заметно актуализировалась в русском языке за последние десятилетия в связи с влиянием восточных практик на сферы психологии, саморазвития и массовой культуры. Такие слова, как *карма* и *нирвана*, не только расширили употребление, но и приобрели новые смысловые оттенки, а менее освоенные лексические единицы (*ретрит, сангха, дхарма*) представляют собой сложный объект для лексикографического описания. Сравнительный анализ этих двух групп позволил проверить способности больших языковых моделей к работе как с неологизмами (ИИ-лексика), так и с уже освоенной лексикой, которая находится в процессе активной трансформации и расширения (буддийская лексика).

В качестве образца в промпте приведены словарные статьи лексем из соответствующих тематических групп, составленные авторами АТОС: для ИИ-лексики это статья ГИПЕРССЫЛКА, для буддийской — БУДДА.

3. Принципы разметки и тестирования

Для нашего эксперимента были отобраны пять мультиязычных моделей. В выборку вошли как отечественные решения, оптимизированные для работы с русским языком (T-pro-it-2.0¹, GigaChat-2-Max², YandexGPT-5 Pro³), так и ведущие зарубежные аналоги (GPT-5⁴, DeepSeek-R1-Distill-Llama-70B⁵). Для обеспечения унификации запросов обращение к моделям производилось в параллельном режиме по API через единый шлюз доступа Vsellm⁶. В ходе тестирования использовался режим генерации, ориентированный на снижение вариативности ответов, что позволило обеспечить воспроизводимость полученных результатов. В настройках языковых моделей за это отвечает параметр *температуры*, регулирующий баланс между предсказуемостью и оригинальностью ответов в диапазоне от 0 до 1. Поскольку перед моделями ставилась относительно творческая задача — генерация толкований, — было решено провести два тестирования: первое с параметром температуры 0,3, второе — 0,5. Такой подход позволил оценить устойчивость поведения моделей при составлении

¹ URL: <https://tpro-it.ru>

² URL: <https://developers.sber.ru/portal/products/gigachat>

³ URL: <https://cloud.yandex.ru/services/yandexgpt>

⁴ URL: <https://openai.com>

⁵ URL: <https://github.com/deepseek-ai>

⁶ URL: <https://vsellm.ru/>

словарных статей, а также выявить влияние параметра на качество лексикографического описания.

В соответствии со структурой промпта модели выполняли три типа задач: (1) атрибуция по закрытым спискам (стилистические пометы и решение о включении в академический словарь); (2) генерация текста; (3) подбор иллюстративных примеров с опорой на авторитетные источники. На заключительном этапе эксперимента результаты, полученные от языковых моделей, были валидированы двумя независимыми экспертами. Каждый ответ оценивался по трехбалльной шкале: 0 — неудовлетворительно, 1 — частично подходит, 2 — отлично. Согласованность экспертных аннотаций измерялась с помощью метрики согласия каппа Коэна — статистического показателя, который позволяет установить, насколько совпадение оценок двух экспертов превышает уровень случайного совпадения. Значение коэффициента 1 соответствует полному согласию, 0 указывает на согласованность на уровне случайного совпадения, а отрицательные значения свидетельствуют о согласованности ниже случайно ожидаемой. Коэффициент рассчитывался отдельно для каждого оценочного признака. Помимо интегральных показателей, результаты анализировались по отдельным срезам, включая тип задачи, лексические подгруппы и настройки модели. Далее рассмотрим результаты тестирования.

4. Статистические результаты тестирования⁷

Анализ выявил существенные различия в уровне согласованности экспертных оценок в зависимости от типа задачи. Наивысшие показатели согласия ($\kappa = 0,97$) были зафиксированы в разделе иллюстративных материалов, а также при оценке качества толкования (0,86). В то же время умеренная степень согласованности наблюдалась при подборе стилистических помет (0,67) и при решении вопроса о возможности включения лексемы в академический словарь (0,62). Полученные расхождения свидетельствуют о том, что даже при относительной точности семантического толкования статус лексемы в соотношении с конкретной социальной группой (*жарг./сленг.*) и сферой употребления (*разг./спец.*) может оставаться недостаточно определенным.

Общий рейтинг моделей, сформированный на основе суммарных экспертных оценок, продемонстрировал следующее распределение: GPT-5 (0,56), Yandex GPT-5 Pro (0,53), T-pro-it-2.0 (0,50), GigaChat-2-Max (0,49), DeepSeek-R1 (0,47). Полученные результаты позволяют сделать ряд

⁷ В данной научной работе использованы результаты проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2026 г.

наблюдений. Все модели показали сопоставимый уровень качества, при этом русскоязычные решения оказались конкурентоспособными по сравнению с зарубежными аналогами. Вместе с тем на текущем этапе ни одна из рассмотренных моделей не способна самостоятельно обеспечить формирование полноценной словарной статьи без использования дополнительных надстроек, в частности специализированных корпусов текстов для подбора иллюстративных примеров. Как видно на Рис. 1, основные трудности при работе моделей связаны с подбором стилистических помет и иллюстративного материала, что в значительной степени повлияло на снижение итоговых оценок.

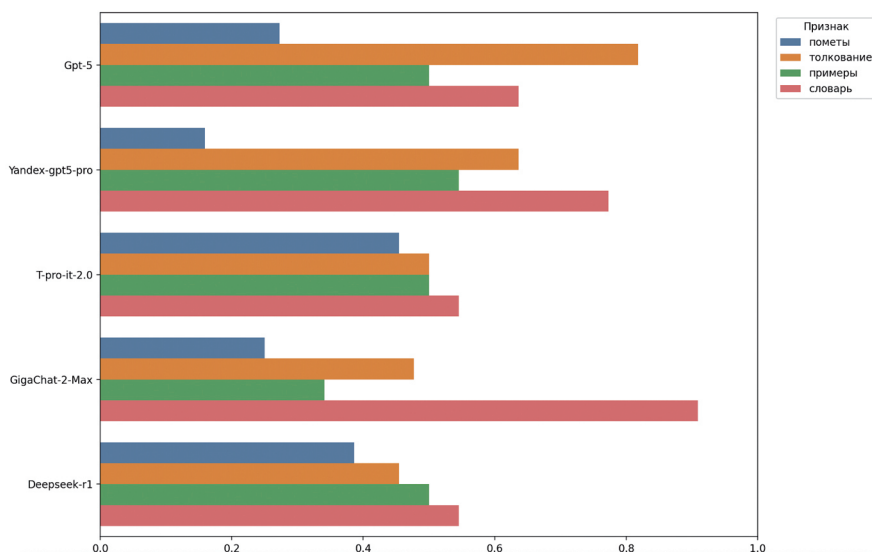

Рис. 1. Сравнение больших языковых моделей по качеству генерации отдельных лексикографических компонентов

Fig. 1. Comparison of LLMs by quality of generating individual lexicographic components

Существенным для настоящего исследования является анализ качества толкований в зависимости от типа лексической группы: неологизмов из сферы искусственного интеллекта (1) и лексики буддийского происхождения (2). В случае группы (1) общий рейтинг моделей изменился незначительно, однако показателен заметный отрыв GPT-5, что может быть обусловлено как более высоким качеством модели, так и англоязычной базой ее обучения, поскольку именно английский язык нередко выступает источником заимствований данной лексики: GPT-5 (0,71), Yandex GPT-5 Pro (0,42), T-pro-it-2.0 (0,33), DeepSeek-R1 (0,25), GigaChat-2-Max (0,17). В случае группы (2) наблюдается иная картина: буддийская лексика значительно лучше освоена русским языком, что выражается как

в более высокой точности работы моделей, так и в большей согласованности экспертных оценок: GPT-5 (0,95), Yandex GPT-5 Pro (0,90), GigaChat-2-Max (0,85), T-pro-it-2.0 (0,70), DeepSeek-R1 (0,70).

Наконец, следует отметить, что эксперименты с параметром температуры не выявили существенной вариативности в ответах: в большинстве случаев модели воспроизводили идентичные результаты. Незначительное преимущество температурного режима 0,5 было зафиксировано при выполнении задач по подбору стилистических помет и принятию решения о включении лексемы в словарь, тогда как значение 0,3 продемонстрировало несколько лучшие результаты при подборе иллюстративных примеров и формулировании толкований.

5. Качественные результаты тестирования

Анализ ответов языковых моделей на детализированный лексико-графический промпт позволил выявить ряд системных ошибок.

1. Так, задание на **выбор стилистической пометы** выявило, что языковые модели не способны применять формальные критерии из академических источников. Результат показал, что модели оперируют пометами как ярлыками без содержания, не понимая стоящей за ними лингвистической логики. Это привело к трем типам сбоев.

Во-первых, все тестируемые модели продемонстрировали системное непонимание пометы *спец.*, которая в промпте имела следующее пояснение: «специальное, характеризует термины, используемые в разных специальных сферах» (ср. [Крысин (ред.) 2016, т. 1: 19]) — т. е. предназначена для междисциплинарных терминов. В рамках нашего эксперимента этой стилистической пометой снабжалась как ИИ-лексика (*промпт-инъекция, температура*), так и буддийская (*карма, нирвана, ретрит, сангха, дхарма*). Модель DeepSeek совершила еще более грубую ошибку, синтезировав гибридную помету *спец. (религ.)* для слов *сангха* и *дхарма*, смешав тем самым разноуровневые понятия.

Во-вторых, языковые модели проигнорировали различие между стилистическими пометами *жарг.* и *сленг.*, используя их как синонимы для слов *вайб-коддинг, иишка, промпт-инъекция, нейрослоп*, хотя в инструкции четко оговаривалось, что *жарг.* указывает на связь с конкретным жаргоном, а *сленг.* «приписывается словам, которые пришли в литературный язык из жаргонной речи, но не имеют ясно определяемой связи с каким-либо конкретным жаргоном» [Крысин (ред.) 2016, т. 1: 35].

Наконец, ИИ, похоже, не вполне понимает природу стилистических помет, поскольку подменяет их указанием на тип значения. Например, модель T-Pro использует семантическую помету *перен.* как стилистическую

для вторых значений слов *дхарма* и *нирвана*, хотя в предоставленном в промпте списке она отсутствовала.

2. Что касается **толкований**, то здесь очевиден яркий контраст между способностью моделей обрабатывать устоявшуюся и новейшую лексику. С лексикой, имеющей обширный устоявшийся корпус текстов (например, с буддийскими терминами *сангха*, *ретрит*), модели поступали как умелые компиляторы, давая корректные в целом толкования, см., например: *сангха* — «1. Сообщество монахов-буддистов, организованное по строгим канонам монашеской жизни. 2. Все последователи учения Будды как религиозная организация» (GigaChat); *ретрит* — «1. Период уединения, отстранения от повседневной жизни и социальных контактов, проводимый с целью духовного или психологического самосовершенствования, отдыха. 2. Мероприятие, семинар или программа, организованные в уединенной обстановке для занятий саморазвитием, медитацией, обучением и т. п.» (YandexGPT). Однако при столкновении с новейшими неологизмами из сферы ИИ модели превращались в беспомощных неографов, демонстрируя не аналитические, а псевдотворческие механизмы. В отсутствие релевантных данных они выдумывали значения, опираясь на поверхностные признаки.

Опора на фонетику привела к тому, что для неологизма *ишка* предлагались, например, такие толкования:

- «уничижительное название кошки женского пола» (GigaChat);
- «уменьшительно-ласкательная форма слова “кишка”, обозначающая желудок или внутренние органы человека» (T-Pro);
- «уменьшительно-ласкательная форма слова “игрушка”» (Yandex GPT);
- «уменьшительно-ласкательная форма имени “Иван”» (DeepSeek).

Опора на внутреннюю форму породила следующие абсурдные толкования: *вайб-кодинг* — это «способ программирования, при котором код пишется в приятной, вдохновляющей атмосфере, часто под музыку или в компании коллег» (T-pro); *нейрослоп* — «неформальное обозначение слюны или плевка, связанного с нервной системой» (DeepSeek).

Помимо подобных грубых ошибок генерации толкований, обнаружилась более тонкая проблема — склонность языковых моделей к избыточному дроблению на отдельные значения. Яркий пример — слово *температура*. Модель OpenAI выделила два значения: «1. Параметр в генеративных моделях машинного обучения, регулирующий степень случайности создаваемых ответов путем изменения резкости распределения вероятностей. 2. Параметр в методах вероятностного выбора и оптимизации, задающий масштаб оценок вариантов и тем самым сглаживающий или усиливающий различия между их вероятностями». Для толкового словаря

среднего типа это слишком дробное толкование: разница между данными значениями трудноуловима. Ту же тенденцию мы видим при работе с неологизмом *промт-инъекция*, который был истолкован моделью T-Pro так: «1. Вредоносный запрос, вводимый в систему ИИ с целью обойти ее защиту. 2. Любое намеренное изменение входного запроса с целью повлиять на поведение ИИ».

Таким образом, большие языковые модели, стремясь к полноте описания, имеют тенденцию создавать семантический «шум», затрудняющий для пользователя словаря понимание значения слова.

3. Задание подобрать **иллюстративные примеры** из авторитетных источников стало своеобразным тестом на академическую добросовестность, который большинство моделей провалило. Их способность генерировать связный текст обернулась здесь кризисом достоверности.

Все модели фабриковали цитаты, приписывая неологизмы классикам и создавая несуществующие источники. Например, GigaChat сочинила фразу про «иишки» для ненаписанной книги Д. Донцовой:

- (1) *Не включайся в эту историю, парень, иишки тебе жизни не добавляют.*
Д. Донцова. Вареное тесто с сюрпризом.

Модель T-Pro сгенерировала «цитаты» со словами *сангха* и *дхарма*: одна из них «принадлежит» несуществующему автору М. Л. Геласимову, а вторая отсылает к произведению Л. Н. Толстого, которого тот не писал:

- (2) *В традиции Тхеравады сангха играет ключевую роль в сохранении чистоты учения.* М. Л. Геласимов. Буддизм: философия и практика.
(3) *Будда учил, что дхарма — это путь к освобождению от страданий.*
Л. Н. Толстой. Воспоминания о С. А. Танееве.

Одна из моделей (DeepSeek) выбрала путь плагиата промпта, дословно заимствуя для иллюстрации слова *дхарма* пример, данный в словарной статье БУДДА:

- (4) *Почему Будда, Магомет, Христос нас разъединяют, а мы в фанатизме своем враждуем и с их именами на устах убиваем друг друга?..*
М. Козаков. Актерская книга.

Любопытно, что само слово *дхарма* в этом примере отсутствует. Это демонстрирует непонимание задачи и отсутствие поисковой функции в заданном контексте.

На этом фоне выделилась стратегия модели YandexGPT, которая в ряде случаев честно заявляла: «Не удалось найти примеры употребления слова в указанных источниках». В контексте академической лексикографии такой отказ этичнее и профессиональнее генерации фальшивых

иллюстративных примеров, так как сохраняет требования к верифицируемости данных. Способность больших языковых моделей признавать границы своих знаний оказалась редким и ценным качеством.

6. Заключение

Проведенный эксперимент демонстрирует, что большие языковые модели, несмотря на их способность к генерации связного текста, не готовы к роли автономных лексикографов. На данном этапе они демонстрируют компетентность, обратно пропорциональную новизне лексики. Ключевым ограничением является их зависимость от объема и качества обучающих данных: модели успешно компилируют готовые знания (буддийская лексика), но терпят фиаско при работе с новейшей лексикой (ИИ-неологизмы). Это доказывает, что их текущая роль — не новатор, а архивариус, эффективность которого определяется объемом уже существующего текстового корпуса.

Более того, качественный анализ выявил системные сбои в базовых лексикографических операциях. Модели манипулируют стилистическими пометами как ярлыками, не понимая лингвистических критериев, демонстрируют неспособность к семантическому анализу новообразований, а при подборе иллюстративных примеров фабрикуют цитаты и их источники. Эти ошибки коренятся в фундаментальном несоответствии между статистической природой больших языковых моделей и задачами, требующими лингвистического анализа и экспертной верификации. Таким образом, на современном этапе ИИ может выступать лишь как вспомогательный инструмент — генератор гипотез или помощник в обработке структурированных данных, — тогда как финальные решения должны оставаться за лексикографом-человеком.

Литература

- Воронцов Р. И. Большой академический словарь русского языка: перспективы электронной реализации // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 3. С. 56–68.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах). Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 94 с.
- Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 88 с.
- Каленчук М. Л. Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы // Русская речь. 2024. № 4. С. 34–41.

- Крысин Л. П. (ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 1–2: М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
- Макаров Ю. Ю. Принципы и методы цифровой лексикографии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 102–112.
- Ожегов С. И. О трёх типах толковых словарей современного русского языка // Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. С. 158–182.
- Чернышев В. И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.-Л., 1948–1965.
- De Schryver G.-M. Generative AI and lexicography: The current state of the art using ChatGPT // *International Journal of Lexicography*. 2023. Vol. 36 (4). P. 355–386.
- De Schryver G.-M. The road towards fine-tuned LLMs for lexicography // *Large Language Models and Lexicography (LLM-Lex 2024): Book of Abstracts* / Ed. by S. Krek. Ljubljana: ELEXIS Association, 2024. P. 6–11.
- Jakubiček M., Rundell M. The end of lexicography? Can ChatGPT outperform current tools for post-editing lexicography? // *Electronic lexicography in the 21st century (eLex 2023): Proceedings of the eLex 2023 Conference, Brno, 27–29 June 2023* / Ed. by M. Medved', M. Měchura, C. Tiberius, I. Kosem, J. Kallas, M. Jakubiček, S. Krek. Brno: Lexical Computing CZ, 2023. P. 518–533.
- Lew R. Dictionaries and lexicography in the AI era // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. P. 426.
- McKean E., Fitzgerald W. The ROI of AI in lexicography. *Lexicography*. 2024. Vol. 11 (1). P. 7–27.
- Pham B., Wong J.-H., Kim S., Yin Y., Skiena S. Word definitions from large language models. 2025 19th International Conference on Semantic Computing (ICSC). Laguna Hills, CA, USA, 2025. P. 158–162.
- Stöckle P., Stocker R., Dorn A. LLM-assisted dialect lexicography: Challenges and opportunities in processing historical Bavarian dialects // *Electronic lexicography in the 21st century (eLex 2025): Intelligent Lexicography. Proceedings of the eLex 2025 Conference, Bled, 18–20 November 2025* / Ed. by I. Kosem, M. Jakubiček, M. Medved', K. Zgaga, Š. Arhar Holdt, T. Munda, A. Salgado. Bled: Lexical Computing CZ s.r.o., 2025. P. 457–479.

References

- Chernyshev V. I. (ch. ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, 1948–1965.
- De Schryver G.-M. Generative AI and lexicography: The current state of the art using ChatGPT. *International Journal of Lexicography*, 2023, vol. 36, no. 4, pp. 355–386. (In Eng.)
- De Schryver G.-M. The road towards fine-tuned LLMs for lexicography. *Large Language Models and Lexicography (LLM-Lex 2024): Book of Abstracts*. Ed. by S. Krek. Ljubljana, ELEXIS Association Publ., 2024, pp. 6–11. (In Eng.)

- Evgen'eva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. 2nd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovara sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" (v trekh tomakh)* [Instructions for compiling the "Dictionary of the Modern Russian Literary Language" (in three volumes)]. Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences USSR, 1953. 94 p.
- Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovara sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" (v pyatnadsati tomakh)* [Instructions for compiling the "Dictionary of the Modern Russian Literary Language" (in fifteen volumes)]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences USSR, 1958. 88 p.
- Jakubiček M., Rundell M. The end of lexicography? Can ChatGPT outperform current tools for post-editing lexicography? *Electronic lexicography in the 21st century (eLex 2023): Proceedings of the eLex 2023 Conference, Brno, 27–29 June 2023*. Ed. by M. Medved', M. Měchura, C. Tiberius, I. Kosem, J. Kallas, M. Jakubiček, S. Krek. Brno, Lexical Computing CZ Publ., 2023, pp. 518–533. (In Eng.)
- Kalenchuk M. L. [National dictionary fund: new opportunities and prospects]. *Russkaya rech'*, 2024, no. 4, pp. 34–41. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.) *Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1–2. Moscow, Publ. House YaSK, 2016.
- Lew R. Dictionaries and lexicography in the AI era. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2024, vol. 11, p. 426.
- Makarov Yu. Yu. [Principles and methods of digital lexicography]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2024, vol. 83, no. 4, pp. 102–112. (In Russ.)
- McKean E., Fitzgerald W. The ROI of AI in lexicography. *Lexicography*, 2024, vol. 11, no. 1, pp. 7–27.
- Ozhegov S. I. [On three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi* [Lexicology. Lexicography. Speech culture]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1974, pp. 158–182. (In Russ.)
- Pham B., Wong J.-H., Kim S., Yin Y., Skiena S. Word definitions from large language models. *2025 19th International Conference on Semantic Computing (ICSC)*. Laguna Hills, CA, USA, 2025, pp. 158–162. (In Eng.)
- Stöckle P., Stocker R., Dorn A. LLM-assisted dialect lexicography: Challenges and opportunities in processing historical Bavarian dialects. *Electronic lexicography in the 21st century (eLex 2025): Intelligent Lexicography. Proceedings of the eLex 2025 Conference, Bled, 18–20 November 2025*. Ed. by I. Kosem, M. Jakubiček, M. Medved', K. Zgaga, Š. Arhar Holdt, T. Munda, A. Salgado. Bled, Lexical Computing CZ s.r.o. Publ., 2025, pp. 457–479. (In Eng.)
- Vorontsov R. I. [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: Prospects of electronic realization]. *Filologicheskii klass*, 2024, vol. 29, no. 3, pp. 56–68. (In Russ.)

Названия банана в русском языке XVIII века

Кира Иосифовна Коваленко¹, Валерия Борисовна Колосова², Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург), kira.kovalenko@gmail.com¹, chakra@eu.spb.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826050031

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается ряд названий растения банан (*Musa spp.*) и его плодов в русском языке XVIII в. Прослеживается появление и употребление фитонимов *муза, муса, муза мудрых, муза бананская, банан, банана, бананас, бананиян, бананиера, бала, индийская фига, индийская смоква, индейская смоковница, индейский бананник, Адамова смоковница, Адамово яблоко, райское яблоко, райская фига, райская смоква, пизанс, пизанг, плантан, плантен, плантейн, плантин, плантинс, фигойейра*. Разнообразие номинаций обусловлено тем, что в русском языке использовались лексемы западноевропейских языков, которые, в свою очередь, были заимствованы из местных языков тех территорий, на которых выращивали растение банан. Часть названий мотивирована представлением о банане как дереве, произраставшем в раю. Различные подходы к передаче иноязычных фитонимов — транслитерация, транскрипция, калькирование, словообразовательная и морфологическая адаптация — также способствовали появлению вариантов.

Лексемы, обозначающие названия банана, зафиксированы в основном в переводной литературе различных жанров (художественных произведениях, научных трактатах, травелогах, энциклопедиях). Значительно реже рассматриваемые фитонимы встречаются в сочинениях русскоязычных авторов (газетных публикациях, травелогах, мемуарах, ботанических, энциклопедических или толковых словарях), нередко представляющих собой компиляции иноязычных источников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банан, *Musa spp.*, русский язык, фитонимы, названия растений, история слов, заимствования, XVIII век, ботаническая лексика
для цитирования: Коваленко К. И., Колосова В. Б. Названия банана в русском языке XVIII века // Русская речь. 2026. № 5. С. 29–42. DOI: 10.7868/S3034592826050031.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено в рамках проекта «Растения и люди в Российской империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик», реализуемого в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Авторы выражают благодарность О. С. Беличенко, Ю. М. Гизатуллиной и Г. А. Молькову за помощь в поиске источников и сверке цитат.

From the History of the Russian Language

The Names for Banana in the Russian Language of the 18th Century

Kira I. Kovalenko¹, Valeria B. Kolosova², European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg), kira.kovalenko@gmail.com¹, chakra@eu.spb.ru²

ABSTRACT: This article examines a number of names for the banana plant (*Musa spp.*) and its fruits in the 18th-century Russian. It traces the emergence and use of the following phytonyms: *muza*, *musa*, *muza mudryh*, *muza bananskaya*, *banan*, *banana*, *bananas*, *bananiyan*, *bananiera*, *bala*, *indijskaya figa*, *indijskaya smokva*, *indejskaya smokovnica* (Indian fig), *indejskij banannik*, *Adamova smokovnica* (Adam's fig), *Adamovo yabloko* (Adam's apple), *rajskoe yabloko* (apple of Paradise), *rajskaya figa*, *rajskaya smokva* (apple of paradise), *pizans*, *pizang*, *plantan*, *planten*, *plantejn*, *plantin*, *plantins* and *figyuejra*. The diversity of nominations is due to the fact that the Russian language used lexemes from Western European languages, which, in turn, were borrowed from the local languages of the territories where the banana plant was

grown. Some of the names are motivated by the idea of the banana as a tree that grew in paradise. Various approaches to rendering foreign-language plant names — transliteration, transcription, calques, word-formation, and morphological adaptation — also contributed to the emergence of variants. Lexemes denoting banana names are recorded primarily in translated literature of various genres (fiction, scientific treatises, travelogues, and encyclopedias). These plant names are much less common in the works of Russian-language authors (newspaper publications, travelogues, memoirs and botanical, encyclopedic, or explanatory dictionaries), which are often compilations of foreign-language sources.

KEYWORDS: banana, Russian language, *Musa* spp., phytonyms, plant names, history of words, borrowings, 18th century, botanical lexis

FOR CITATION: Kovalenko K. I., Kolosova V. B. The Names for Banana in the Russian Language of the 18th Century. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 5. Pp. 29–42. DOI: 10.7868/S3034592826050031.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was carried out within the framework of the project “Plants and people in the Russian Empire of the 18th century: knowledge and practice distribution among social classes”, implemented at the European University at St Petersburg. The authors would like to express their gratitude to O. S. Belichenko, Yu. M. Gizatullina, and G. A. Molkov for their assistance in finding sources and verifying quotes.

Знакомство европейцев с экзотическими фруктами имеет давнюю историю. Известно, что в южных провинциях Римской империи выращивали апельсины, гранаты, финики, инжир, дыни [Dalby 2022]. С появлением оранжерей увлечение экзотическими растениями распространилось на север, и в середине XVI в. апельсины, лимоны, гранаты и инжир можно было встретить уже во Франции, Германии, Нидерландах и Британии [Woods, Warren 1988]. Банановую «пальму» известный лондонский садовод Томас Фэйрчайлд вырастил в начале XVIII в. [Leapman 2001: 37], а в 1730 г. натуралист Джон Коуэл дал подробные рекомендации по уходу за этим экзотическим растением в одном из разделов своего садоводческого пособия [Cowell 1730: 21–27]. В Нидерландах, находясь в поместье Георга Клиффорда с 1735 по 1737 г., растение банан описал Карл Линней; один из плодов он послал парижскому садоводу, который в это же время также выращивал банан, но не смог добиться плодоношения [Blunt 1971: 107–108].

В оранжерею графа П. И. Шувалова в Петербурге растение банан было привезено в 1754 г. Спустя два года оно принесло плоды, и это событие было сочтено достойным того, чтобы сообщить о нем в газете «Московские ведомости»: «В саду Его Сиятельства Графа Петра Ивановича Шувалова, имѣется смотрения достойное произращение с плодом. Оное есть столь славная Муза, банана или бананиера, которая в России прежде сего ни когда не цвѣла и плода не приносила. Оная муза в Нѣмецких и Голландских садах называемая Пизанс или Смоковница Индѣйская, в концѣ минувшаго года выросла вышиною в 3. аршина и в три четверти, и в прошлом Генварѣ мѣсяцѣ из вершины ствола вышло толстое стебло около 6ти дюймов в округ, а на нем явились плоды, которых в Февралѣ было 24. со всѣм созрѣлых. У сего произращения листьа в 2. аршина длиною, и в три четверти аршина шириною, и утверждены на стебликѣ в пол аршина длиною: а то стебло еще по сю пору растет и цвѣтет»¹ [МВ 1756: 2].

Достаточно скоро новинку завели и в императорских садах. «Санкт-Петербургские ведомости» за 21 августа 1758 г. писали: «В здѣшнем новом ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА саду двѣ музы бананския, или так называемыя Пизанг, отмѣнной величины, добрым присмотром садовника Генриха Эклебенса до того приведены, что не только цвѣт имѣли, но и дѣйствительно с плодом находятся. Каждое стебло от земли до цвѣточнаго стебла вышиною в 14 1/2 Аглинских футов; окружность каждаго стебля в 2 1/2 фута, длина листу от 8 2/3 до 9 футов, стебель в 2 1/3 фута, а ширина листу в 2 1/2 фута. На одном из сих растѣний, которое 18 Июля цвѣсти начало, находятся нынѣ 62 плода; кроме того выходит ежедневно еще больше цвѣтов, но без плоду. На другом растѣнии, на коем 25 Июля первые плоды оказались, нынѣ уже 70 штук, и еще половина цвѣточнаго стебля не отцвѣла» [СПбВ 1758: 1].

Поскольку экзотическое растение было совершенно новым, устоявшейся номинации для него не существовало, и авторы газетных заметок дали сразу несколько названий: *муза (бананская)*, *банана*, *бананиера*, *пизанг/пизанс* и *смоковница индейская*.

Муза является транскрипцией названия *Musa*, которое использовалось ботаниками еще до Карла Линнея. Предположительно оно происходит из арабского *mauz*, восходящему к санскритскому *mucha* [Yule, Burnell 1903: 715]. В своем описании банана из сада Клиффорда Линней, указывая на такую этимологию, посчитал ее не вписывающейся в традиции ботанической номинации, в которой преобладают латинские и греческие названия, и предложил не изменять название *Musa*, но считать его образованным

¹ Цитаты приводятся в упрощенной орфографии.

либо от древнегреческих муз, являющихся покровителями искусств, либо от некоего древнего ботаника по имени Musa [Linné 1736: 6].

Лексемы с корнем *банан-*, по мнению этимологов, восходят к языку банту² в Гвинее или киконго в Конго и попали в русский язык через посредство одного из западноевропейских языков (ср. нем. *Banane*, итал. *banana*) [Аникин 2008: 167]. Лексический вариант *бананиера*, вероятно, появился из фр. *bananier*.

Пизанг и его вариант (или опечатка?) *пизанс* восходят к слову *pisang* — названию банана из малайского языка, которое было заимствовано в английский, немецкий, норвежский, шведский и голландский [Yule, Burnell 1903: 714].

Еще одним названием банана, используемом в западноевропейских языках, было *Figges of the Indias* или *Indian fig* [Yule, Burnell 1903: 716], что привело к появлению русскоязычной кальки *смоковница индейская*, также приведенной в газетной статье. Кроме того, нельзя исключать, что на такую номинацию повлияло долиннеевское латинское обозначение банана *Ficus indica* (см., например, в [Bauhin 1623: 508]).

Необходимо заметить, что образованной публике Российской империи описываемое в газете экзотическое растение могло быть знакомо. В «Книге мирозрения» — сочинении Христиана Гюйгенса, переведенном с немецкого и опубликованном в 1717 г., — упоминаются *индийские фиги*, «еже толстыми листьями без стебля растут» [Гюйгенс 1717: 57] (в нем. тексте — «Indianischen Feigen welche mit dicken Blättern ohne Stengel wachsen» [Huygens 1703: 22]).

Под другим названием банан упомянут в произведении Ричарда Уолтера «Путешествие около света...», опубликованном в переводе на русский язык в 1751 г., в котором назван *плантан*. Слово было снабжено примечанием: «Плантаны есть чрезвычайно приятной плод плантана дерева, которое находят на Канарских островах и в Америке. Описание как сего дерева, так и плода находится во всеобщей истории о путешествиях во второй части на стран. 9 и 11 той»³ [Уолтер 1751: 85]. Plantain в английском оригинале и plantan в издании на немецком, которым пользовался переводчик Василий Лебедев, заимствованы из исп. *platano*, *plantano* [CNTRL]⁴ и обозначали плод той разновидности банана, который перед

² В издании словаря написано «бангу», а не «банту», что, вероятно, является опечаткой.

³ Примечание, заимствованное переводчиком Василием Лебедевым из немецкого издания, ссылается ко второму тому «Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und Lande», изданному в Лейпциге в 1748 г.

⁴ Различные версии, каким образом испанские слова, сходные с названием растения *platanus*, описанным еще Плинием, стали названиями банана, приводятся в [Yule, Burnell 1903: 715–716].

употреблением в пищу требовал термической обработки [Yule, Burnell 1903: 715].

Обе разновидности бананов — как употребляемые в сыром виде, так и требующие приготовления — описаны в книге Уильяма Руфуса Четвуда «Мореплавания и чудные приключения морского капитана Рихарда Фалконера»: «Плантинс также хорошей овощ когда выпечен бывает в золѣ, которой склавам или невольникам вмѣсто хлѣба дают. Сей овощ родится так в шелухѣ, как бобы, на подобие Бологнезерского сухого калбаса. Бананас также овощ почти такоуж роду, однако короче и слаще. Оба сии овощи поспѣвают в году в одно почти время, и во весь год не переводятся, ибо когда одни собирать можно, то другие цвѣтут, и так во весь год» [Четвуд 1765: 36–37]. Вариативность номинаций по сравнению с уже приведенными ранее *банана* и *плантан* обусловлена словами в немецком оригинале — *plantins* (мн. ч.) и *bananas* (ед. ч.) [Chetwood 1743: 40].

В немецком тексте «Последнего путешествия около света капитана Кука» Циммермана также дано несколько названий банана — «*Planteins, Bananas*», «*Planteins, Pisangs*» [Zimmerman 1781: 22, 25], что в контексте было переведено следующим образом «многие другие <островитяне. — К. К., В. К.> приплыли к нашему елботу, и привезли нам кокосовых орѣхов, плантейнов, бананов и шедиков», «тотчас нанесли нам <...> плантенев, пизнгов <так! — К. К., В. К.>, кокосовых орѣхов» [Циммерман 1786: 27, 33].

В описании рецепта приготовления бананов в «Истории о странствиях вообще по всем краям земного круга» аббата Прево имеется еще один вариант — *плантин*: «Плантины ѣдят жареные и вареные в водѣ, когда совершенно вырастут; прежде однако же, нежели совсѣм созрѣют, в изготовленные без мяса и рыбы кладут лимонной сок, соль и зернистой перец. Ёдят также их жареные с сырыми спѣлыми: первое служит за хлѣб, а другое за масло» [Прево 1783: 528, 531].

В другом месте «Странствий» банан назван иначе: «фигуейра, или Индѣйской бананник» [Прево 1783: 516]. Так было переведено с французского «*le Figueira, ou Bananier des Indes*» [Prevost 1753: 469] — ‘фига (от порт. *figueira*), или банан Индии’. В первом случае переводчик М. И. Веревкин транслитерировал неизвестное слово, а в другом — модифицировал его, добавив русский суффикс.

Лексема *банан* (именно в той форме, которая принята и сейчас) в переводах фиксируется ближе к концу века, а именно в переводном произведении «Макалал нигритянин». Слово сопровождается примечанием переводчика⁵: «*Банан, или Адамова смоковница, которой пень состоит из свертка многих листьев...*» [Макалал нигритянин 1793: 306], являющимся

⁵ Во французском и немецком тексте примечание к соответствующему слову отсутствует.

сокращенной версией словарной статьи «Bananier ou figuier d'Adam» из «Всеобщего словаря естественной истории» Бомара [Valmont-Bomare 1775: 466–469]. Помимо описания растения и его плода, в примечании переведено объяснение, почему оно называется *адамова смоковница*: «Нѣкоторые плод сей почитают плодом, который запрещено было вкушать нашим Праотцам в раю» [Макалдал нигритянин 1793: 307].

В оригинальных русскоязычных произведениях, кроме упомянутых газетных публикаций, банан фиксируется достаточно редко. Он упоминается в научно-публицистическом тексте у И. И. Лепехина («Музы или Индийские смоквы» [Лепехин 1783: 3]), а также в травелоге «Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода», где автор старается подробно описать экзотическое растение российскому читателю: «Сверх жалованья производили печенаго хлѣба по фунту, или литрѣ, самаго плохаго по их названію Шкофта: оной гораздо хуже нашего Российскаго да и черен, ибо состоит из произрастѣнія называемаго Датчанами платна <так! — К. К., В. К.> Банана, и варили кофій всякое утро по нарочитой чашкѣ с сахарным песком; банана очень сытна, оную можно ѣсть, кроме сырой, соленую, вареную, печеную и жареную, и дерево сего произрастѣнія подобно нѣсколько видом нашему еловому дереву, а плод онаго сырой вкусом как огурец, и бывает длиною в полъаршина, толщиною неболѣе нашего большаго огурца, кожа на нем зеленая; дерево же высокое, ровное, и листья аршина в три и так легки, как трава, одним листом можно послать и одѣться: дерево впрочем так крепкое, что можно большим ножом, или солдатским тесаком перерубить неболѣе как с разу по мягкости его: чрез один год опять оно вырастает и приносит плоды» [Баранщиков 1787: 13–15].

О том, что и само растение, и его название были мало известны, свидетельствуют ошибки при наборе текста в типографии. Так, в описании роскошной жизни князя Шувалова (в оранжерее которого начиналась история рассматриваемого экзотического растения) в мемуарном памфлете М. М. Щербатова 1780-х гг., именно слово *банан* вызвало трудности у наборщика: «Дом его был убран колико возможно лучше по тогдашнему состоянию; стол его маленький наполнен был всѣм тѣм, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десерт его был по тогдашнему наивеликолѣпнѣйший; ибо тогда как многие из живших вѣкъ вкусу ананасов не знали, а *об алань* <выделено нами. — К. К., В. К.>⁶ и неслыхивали, он их в обилствѣ имѣл и первый из приватных завел ананасовую большую оранжерею» [Щербатов 1983: 71 (4 паг.)].

⁶ Ср. воспроизведение текста в НКРЯ: «десерт его был по тогдашнему наивеликолепнейший, ибо тогда как многия, изживши век, вкусу ананасов не знали, а о банане и не слыхивали».

В 1780 г. экзотическое растение попало в первый ботанический словарь — «Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произращениях» Кирияка Кондратовича. В словарной статье словаря приводится два названия банана на русском языке и латинские названия с транслитерацией на кириллицу: «Яблоко райское или Адамово: плод от дерев. *Limonium*, *musa*. Лимониум, муза» [Кондратович 1780: 144]. Помимо *Musa*, в латинской части статьи приведено еще одно — *Limonium*, используемое для названия разных растений, в том числе лимона. Такая странность объясняется тем, что в источнике, которым, по всей видимости, пользовался Кондратович, в разделе плодоносящих деревьев друг за другом перечислены несколько растений: «*potum Adami*, *malus Medica*, *Limonium*, *musa arbor*, *figus Indica*» [Fell 1673: 41]. Поскольку сочинение Фелла «Грамматика разума, или Основы логики» не было посвящено ботанике, автору, вероятно, было не столь принципиально, какие растения и в каком порядке перечислить в этом разделе. Кондратович же заимствовал оба шедшие подряд названия, не проанализировав текст источника критически.

Русское название *яблоко Адамово*, как можно видеть, тоже заимствовано из «Грамматики разума». Как и второе наименование в словаре Кондратовича — *яблоко райское*⁷, — оно восходит к уже упоминавшемуся представлению о банане как запретном древе в раю или же дереве, из листьев которого Адам и Ева сшили себе одежду [Yule, Burnell 1903: 715]. В этом же ряду стоят названия, приведенные вместе с латинским и немецким соответствиями в немецко-латинско-русском словаре «*Botanisches Wörterbuch*» Н. М. Максимовича-Амбодика: «*Banananbaum* — *Musa sapientum* — Муза мудрых», «*Muse* — *Musa* — Муза, музино, райское растѣние», «*Paradiesfeige* — *Musa paradisiaca* — Муза, райская фи́га, смо́к-ва» [Ambodik-Maksimovič 1795: 9, 88, 95]. Через несколько лет последнюю статью можно было встретить уже не в специализированном, а обычном немецко-русском переводном словаре, в основу которого лег словарь немецкого языка И. К. Аделунга [Аделунг 1798: 185].

Еще одним известным ботаническим словарем XVIII в. является «Ботанической подробной словарь, или Травник...» А. К. Мейера. Он был организован по латинскому алфавиту; русские названия шли после латинских. В словаре содержатся две статьи, касающиеся банана, и обе отсылают

⁷ Оба названия могли обозначать также плод сем. цитрусовых: «АДАМОВЫ ЯБЛОКИ, РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ. Лат: *Malum Adami*. Нѣм: *Adams-Apfel*. Плод привезенный из Южных земель, видом сходствующий на померанец, но нѣсколько больше онаго и шероховатѣе. Листья сего дерева похожи на лимонные. Дерево само по себѣ очень крѣпко, и может сносить всякую стужу и непогоду; по чему на выросшие от сѣмян его пенѣнки прививают очень часто цитроны или лимоны; а при том и разводится оно точно таким же образом как и тѣ деревья» [Осипов 1791: 16].

к статье MUSA: «BALA, Бала. Смотри Musa, Муза» и «BANANA, Банана, и BANANAS, Бананас. Смотри Musa, Муса» [Мейер 1781: 360, 378]. К сожалению, до статьи MUSA словарь не дошел, так как публикация остановилась на букве С, однако в этом случае также помогает обращение к источнику, которым пользовался Мейер: статьи BALA и BANANA являются переводом аналогичных статей из «Нового и полного словаря искусств и наук» [A new and complete dictionary 1754 (1): 242, 248], а словарная статья, на которую они ссылаются (MUSA), описывает растение банан [A new and complete dictionary 1754 (3): 2158]. Язык-источник лексемы *bala* / *бала* в другом англоязычном словаре указан как «малабарский» (Malabarian) [Motherby 1775⁸].

В словарях XVIII в. описание банана можно встретить в различных словарных статьях, что было обусловлено наличием нескольких названий в западноевропейских языках, с которых был сделан перевод на русский, например: «МУЗА. Растение Египетское, имеющее листы, похожие на тростниковые, но длиннѣе; стебель его чешуист, листы растут на верху онаго; вѣтвей у него нѣтъ, но между листов выходит стебель усаженный плодами, подобными видом к огурцам, а вкусом к дынѣ, и неимѣющими внутри ни ядра, ни сѣмян. Муза сия не иное что, как великая трава, похожа на пальмовое дерево» [Леклерк де Монлино 1788: 313]; «БАНАН. Плод великаго и толстаго растения, называемаго Бананянн, и растущаго во множествѣ в Индии. Бананы величиною с куриное яйцо и растут гроздами хвалят сей плод за красоту и отмѣнной вкус» [Леклерк де Монлино 1788: 31]. Словом *бананянн* переведено французское *Bananier* [Leclerc de Montlinot 1763: 84], что является, по всей вероятности, переводческим неологизмом, так как французо-русские словари того времени не могли предложить русский эквивалент, толкуя фр. *bananier* как «индийское растѣние, род тростника» [ФРЛ 1786: 107].

«Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов» Леклерка де Монлино, в котором даны такие описания банана, был переведен с французского языка Василием Левшиным. В 1887 г. он приступил к изданию собственного фундаментального труда — «Словаря коммерческого, содержащего познание о товарах всех стран...» (1787–1792). Растению банан в нем посвящена объемная словарная статья, включающая несколько вариантов названия: «МУЗА. Плод горящаго пояса, носящий одинакое название с растением, на котором он рождается. Это самый тот, который от многих путешественников назван *Банан*. Малайцы называют оный *Писанг*; а некоторые Французы именуют его *плантин* <...>» [Словарь коммерческий 1790 (4): 249].

⁸ Страницы в издании отсутствуют, см. словарную статью MUSA.

В другой статье «Словаря коммерческого» («БУМАГА ПИСЧАЯ») форма слова, обозначающего банан, имеет достаточно запутанную историю. Так, о торговле бумагой в словаре отмечается: «Сверх же, так сказать, домашнего расхода, Франция производит собственную Бумагою великой торг, и отсылает в чужие государства, а особливо в Англию, Голландию, Испанию, в Левант, Данию и во все северные страны, даже отправляет оную в Восточную Индию, ибо Индейцы перестали уже писать на листах банияновых, сушеных на солнце, с тех пор, как Европейцы начали привозить к ним Бумагу» [Словарь коммерческий 1787 (1): 251]. Логично было бы предположить, что *банияновый* образовано от названия растения баньян (фикус бенгальский *Ficus benghalensis*), однако если мы обратимся к французскому тексту «Коммерческого словаря», содержащего аналогичную словарную статью, то увидим словосочетание *feuilles de bananier* [Savary Des Brûlons 1748: 687] — ‘листья банана’. Неправильная русская форма возникла из-за того, что Левшин пользовался сокращенной версией словаря — «Dictionnaire portatif de commerce», в которой допущена опечатка: *feuilles de bannier* [Dictionnaire portatif de commerce... 1761: 124]. При переводе Левшин транслитерировал основу французского слова и морфологически адаптировал его, как и в «Словаре ручной натуральной истории», добавив русский суффикс и окончание. В результате получилось прилагательное, близкое к *баньяновый* ‘относящийся к растению баньян’, однако по смыслу относящееся к растению банан.

В словник первого академического словаря — «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.) — ни одно из названий банана включено не было. Тем не менее в статье «СЛОН» сообщается, что «пищу его составляют многоразличныя произрастения, кокосы, индийския смоквы и пальмовыя деревья» [САР 1794: 548]. Индийской смоквой здесь назван банан, что подтверждается обращением к иноязычному источнику. Фрагмент о рационе слона был заимствован из перевода книги Н. Г. Леске «Начальныя основания естественной истории, содержащая царства животных, произрастений и ископаемых» [Начальныя основания... 1791: 137]. В оригинальном сочинении на немецком языке значится «Cocos, Pisang und Palmenbaume» [Leske 1784: 163], т. е. «кокос, банан и пальмовое дерево».

Таким образом, в русском языке XVIII в. фиксируется целый ряд названий для растения, который мы сейчас привыкли называть бананом, и для его плода. Большое количество наименований было обусловлено, с одной стороны, разнообразием фитонимов в западноевропейских языках, которые, в свою очередь, заимствованы из местных языков тех территорий, на которых выращивали банан, с другой — вариантами передачи этих лексем в русском языке (транскрипция, транслитерация,

калькирование). Однако со временем все разнообразие номинаций, рассмотренных выше, — *муза, муса, муза мудрых, муза бананская, банан, банана, бананас, бананиян, бананиера, бала, индийская фи́га, индийская смоква, индейская смоковница, индейский бананник, Адамова смоковница, Адамово яблоко, райское яблоко, райская фи́га, райская смоква, пизанг, пизанс, плантан, плантен, плантейн, плантин, плантинс, фи́гуюйра*, — свелось к одной лексеме *банан*. Аналогичный процесс отбора одного-двух фитонимов из длинного синонимического ряда происходил для айвы, баклажана [Коваленко, Колосова 2024], инжира [Коваленко, Колосова 2025] и множества других экзотических растений.

Источники

Аделунг — Полный немецко-русской лексикон. Ч. 2. СПб.: печатан в Императорской типографии у Ивана Вейтбрехта, 1798. 1060 с.

[Баранщиков В.] Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе. СПб.: Печатано в типографии Б. Л. Гека, 1787. 140 с.

[Гюйгенс Х.] Книга мирозрения, или Мнение о небесных глобусах и их украшениях. СПб.: В Санкт-Петербургской типографии, 1717. 267 с.

Кондратович К. А. Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произращениях. СПб.: В Типографии морского шляхетного кадетского корпуса, 1780. 168 с.

[Леклерк де Монлино Ш. А. Ж.] Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов. Ч. 1. М.: В Типографии Компании Типографической, 1788. 321 с.

Лепехин И. И. Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1783. 30 с.

Макалдал нигритянин // Чтение для вкуса и разума. 1793. Ч. 5. С. 292–313.

МВ — Московские ведомости. 1756. № 1. 26 апреля.

Мейер А. К. Ботанической подробной словарь, или Травник. Ч. 1. М.: В унив. Тип., 1781. 650 стлб.

Начальные основания естественной истории, содержащая царства животных, произрастений и ископаемых. Ч. 2. Царство произрастений. СПб.: печатано в Императорской типографии, 1791. 461 с.

[Осипов Н.] Подробной словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства. Часть первая. СПб.: [б/и], 1791. 368 с.

Прево д'Экзиль А.-Ф. История о странствиях вообще по всем краям земного круга. Ч. VI. М.: в Университетской типографии, у Н. Новикова, 1783. 589 с.

САР — Словарь Академии Российской. Часть V. СПб.: при Императорской Академии наук, 1794. 1084 стлб.

Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции... и проч. / Пер. с фр. Васильем Левшиным. В 7 ч. М.: В Типографии Компании Типографической, 1787–1792.

СПбВ — Санкт-Петербургские ведомости. 1758. № 67. 21 августа.

Уолтер Р. Путешествие около света, которое в 1740, 41, 42, 43, 44, годах совершил адмирал лорд Ансон, будучи главным командиром над эскадрою военных кораблей Его великобританского величества, отправленную для поисков в Южное море. СПб.: Типография Академии наук, 1751. 491 с.

ФРЛ — Полной французской и российской лексикон. Ч. I. СПб.: Печатано в Императорской Типографии, 1786. 684 с.

Циммерман Г. Последнее путешествие около света капитана Кука. СПб.: в типографии г. Вильковского и Галченкова, 1786. 265 с.

Четвуд У. Р. Мореплавания и чудные приключения морского капитана Рихарда Фалконера. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1765. 374 с.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М.: Наука, 1983. С. 35–130.

A new and complete dictionary of arts and sciences. London: Printed for W. Owen, at Homer's Head, in Fleet-street, 1754: Vol. 1–4.

Ambodik-Maksimovič N. M. Botanisches Wörterbuch. St. Petersburg: Gedruckt beym Kayserlichen Adelichen Landkadettenkorps, 1795. 157 s.

Bauhin C. Pinax theatri botanici Caspari Bauhini sive index in Theophrasti Dioscoridis Plinii et botanicorum qui a seculo scripserunt opera. Basel, 1623.

[*Chetwood W. R.*] Richard Falconers Erstaunliche Seefahrten, seltsame Begebenheiten und wunderbare Errettung. Leipzig: Im Weidmannischen Buchladen, 1743. 430 s.

CNTRL — Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnrtl.fr>. (дата обращения: 19.01.2025).

Cowell J. The curious and profitable gardener. London: W. Bickerton & Printed for Richard Montagu, 1730. 197 p.

Dictionnaire portatif de commerce. T. 4. Copengaque: Chez les Freres C. & A. Philibert, 1761. 466 p.

[Fell J.] *Grammatica Rationis, sive Insitutiones Logicæ. Oxonii: e Theatro Sheldoniano, 1673. 256 s.*

Huygens Ch. Cosmotheoros Oder Welt-betrachtende Muthmassungen von denen himmlischen Erd-Kugeln und deren Schmuck. Leipzig: Verlegt von Friedrich Lanckischens Erben, 1703. 103 s.

[Leclerc de Montlinot C. A. J.] *Dictionnaire portatif d'histoire naturelle. Tome premier. A Paris, Chez Claude-Jean-Baptiste Bauche, 1763. 392 p.*

Leske N. G. Anfangsgründe der Naturgeschichte. Leipzig: bei Seigfried Leb-recht Crusius, 1784. 682 s.

[Linné C.] *Caroli Linnaei Musa cliffortiana florens Hartecampi 1736 prope Harlemum. Lugduni Batavorum, 1736. 50 s.*

Motherby G. A New Medical Dictionary, Or, General Repository of Physic. London: Printed for J. Jonson, No 72, St. Paul's Church yard, 1775. [без нумерации страниц]

Prevost d'Exiles A.-F. Histoire générale des voyages. T. 11. A Paris: [éd. divers], 1753. 725 p.

Savary Des Brûlons J. Dictionnaire universel de commerce. T. 3 (L–Z). Paris, 1748. 1002 p.

Valmont-Bomare J. Ch. Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle. T. 1. A Paris: Brunet, 1775. 640 p.

Yule H., Burnell A. C. Hobson-Jobson: A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive. London: John Murray, 1903. 1021 p.

Zimmermann H. Reise um die Welt, mit Capitain Cook. Mannheim: Bei C. F. Schwan, kuhrfürstl. Hofbuchhändler, 1781. 110 s.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2 (б–бдынь). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 336 с.

Коваленко К. И., Колосова В. Б. Названия растений в Словаре Академии Российской (1789–1794): источники и принципы лексикографирования // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 23–42.

Коваленко К. И., Колосова В. Б. О названиях инжира в русском языке // Русская речь. 2025. № 3. С. 77–89.

Blunt W. The complete naturalist – a life of Linnaeus. London: William Collins Sons & Company Limited, 1971. 256 p.

Dalby A. Plants as Luxury Foods: "Sweet herbs for curry" // Giesecke A. (ed.). A Cultural History of Plants in Antiquity. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2022. P. 45–65.

- Leapman M. *The ingenious Mr Fairchild: the forgotten father of the flower garden*. Headline Book Publishing Ltd. New Ed, PS, 2001. 280 p.
- Woods M., Warren A. *Glass Houses. A history of Greenhouses, Orangeries and Conservatories*. London: Aurum Press, 1988. 216 p.

References

- Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Iss. 2. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 336 p.
- Blunt W. *The complete naturalist – a life of Linnaeus*. London: William Collins Sons & Company Limited, 1971. 256 p.
- Dalby A. Plants as Luxury Foods: "Sweet herbs for curry". Giesecke A. (ed.) *A Cultural History of Plants in Antiquity*. London, Bloomsbury Publishing Plc, 2022, pp. 45–66. (In Eng.)
- Kovalenko K. I., Kolosova V. B. [Plant names in the Dictionary of the Russian Academy (1789–1794): sources and principles of lexicography]. *Voprosy leksikografii*, 2024, no. 31, pp. 23–42. (In Russ.)
- Kovalenko K. I., Kolosova V. B. [On fig names in the Russian language]. *Russkaya rech*, 2025, no. 3, pp. 77–89. (In Russ.)
- Leapman M. *The ingenious Mr Fairchild: the forgotten father of the flower garden*. Headline Book Publ. Ltd. New Ed, PS, 2001. 280 p.
- Woods M., Warren A. *Glass Houses. A history of Greenhouses, Orangeries and Conservatories*. London, Aurum Press, 1988. 216 p.

Картинки в твоём букваре: что должен был знать царевич Алексей Петрович

Александр Львович Лифшиц, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), alifshits@hse.ru

DOI: 10.7868/S3034592826050049

АННОТАЦИЯ: Рукописи, предварявшие издание Лицевого букваря Кариона Истомина и Леонтия Бунина (1694), и само издание, предназначавшееся для царевича Алексея Петровича, содержат без малого четырёста иллюстраций, каждая из которых сопровождается подписью. Считается, что авторы учебного пособия реализовали принцип наглядности, сформулированный Я. А. Коменским. Иллюстрации составляют тематические ряды, каждый из которых, однако, не является ни полным, ни безупречным: названия экзотических или мифических животных единичны, названия планет и античных божеств предлагаются то в греческом, то в римском варианте; среди названий животных встречаются полногласные и неполногласные формы, редкие заимствования и диалектные названия; церковнославянские слова соседствуют с обиходными. Иными словами, невозможно увидеть единую систему, по которой выбирались лексемы, тем более что все существующие варианты Букваря отличаются один от другого. В то же время особенности рисунков позволяют утверждать, что изображаются злободневные реалии: киевская пятилинейная нотация, церковь в стиле нарышкинского барокко, существа из тех книг, которые читали при дворе. Делается вывод о том, что авторы хотели представить юному ученику не просто окружающий его мир во всем многообразии форм и слов, но актуальную действительность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Карион Истомин, букварь, иллюстрации, наглядность

для цитирования: Лифшиц А. Л. Картинки в твоём букваре: что должен был знать царевич Алексей Петрович // Русская речь. 2026. № 5. С. 43–55. DOI: 10.7868/S3034592826050049.

благодарности: При подготовке публикации использованы результаты научно-учебной группы «Музей утраченных древностей: описание предметов прикладного искусства в русских письменных источниках XIV–XVII века».

Автор чрезвычайно признателен рецензентам, особенно же Андрею Петровичу Богданову (1956–2026).

From the History of the Russian Language

Pictures in Your Primer: What Tsarevich Alexei Petrovich Should Have Known

Alexandr L. Lifshits, HSE University (Moscow), alifshits@hse.ru

ABSTRACT: The manuscripts that preceded the edition of the Illustrated Primer by Karion Istomin and Leonty Bunin (1694), and the edition itself, intended for Tsarevich Alexei Petrovich, contain nearly four hundred illustrations, each accompanied by a caption. It is believed that the authors of this textbook implemented the principle of clarity formulated by Jan Amos Komenský. The illustrations form thematic series, each of which, however, is neither complete nor flawless: the names of exotic or mythical animals are few and far between, the names of planets and ancient deities are offered in either Greek or Roman versions; the animal names include full-vowel and half-vowel forms, rare loanwords, and dialectal names; Church Slavonic words coexist with common ones. In other words, it's impossible to discern a single system by which the lexemes were selected, especially since all existing versions of the ABC book differ from one another. At the same time, the specific features of the drawings suggest that they depict topical realities: the Kyiv five-line notation, a church in the Naryshkin Baroque style,

and creatures from the books read at court. It is concluded that the authors wanted to present to the young student not just the world around him in all its diversity of forms and words, but actual reality.

KEYWORDS: Karion Istomin, children's primer, illustrations, visual aids

FOR CITATION: Lifshits A. L. Pictures in Your Primer: What Tsarevich Alexei Petrovich Should Have Known. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 5. Pp. 43–55. DOI: 10.7868/S3034592826050049.

ACKNOWLEDGEMENTS: In preparing this publication, the results of the work of the Research and Study Group "Museum of Lost Antiquities: Description of Applied Art Objects in Russian Written Sources of the 14th–17th Centuries" were used.

The author is extremely grateful to the reviewers, especially to Andrei Petrovich Bogdanov (1956–2026).

Одна из самых заметных книг конца XVII в. — Букварь Кариона Истомина — постоянно привлекает к себе внимание исследователей. Рукописный оригинал, списки с него, а особенно — печатное издание [Карион 1694] выделяются на фоне окружающей их книжности, кроме относительно небольшого круга современных Букварю книг, которые, как считается, также развивали идеи Яна Амоса Коменского о наглядности, необходимой на раннем этапе развития детской психики [Богданов 2003; Богданов 2020], и также предназначались для царских детей.

«Целевая аудитория» Букваря заставляет воспринимать этот учебник как самый репрезентативный для конца XVII в.: в марте 1692 г. рукописный Букварь был поднесен Наталье Кирилловне Нарышкиной, матери Петра I и, соответственно, бабушке двухлетнего на тот момент царевича Алексея Петровича в качестве первой части продуманной образовательной программы [Богданов 2020]. 14 октября 1693 г. другой список Букваря был поднесен царице Прасковье Федоровне, супруге царя Ивана Алексеевича [Браиловский 1902: IX], чтобы в будущем, вероятно, послужить пособием для ее дочерей: Екатерины (1691–1733) и совсем недавно — 28 января 1693 г. — родившейся Анны, будущей императрицы Анны Иоанновны.

От существовавших ранее русских букварей Букварь Кариона Истомина отличается прежде всего наличием огромного количества иллюстраций. «Может быть, скажут, что картинки, которыми снабдил свои буквари

Карион, как по содержанию, совершенно для детей непонятному, так и по исполнению, могли принести учащимся мало пользы», — замечает историк [Браиловский 1902: 295]. Современная исследовательница заключает, что Букварь «сочетает чуткость к интересам и потребностям ребенка, выразившуюся в многочисленных занимательных картинках, призванных заронить интерес к учебе, и “шедевральность”, эти потребности далеко не всегда учитывающую» [Савельева 2016: 289].

Несомненно, однако, что учебная книга была нацелена на облегчение жизни ученика. Как написал сам автор, «...предложих вещественных видов образы, коим словом кая вещь начинается глаголати, под всяким писменем ради созерцания отрочатам учащимся, и названия видов удобного в складе, да что видит, сие и назовет слогом писмене достолепного начертания тех...» [Карион 1694: [2]; Браиловский 1902: 9]. То есть ученик должен был соотносить изображения с написанным словом. «Ученик видел барабан, говорил “барабан”, усваивая звучание и многократно приведенное начертание буквы “Б”, а затем уже закреплял усвоенное внятными и простыми силлабическими стихами, удобными для обучения “правильному” чтению “по складам”», — комментирует современный ученый [Богданов 2020: 100]. «На страницах букваря во множестве изображены и сопровождаются подписями реальные бытовые предметы <...>. Их соседство в одном пространстве побуждает исследователя задумываться — что я вижу и о чем читаю?» [Ромашина 2023: 6]. Боюсь, однако, что в реальности дело обстояло несколько сложнее¹.

Дидактические стихи на разных листах книги заметно различаются по качеству, едва ли все могут быть признаны поэтической удачей автора. Насколько они были понятны для ребенка в конце XVII в., оценить проблематично. И наших знаний может не хватить для того, чтобы судить о степени внятности для малолетнего царевича или его сверстников картинок в букваре и, соответственно, о той степени педагогического успеха, которого достигли предпринятые монахом Карионом усилия.

Ученых картинки, конечно же, равнодушными не оставили. Более ста лет назад И. Тарабрин рассматривал иллюстративный ряд книги как своеобразный этнографический источник. Он писал о рисунках в рукописных вариантах букваря и о гравюрах Леонтия Бунина в печатном издании: «Нам нет необходимости доказывать, что каковы бы ни были эти изображения, дают ли они нам представление о действительных предметах, существовавших в эпоху Кариона, или некоторые из них только указывают, как тот или другой предмет понимался современниками,

¹ Ср. мнение Л. В. Мошковой, которая приводит серьезные аргументы в пользу невозможности использовать Букварь как реальный учебник [Мошкова 2013].

археологическое значение этих изображений не подлежит сомнению» [Тарабрин 1916: 23]. И в дальнейшем исследователи обращались к тому, что может быть относительно легко проанализировано, — к этнографической или историко-культурной составляющей иллюстраций и подписей к ним².

Но чем руководствовался автор в своём выборе, который во всяком случае не выглядит таким уж естественным и очевидным? И. Тарабрин даёт в приложении к исследованию полный прокомментированный список лексем, которые можно прочесть возле рисунков в рукописных вариантах и в напечатанной книге. Из приведенного перечня можно увидеть, что, например, **рак** и **птицы** отсутствуют в рукописных вариантах и появляются в произведении Московского Печатного двора [Тарабрин 1916: 68; Табл. XXXII–XXXIII], напротив, **Еродий птиц**, попавший в Букварь из Псалтири [Пс. 103: 17] и представленный в одном из списков, до типографии не добирается³, как не попадает в печатную книгу знакомый православному жителю России по тому же псалтирному тексту [Пс. 73: 6] **оскорд** [Тарабрин 1916: 57, 67]. И если легко представить, что **Псел премудрый** — византийский автор XI в. [Тарабрин 1916: 68], едва ли необходим юному ученику⁴, то появление лишь в черновом списке Букваря **кота** в качестве примера на букву Ъ [Тарабрин 1916: 61] и его непопадание в другие списки и в печатную версию книги объяснить несколько сложнее. Бывают ещё более непростые случаи. Так, в напечатанной книге присутствует **историограф**, но в одном из списков название сопровождается глоссой: **повестопи́сец**, в другом — исчезает первое слово [Тарабрин 1916: 60, Табл. XXVI].

Нет сомнений, что изменения в тексте букваря могли быть продиктованы возможностями гравёра, представлениями о том, как должна выглядеть в итоге напечатанная страница, наличием на ней места для дополнительного изображения или же его недостаток — мы можем лишь предполагать, как был устроен производственный процесс, кому

² Конечно же, Букварь Кариона Истомина вошёл в список источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [Геккер (сост.) 1975: 42].

³ Возможно, у Леонтия Бунина возникли затруднения с изображением птицы, которая в Синодальном переводе стала аистом, но, например, в «Физиологе» Дамаскина Студита рубежа XVII–XVIII вв. (РНБ. О.В.1) отождествляется с чайкой; см.: <https://zelomi.ru/damaskin> (дата обращения 09.10.2025). Впрочем, он не затруднился изобразить **гамаюна** — фантастическую безногую и бескрылую птицу [Тарабрин 1916: 54], правда, как показало недавнее исследование, у него было откуда её срисовывать [Дунаева, Преображенская 2026: 115].

⁴ Надо полагать, что для самого Кариона Истомина эта фигура не была случайной: его программа образования царевича включала в себя как неперенную византийскую часть общей православной культуры. Так, например, 3 марта 1699 г. он преподносит Алексею Петровичу украшенный иллюстрациями «Греческий летописец» [Браиловский 1902: 75].

принадлежало решающее слово и т. д. При этом не стоит забывать, что печатный Букварь был апробирован самим фактом поднесения его рукописного варианта бабушке главного предполагаемого ученика — Наталье Кирилловне Нарышкиной, а затем супруге царя Иоанна. Но можно быть уверенным, что в напечатанную книгу попало только то, что не вызвало возражений у представительниц царского семейства, что они сочли полезным, допустимым или, наоборот, не сочли вредным для младшего поколения. Другими словами, иллюстрации букваря не противоречили представлениям о том, что может узнавать в процессе учебы ребенок, родившийся в царской семье.

Изображения, избранные авторами для тиражного воспроизведения, не производят впечатления тщательно отобранных. Во-первых, авторы едва ли пытались полностью учесть особенности возрастной психологии, во-вторых, любое представление о том, что желательно поместить в букварь, с трудом согласуется с неравномерным распределением лексем по буквам алфавита. Авторам было необходимо подобрать достаточное количество лексем на соответствующую букву, что не всегда оказывалось просто. Вероятно, так следует объяснять разнообразные виды кандалов, помещенные в напечатанной книге на букву Ю, которые надписаны лексемой в заведомо архаическом (книжном/церковнославянском) варианте (**юзы**), а также стоящая на постаменте статуя **Юноны богини поганской** [Тарабрин 1916: Табл. XLVIII], знание которой для юного царевича не должно, кажется, входить в число неперенных (особенно при том, что **Юпитер** был представлен лишь в одном из списков и только как **планита** [Тарабрин 1916: 76]). Наконец, выбор лексем в значительной мере оказывается обусловлен еще многими факторами, в том числе технической невозможностью вместить все, что хотелось бы, и просто прихотью художника.

Попытки увидеть целенаправленный выбор лексем для репрезентации в Букваре предпринимались. Так, остроумную интерпретацию попавших в Букварь животных предложила Мария Кристина Брагоне: «Карион Истомин ориентировался на образы животных на гербах Смоленской, Пермской, Казанской и Грузинской земель», — пишет она. При этом исследовательница сама отмечает, что в Букваре «насчитывается 56 животных, если учесть частичные изображения (чешуи и крылья на листе с буквой Ы)» [Брагоне 2022: 117, 119]. Однако встречаются в Букваре и такие животные, которые к геральдике отношения не имеют. Ни заяц, ни шакал «Иехнилат», ни обезьяна-пифик в гербах, которые могли быть знакомы Кариону Истомину, вроде бы не встречаются. Вполне геральдической пчелы мы в Букваре не обнаружим, а не годящихся для гербов ос и оводов найдем. То есть, нисколько не подвергая сомнению возможность

использования в Букваре птиц и зверей по причине их присутствия в геральдике⁵, я все же полагал бы, что причины, по которым тот или иной предмет, существо или явление природы попало в Букварь, не могут быть сведены к одной или даже к нескольким. Кажется, сама невозможность обнаружить общую логику появления в учебнике рисунков и подписей к ним, кроме требований алфавитной последовательности, делает «выборку» Букваря по-своему представительной.

Если мы, например, рассмотрим тех птиц, которые отражены в печатной версии учебника, то нетрудно заметить, с одной стороны, неполноту списка (нет, например, казалось бы, естественных утки, гуся и сокола), а с другой — неочевидный выбор лексем. Так, например, пара **алектор** и **кокошь** отсылают нас к церковнославянскому тексту Евангелия [Мф. 26: 34; Мк. 14:72; Лк. 13: 34], а значит **алектора** необходимо было тут же объяснять *петухом* или *кочетом*. Полногласный **ворон** контрастно смотрится на одной странице с неполногласным **врабием**. Но можно не сомневаться, что в начале 1690-х гг. они все сосуществовали, пусть и в разных языковых регистрах, а значит ученик получал представление о существовании в языке развитой церковнославяно-русской синонимии.

Так же, как «птичий», окажется не полон любой список — млекопитающих, рыб, предметов, растений или явлений, — который мы сумеем составить на основе Букваря. При этом следует помнить, что наша классификация животного мира (да и всего остального) оказывается в значительной мере неприменимой к концу XVII столетия. Да и к какому списку Карион Истомина отнес бы, например, **кита**, **натопыря**, **единорога** и **рака**? Интереснее, кажется, смотреть на весь предложенный нам набор, в котором есть **заяц** и **бобр**⁶, **мышь** (с отчетливым Ъ на конце словоформы)⁷ и забредший из церковнославянской книжности **елень**, как на целое. И тогда перед нами окажется мир, в котором находится место и **слону**⁸, и **пифику**, и странному зверю **араната коза**⁹, и шакалу Ихнилату (**Иехнилату**), сложными путями и через несколько языков проникшему на Русь из Панчатантры — индийского сборника нравоучительных басен III–IV вв. [Дурье 1989].

⁵ Так же точно можно предположить, например, что на Кариона Истомина повлияли образы животного мира в проповедях Симеона Полоцкого; ср.: [Преображенская 2020].

⁶ Тоже геральдический зверь: на гербе Иркутска он тащит в зубах соболя.

⁷ Слово в мужском роде имеет явно разговорный или диалектный характер.

⁸ Слоны в Москве были привычной диковинкой уже в XVI столетии; см., например: [Моисеев 2010; Юхименко 2015].

⁹ **Араната коза** — южноамериканская обезьяна рыжий реву́н [Ромашина 2023]. Попадание этого зверя в Букварь, безусловно, отражает круг чтения при Московском дворе.

Уже страница с буквой А позволяет увидеть некоторые особенности отбора слов и картинок. **Азия**, **Африка** и **Америка** существуют в Букваре в виде надписей, как «первая, вторая и третья части» награвированной земли, над которой ветер, нагоняющий тучи на небесные светила, аллегорически изображал **априлий месяц**, вероятно, являющийся представителем прочих одиннадцати, которым в букваре места не нашлось. Здесь же нагой **Адам** стоит в одиночестве, поскольку на соответствующей странице нет Евы, как не оказывается там Европы. За планеты в Букваре отвечает **Ареа-планета** — Марс, обозначенный своим астрономическим символом (♂), но тут рядом обнаруживается и символ Венеры (♀), надписанный именем **Афродиты**¹⁰. За планетами должен следить **звездозаконник**, который мог бы оказаться *астрономом*, если бы на странице с буквой А еще оставалось место. Раскрытая здесь книга называется **арефметика**, при этом на развороте выгравированы арабские числа от 1 до 10, которые напоминают то, как символически изображают порой художники и скульпторы Десять заповедей, оставляя от каждой лишь ее номер. Особенно это видно в рукописных вариантах учебника, где на левой странице разворота помещаются числа от 1 до 5, а на правой — от 6 до 10 [Тарабрин 1916: Табл. XVI].

Похоже, составители Букваря часто руководствуются соображениями экономии: то, что не поместилось на страницах Букваря, легко восстанавливается по смежности. Так, **бердо** — род гребня, которым прибиваются друг к другу нити утка́, репрезентирует целый ткацкий станок со всеми его деталями; избранные имена святых, подходящие для того, чтобы проиллюстрировать графемы **Θ**, **Ξ** и **Υ**¹¹, подразумевают, что список святых может быть легко расширен именами на другие буквы алфавита.

В большом количестве в Букваре представлены растения. Тут овощные культуры, плодовые деревья, ягодные кустарники. В целом можно составить неплохое представление о ботанической номенклатуре конца XVII столетия. К растениям средней полосы России, расширяя кругозор ученика, добавляются отягченные библейскими коннотациями **кипарис** и **финикс** (финиковая пальма).

Среди представленной в Букваре церковной утвари, облачений, богослужебных книг и сосудов на странице с буквой Ц удачно поместилась **цата** — совершенно необязательная часть драгоценного оклада иконы. Но в качестве **иконы** неслучайно, кажется, выбран образ Спаса Эммануила, любимый в XVII в. мастерами Оружейной палаты.

¹⁰ Планета Юпитер, не попавшая в издание, и богиня Юнона, очевидно, отвечали за знакомство с римской мифологией, как Арес с Афродитой — за знакомство с мифологией греческой.

¹¹ Из этого ряда выбивается **Ксанф-философ**, изображенный с нимбом, которого у историка V в. быть не должно [Тарабрин 1916: 61]. Но историк — **историограф** — в Букваре, как упоминалось, уже есть.

Примечательно, как изображены в Букваре **соловей** и **щегленок**. Эти птицы различаются видом клеток, в которые они помещены. Очевидно, обитатели царских палат не встречались с этими пернатыми в природе, но имели возможность разглядеть их во дворце — стоило только подойти к соответствующей клетке. Как вполне знакомые детали дворцового интерьера дважды помещены в Букварь — на Ч и на Ы — **часы** разных форм: песочные и с боем¹².

Букву **Щ** иллюстрирует квартет музыкантов, подписанный: **музыка пение сладкое**. Музыканты играют на скрипке, гусях¹³, лютне и свирели, и не приходится сомневаться, что это была светская и вполне современная музыка: «музыканты-инструменталисты были чуть ли не у каждого дворянина» [Петровская 2013: 231; Белькинд, Лифшиц 2022: 561]. Здесь же, кроме закрытой **псалтири**, помещена открытая книга **псалмы**¹⁴, в которой явственно различима киевская пятилинейная нотация.

Об актуальности изображений свидетельствует вид **церкви** на странице с буквой **Ц**. Ее архитектурный стиль — «нарышкинское барокко» — опознается без труда: круглые полуколонны делят нижний ярус храма на три части, второй ярус окружает ажурная балюстрада, небольшой третий ярус с главкой венчает сооружение. Храм напоминает по форме собор Богоявленского монастыря, который начинают возводить заново в 1692 г. в одноименном переулке Китай-города, или стоявшую на Никольской улице в Москве и снесенную в 1934 г. церковь Владимирской иконы Божией Матери (1691–1694)¹⁵.

«Набор лексем в книге далеко не всегда соотносится с элитарной культурой», — пишет современная исследовательница [Косицына 2022: 197], и вот тут мне кажется чрезвычайно важным с такой позицией не согласиться. Анализ того, что изображено в Букваре, какие лексемы использованы для подписей, сообщает нам о содержании элитарной культуры больше, чем экстраполяция в прошлое сегодняшних представлений об элите и о том, что составляло ее, элиты, привычный мир. Кажется, что, как раз напротив, о том, что составляло привычный мир царского двора, состоящий не только из предметов материальной культуры, но и книжного знания, можно и должно судить по изображениям в букваре. Хотя они, безусловно, не исчерпывают всего.

¹² На циферблате часов цифры — кириллические.

¹³ Поскольку это иллюстрация к букве **Щ**, то инструмент, наверное, правильно называть псалтирью.

¹⁴ Очевидно, не часть Ветхого завета, а духовные стихи — псалмы.

¹⁵ Замечательно, что в рукописных вариантах букваря изображается абстрактный храм, не имеющий сходства с реальными строениями.

Мы видим в Букваре многообразный мир России конца XVII в., целую россыпь или мозаику того, чем наполнена жизнь двора, его окрестностей, то, что можно увидеть, глядя из окна или из **колесницы** — возка, то, что можно обнаружить в виде картинок в печатных или рукописных книгах (например, **ефиопа** и **иппокентавра**), или то, о чем можно прочитать в них, надев на нос **окуляры**. Идея показать наследнику, с чем ему придется иметь дело во взрослой жизни, по-видимому, витала в воздухе. Примерно тогда же, когда Карион Истомина сочиняет свой Букварь, в Вене барон фон Пюркенштейн печатает учебник геометрии, предназначенный для будущего императора Священной Римской империи Иосифа I (1678–1711)¹⁶. В виде иллюстраций в книге помещены гравированные изображения городов, крепостей и местечек Империи — та земля, которую должен научиться измерять юный эрц-герцог [Лифшиц 2011: 81].

Несомненно, некоторые иллюстрации Букваря подражают европейским книгам с гравированными изображениями¹⁷. Очень похоже, что европейские гравюры XV–XVII вв. были источниками для заглавных букв учебника. Вообще, кажется, изображение того мира, в который вступает новое поколение Дома Романовых, и есть принцип отбора иллюстраций, который объединяет все частные стратегии авторского выбора¹⁸. Но, как замечает современный исследователь, «систему понятий, как в “Мире чувственный вещей” (Коменского. — А. Л.), эти слова не образуют» [Богданов 2020: 100].

Общая случайность, которой обусловлено появление на страницах Букваря предметов и явлений, как кажется, предвосхищает современную «мозаичную» культуру, «экран» которой «вырабатывается в результате погружения индивидуума в поток разрозненных, в принципе никак не упорядоченных сообщений» [Моль 1973: 44]. Можно сказать, что появление Лицевого букваря Кариона Истомина и Леонтия Бунина знаменует окончательное наступление Нового времени в России.

¹⁶ Ertz-Hertzogliche Handgriffe des Zirkels und Lineals oder Ausserwählter Anfang zu denen mathematischen Wissenschaften: Worinnen man durch eine leichte und neue Art ihm einen geschwinden Zutritt zu der Feldmesserey und andern daraus entspringenden Wissenschaft machet / Beschreiben von A.E.B.V.P. Wienn: bey J. van Ghelen, 1686. В 1709 г. книга будет переведена на русский язык Яковом Брюсом, украшена уже ничего не означающими гравюрами и напечатана под названием «Приемы циркуля и линейки» [Лифшиц 2011].

¹⁷ В книжном происхождении человекообразной **аранаты козы** сомневаться не приходится, но в изданиях, посвященных фауне Южной Америки, мы найдем лишь обезьяну *аранату*, у которой борода сходна с козлиной [Ромашина 2023: 10]. Больше всего похоже, что в Букварь попала какая-то домашняя шутка, понятная лишь приближенным к царской семье лицам.

¹⁸ Ср.: «Это очень похоже на стремление превратить алфавит в своеобразный универсум, которое было присуще создателям западных фигурных алфавитов позднего Средневековья» [Савельева 2016: 295].

Источники

Браиловский С. Н. Один из пестрых семнадцатого столетия. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1902. 494 с.

Геккер С. Ф. (сост.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений. М.: Наука, 1975. 126 с.

Карион Истомин. Букварь славянорусских писмен уставных и скорописных, греческих же латинских и польских: со образованми вещей и с нравоучительными стихами. М., 1694. 44 л.

Тарабрин И. Лицевой букварь Кариона Истомина: С 39 таблицами и 2 рисунками в тексте. М.: [тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916]. 83 с., LIII табл.

Литература

Белькин А. Ю., Лифшиц А. Л. Шванк об «одном московском патриархе» (1688) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 21. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 549–566.

Богданов А. П. Учеба царских детей XVII в. и издания государевых типографий // Федоровские чтения. 2003. М.: Наука, 2004. С. 224–256.

Богданов А. П. «Материнская школа» царевича Алексея Петровича // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 3. С. 96–110.

Брагоне М. К. Бестиарий в «Букваре» Кариона Истомина и воспитание царевича Алексея // Quaestio Rossica. 2022. Vol. 10. № 1. Р. 116–131.

Дунаева Ю. А., Преображенская А. А. «Книга птицам и зверем»: один из потерянных переводов конца XVII века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2026. № 1. С. 105–128.

Косицина Н. О. Лицевой букварь Кариона Истомина как памятник письменности XVII века // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал. 2022. № 4 (47). С. 191–199. [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursku.ru/api/v1/get_pdf/4657/ (дата обращения 04.10.2025).

Лифшиц А. Л. К истории первых русских изданий гражданской печати («Приемы циркуля и линейки...») // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников. Вып. 2. М.: Пашков дом, 2011. С. 80–86.

Лурье Я. С. Стефанит и Ихнилат // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 417–421.

Моисеев М. В. Слоны Ивана Грозного // Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis. Вып. 3. Минск: РИВШ, 2010. С. 209–220.

Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 405 с.

Мошкова Л. В. Букварь Кариона Истомина 1694 г. как «шедевр» автора // Учебники детства. Из истории школьной книги VII–XXI веков. М.: РГГУ, 2013. С. 58–67.

- Петровская И. Ф. Другой взгляд на русскую культуру XVII века. Об инструментальной музыке и о скоморохах: исторический очерк. СПб.: Композитор, 2013. 288 с.
- Преображенская А. А. Бестиарные образы святых в проповедях Симеона Полоцкого из сборника «Вечеря душевная» // Бестиарий как *ars combinatorica*. Тула: Аквариус, 2020. С. 44–52.
- Ромашина Е. Ю. Араната коза, или одна из тайн Букваря Кариона Истомина // Ученичество. 2023. Вып. 4. С. 5–13.
- Савельева М. Ю. Фигурные инициалы лицевых «Букварей» Кариона Истомина и западно-европейская традиция фигурных алфавитов: развлечение, обучение и воспитание // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. № 6. С. 288–298.
- Юхименко Е. М. Еще раз о слоне: Реальный комментарий к посланию Андрея Денисова // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв.: Сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской акад. наук, 2015. С. 58–69.

References

- Bel'kind A. Yu., Lifshits A. L. [Schwank about "One Moscow patriarch" (1688)]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian literature]. Iss. 21. Moscow, Publ. House of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2022, vol. 21, pp. 549–566. (In Russ.)
- Bogdanov A. P. ["Mother's school" of Tsarevich Alexei Petrovich]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2020, no. 3, pp. 96–110. (In Russ.)
- Bogdanov A. P. [The education of the royal children in the 17th century and publications of the royal printing houses] *Fedorovskie chteniya. 2003* [Fedorov Readings. 2003]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 224–256. (In Russ.)
- Bragone M. K. [The Bestiary in Karion Istomin's "Primer book" and the education of Tsarevich Alexei]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 1, pp. 116–131. (In Russ.)
- Dunaeva Yu. A., Preobrazhenskaya A. A. ["The book of birds and beasts": one of the lost translations from the late 17th century]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2026, no. 1, pp. 105–128. (In Russ.)
- Kositsyna N. O. [Karion Istomin's illustrated Primer as a monument of 17th-century literature] *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2022, no. 4 (47), pp. 191–199. Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4657/ (accessed 04.10.2025). (In Russ.)
- Lifshits A. L. [On the history of the first editions of the Russian civil press ("Techniques of divider and ruler...")]. *Vivliofika: Istoriia knigi i izuchenie knizhnykh pamiatnikov* [Vivliofika: the history of books and the study of book monuments.]. Iss. 2. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2011, pp. 80–86. (In Russ.)

- Lur'ie Ya. S. [Stephanite and Ikhnilat]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Vyp. 2 (*vtoraya polovina XIV–XVI vv.*) [Dictionary of scribes and literature of Old Russia. Iss. 2 (Second Half of the 14th – 16th Centuries)]. Part 2. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 417–421. (In Russ.)
- Moiseev M. V. [Ivan the Terrible's Elephant]. *Issledovaniia po istorii Vostotchnoi Evropy = Studia historica Europae orientalis*. Iss. 3. Minsk, RIVSH Publ., 2010, pp. 209–220. (In Russ.)
- Mol' A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture]. Moscow, Progress Publ., 1973. 405 p.
- Moshkova L. V. [Karion Istomin's 1694 ABC book as the author's "masterpiece"]. *Uchebniki detstva. Iz istorii shkol'noi knigi VII–XXI vekov* [Textbooks of childhood. From the history of school books in the 7th – 21st centuries]. Moscow, RSUH Publ., 2013, pp. 58–67. (In Russ.)
- Petrovskaya I. F. *Drugoi vzglyad na russkuyu kul'turu XVII veka. Ob instrumental'noi muzyke i o skomorokhakh: istoricheskii otcherk* [A different look at 17th-century Russian culture. Instrumental music and buffoons: a historical essay]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2013. 288 p.
- Preobrazhenskaia A. A. [Bestiary images of saints in the sermons of Simeon of Polotsk from the collection "The soul's supper"]. *Bestiarii kak ars combinatorica* [Bestiary as ars combinatorica]. Tula, Akvarius Publ., 2020, pp. 44–52. (In Russ.)
- Romashina E. Yu. ["Aranata goat", or one of the secrets of Karion Istomin's Primer]. *Uchenichestvo*, 2023, no. 4, pp. 5–13. (In Russ.)
- Savel'ieva M. Y. [Figural details of the Illustrated Primer of Karion Istomin and the Western European tradition of figured alphabets: entertainment, training and education] *Aktual'nye problemy i istoriya iskusstva*, 2016, no. 6, pp. 288–298. (In Russ.)
- Yukhimenko E. M. [Once again about the elephant: a real commentary on Andrey Denisov's message]. *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deiatelei russkoi kul'tury XVI–XXI vv.: Sbornik nauchnykh trudov* [Religious and political ideas in the works of Russian cultural figures of the 16th – 21st centuries: a collection of scientific papers]. Novosibirsk, Publ. House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015, pp. 58–69. (In Russ.)

Антропонимы в романе А. Ф. Вельтмана «Светославич, вражий питомец»: историко-лингвистический анализ

Тихон Валерьевич Павлов, Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия), pavlt98@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826050056

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена изучению личных имен персонажей романа известного русского писателя XIX в. А. Ф. Вельтмана «Светославич, вражий питомец» (1835): *Свьтославъ, Владимиръ и Мокошъ*. Учитывая глубокий интерес писателя к истории, лингвистике, этимологии и увлечение языковыми экспериментами, автор статьи ставит следующие задачи: 1) установить, написание антропонима *Свьтославъ* с буквой *Ѣ* вместо *Я* в романе — пример вельтмановской словесной игры или отражение известного писателю факта истории русского языка; 2) выяснить, чем может быть обусловлено написание в романе имени *Владимиръ* с *И* восьмеричным, которое противоречит требованиям грамматик Н. И. Греча (1827) и А. Х. Востокова (1831), фиксирующим в качестве нормативного вариант с *И* десятеричным; 3) определить, ориентируется ли Вельтман, употребляя слово *Мокошъ* как антропоним мужского рода, на факт истории русского языка или создает индивидуально-авторский неологизм. Историко-лингвистический анализ антропонимов проводится с привлечением материала разных, в т. ч. нехудожественных, произведений писателя, а также текстов других авторов, созданных с древнейших времен до момента публикации романа. При

исследовании используются данные Древнерусского, Старорусского и Основного корпусов НКРЯ, причем в тех случаях, когда точность этих данных представляется сомнительной, автор статьи обращается к оригинальным печатным изданиям или текстам рукописей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. Ф. Вельтман, роман «Светославич, вражий питомец», ономастика, антропонимы, Владимир, Святослав, Мокошь, история русского языка, язык художественной литературы

для цитирования: Павлов Т. В. Антропонимы в романе А. Ф. Вельтмана «Светославич, вражий питомец»: историко-лингвистический анализ // Русская речь. 2026. № 5. С. 56–69. DOI: 10.7868/S3034592826050056.

The Language of Fiction

Anthroponyms in the Novel “Svetoslavich: The Devil’s Foster Child”: A Historical-Linguistic Analysis

Tikhon V. Pavlov, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia), pavlt98@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the study of the personal names of the characters in the novel “Svetoslavich: The Devil’s Foster Child” (1835) by the well-known Russian writer of the 19th century Alexander Veltman: *Svetoslav*, *Vladimir* and *Mokosh*. Having noted the writer’s deep interest in history, linguistics, etymology and passion for linguistic experiments, the author of the article formulates the following questions: 1) “Is the use of the anthroponym *Svetoslav* (*Свьтославъ*) with the letter *yat* (*ѣ*) instead of *ya* (*ѧ*) an example of Veltman’s word play or a reflection of the Russian language history fact known to the author?”; 2) “What could be the reason for the spelling of the name *Vladimir* (*Владимиръ*) in the novel with the letter *I* (*Ѣ*) instead of *dotted I* (*Ѥ*), which contradicts the requirements of the grammars of N. Grech (1827) and A. Vostokov (1831)?”; 3) “Could the use of the word

Mokosh (*Мокошь*) as a masculine anthroponym be related to the facts of the history of the Russian language, or is this word a neologism invented by Veltman?" The historical-linguistic analysis of anthroponyms is performed using material from various works by the writer, including non-fiction, as well as the texts by other authors, created from ancient times to the year of the novel's publication. The study uses the data from the Old East Slavic, the Middle Russian and the Main Corpora of the Russian National Corpus. When the Corpus data proves unreliable, the author consults the original printed editions or manuscripts.

KEYWORDS: Alexander Veltman, novel "Svetoslavich: The Devil's Foster Child", onomastics, anthroponyms, Vladimir, Sviatoslav, Mokosh, history of Russian language, language of fiction

FOR CITATION: Pavlov T. V. Anthroponyms in the Novel "Svetoslavich: The Devil's Foster Child": A Historical-Linguistic Analysis. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 5. Pp. 56–69. DOI: 10.7868/S3034592826050056.

Известно, что русский писатель XIX в. А. Ф. Вельтман был увлечен археологией, историей и лингвистикой [Бухштаб 1926: 209], занимался любительскими этимологическими изысканиями [Павлов 2024]. Язык исторических романов писателя отличается стилизаторской установкой на воспроизведение «экзотики древнерусского языка» [Виноградов 1959: 572] и в то же время богат примерами словесной игры [Булаховский 1957: 317].

Для исследователя истории русского литературного языка представляют интерес личные имена персонажей романа «Свѣтославичъ, вражій питомецъ» (1835) [Вельтман 1835а; Вельтман 1835б]. Вельтман употребляет имя *Свѣтославъ* с буквой Ъ, *Владимиръ* — с И восьмеричным и *Мокошь*, изначально — теоним, как антропоним мужского рода. Можно предположить, что выбор таких вариантов обусловлен знакомством автора с языком памятников письменности, а написание *Владимиръ*, кроме того, самостоятельной попыткой этимологизирования. Все три слова нуждаются в историко-лингвистическом комментарии.

Изучая данные антропонимы в тексте Вельтмана, мы продолжаем исследование явлений орфографической [Чапаева 2025] и грамматической вариативности [Глинкина 2012] в истории русского литературного языка и пытаемся осмыслить возможные причины этих явлений в каждом отдельном случае.

Свѣтославъ

Имена двух важнейших персонажей романа А. Ф. Вельтмана, *Свѣтославъ* и *Свѣтославичъ*, записываются с буквой Ъ. Прототипом первого является великий князь киевский Святослав Игоревич. Второй, которого автор называет только по отчеству, — персонаж вымышленный, брат и темный двойник князя *Владимира Свѣтославича*, проклятый отцом будучи в утробе матери, из-за чего его похитила нечистая сила и вырастила для того, чтобы подменить настоящего князя, будущего крестителя Руси, и оставить Русь языческой.

Обращение к данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) позволяет выяснить, употреблялось ли имя *Свѣтославъ* и его производные с буквой Ъ в русскоязычных письменных текстах до появления романа «Светославич» и мог ли Вельтман заимствовать такое написание из какого-либо источника¹.

При употреблении данного антропонима с буквой Ъ вместо Я меняется его внутренняя форма. Отсутствие родства между корнями *свят-* (ст.-слав. *сѣѡтъ-*) и *свѣт-* — факт общепризнанный: один корень восходит к общеславянскому **svęt-* [Черных 1999: 149]; другой — к **svět-*, где *ě* происходит от дифтонга *oi* [Черных 1999: 145]. Этимологическая связь славянского имени *Святослав* со словом *святой* также не вызывает никаких сомнений [Петровский 1966: 196–197]. Это подтверждают и данные Древнерусского корпуса НКРЯ, согласно которым в текстах XI–XIV вв. антропоним *Сѣѡтъслаѡкъ* и его производные зафиксированы 1097 раз, из них 1083 раза начальный компонент слова представлен в сокращенном виде, что отражает запись под титлом (*Сѣѡтъслаѡкъ*). Написание с Ъ в Древнерусском корпусе не обнаружено.

По данным Старорусского корпуса НКРЯ, имя *Святославъ* и его производные в текстах XV–XVII вв. зафиксированы 2888 раз. Частоту употребления слов под титлом определить невозможно, потому что в этом корпусе в большинстве случаев такие записи раскрываются. Антропоним с буквой Ъ и производные от него встречаются 110 раз в 14 фрагментах, входящих в один и тот же памятник письменности — «Степенную книгу царского родословия» (1560-е гг.). Антропоним с буквой Я и его производные зафиксированы 27 раз в 7 фрагментах этого источника. Зная, что в корпусе текст «Степенной книги» приводится не по самой рукописи Ф. 228 № 177 из собрания Д. В. Пискарева, а по ее печатному изданию 1908–1913 гг. [ПСРЛ 1908; ПСРЛ 1913], мы посчитали необходимым про-

¹ Поскольку с рубежа XV–XVI вв. в русских центральных говорах фонема <ѣ> стала замещаться фонемой <е> и это стало отражаться на письме употреблением буквы Е вместо Ъ [Галинская 2016: 135], мы также посчитали нужным проверить возможное наличие лексемы *Светославъ* и ее производных с буквой Е в текстах, написанных в XV в. и позднее, однако примеры такого употребления не обнаружили.

верить точность передачи орфографии в этом издании путем его сопоставления с текстом скорописной рукописи². Выяснилось, что лемма *Святославъ* в корпусе соответствует полной записи имени *Святославъ* с буквой *Ѣ* в рукописи; лемма *Святославъ* чаще всего отражает написание этого имени под титлом, однако в рукописи встречаются и полные варианты с буквой *Я* или *Ѡ* [Степ.кн.]. Количественные данные о написании с *Я* / *Ѡ* и *Ѣ* в рукописи см. в таблице 1, где также представлена информация об употреблении других слов с корнем *свят-*, в которых вместо этимологического *Я* / *Ѡ* пишется *Ѣ*.

Таблица 1. Количество употребленных слов с корнем *свят-* с буквами *Я* / *Ѡ* или *Ѣ* в рукописи «Степенной книги» Ф. 228 № 177

Table 1. The number of words with the root *свят-* (svyat-) with the letters *Я* (ya) / *Ѡ* (little yus) or *Ѣ* (yat) in the manuscript of the “Book of Royal Degrees” F. 228 № 177

слово	количество нормальных употреблений			количество аномальных употреблений с <i>Ѣ</i>
	общее количество	с <i>Я</i> / <i>Ѡ</i>	под титлом	
Святославъ	19	1	18	65
Святополкъ	6	—	6	46
Святославичъ	4	1	3	27
Святославль	4	1	3	16
Святоша ³	3	1	2	10
Святославовъ	—	—	—	2

В период с 1700 г. до момента издания романа «Светославич» имя *Святославъ* и его производные, по данным Основного корпуса НКРЯ, зафиксированы в двух источниках: в рукописной проповеди митрополита Стефана (Яворского) «Торжественной колесницы путь сугубый...» (1706) и в текстах, напечатанных в журнале Петербургской Академии Наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (номера с января по июнь 1755 г.)^{4,5}.

² Сравнение Пискаревского списка с Чудовским и другими древнейшими списками «Степенной книги» показало лишь небольшие расхождения в написании имени *Святослав* и его производных: 2 раза этимологически точному употреблению в Пискаревском списке соответствует вариант с *Ѣ* в Чудовском списке [Покровский, Ленхофф 2007: 430; Покровский, Ленхофф 2008: 81].

³ Здесь *Святоша* — имя собственное, диминутив от *Святославъ* (во всех фрагментах текста речь идет о князе Святоше Давыдовиче) [Тупиков 1903: 352].

⁴ В номерах этого журнала за указанный период, по данным НКРЯ, вариант *Святославъ* употребляется 30 раз, *Святославъ* — 4 раза.

⁵ Еще один пример приводится из романа М. Н. Загоскина «Аскольдова могила», однако при обращении к источнику выяснилось, что в НКРЯ текст приведен с грубой ошибкой. Сравните: «...воевода киевский Светослав...» [М. Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)] [НКРЯ] и «...воевода кievскій Свѣторадъ...» [Загоскин 1902: 272].

Фрагмент проповеди Стефана (Яворского) процитируем по рукописи: «Гого ради впамять сла(ы) народа слава(н)ска надревниі російскіи князи іи(ом)и своїми имене припязяюще кх славі даяху, якоже: іго слава, іі есть ііюю славу снабдѣвая; свѣтослава, свѣтїи славою...» [Стеф.Яв.: 84]. Удалось выяснить, что источником данного фрагмента является не включенный в НКРЯ текст Киевского «Синописиса»⁶ (1674), авторство которого приписывается архимандриту Иннокентию (Гизелю)⁷. В изданиях «Синописиса» встречаются разночтения. В первом издании *Святославъ* и *Свьтославъ* представлены как варианты одного имени: «...якоже Свѣтослава, или Свѣтослава...» [Киев.Син. 1674: 5]. Это отразилось в названии одной из глав «О княжѣниі Свѣтослава или Свѣтослава Игоревича к Киевѣ...» [Киев.Син. 1674: 21], сохранившемся и в более поздних изданиях, например [Киев.Син. 1823: 27], где, как и в проповеди Стефана (Яворского), *Святославъ* и *Свьтославъ* описываются как имена с разными значениями: «...якоже Святославъ, сирѣчь святую снабдѣвая славу, или Свѣтославъ, свѣтїи славою...» [Киев.Син. 1823: 2–3].

Заметим, что и в «Степенной книге», и в «Синописисе» вариативность *свят-* (свѣт-) / *свьт-* наблюдается только в антропонимах и словах, от них производных. Следовательно, причиной аномального употребления может быть народно-этимологическое сближение таких имен с корнем *свьт-*.

Могут возникнуть сомнения в том, что Вельтман был знаком с текстами проповеди и журнала. Однако, во-первых, точно известно, что писатель читал «Степенную книгу» — один из важнейших источников по истории Древней Руси, который существовал во множестве списков и являлся предметом интереса историков XVIII — начала XIX в. [Сиренов 2007]. Это подтверждается тем, что в одном из отрывков романа «Кощей бессмертный» обнаружен заимствованный фрагмент из этого памятника письменности⁸. Во-вторых, высока вероятность того, что Вельтман как страстный любитель истории был знаком и с Киевским «Синописисом», который многократно переиздавался в XVIII — начале XIX в., несмотря на то что не вызывал доверия многих образованных людей [Щавинская 2020: 398].

⁶ Факт знакомства Стефана (Яворского) с Киевским «Синописисом» подтверждается словами из другой проповеди митрополита: «Тешит меня вельми еще и сия нужда: читайте историю Синописис глаголемую в Киево-печерской Лавре печатанную...» [митрополит Стефан (Яворский). Проповеди. 1700–1722] [НКРЯ].

⁷ Вопрос об авторстве «Синописиса» до сих пор не разрешен: его создателем мог быть как сам Иннокентий (Гизель), так и коллектив авторов [Щавинская 2020: 399].

⁸ Имеется в виду отрывок из «Кощей бессмертного»: «О свѣте мой свѣтлый! како зайде отъ очію моею, и како помрачился еси? Почто азъ преже тебе не умрохъ!» [Вельтман 1833в: 151]. В «Житии великой княгини Ольги» из «Степенной книги»: «Зѣлы личѣ, свѣтѣ мой, камо зайде ѿ очію твоихъ, мене ѹдѣлиши доводѣи ѹстѣки» [Ст.кн.: 28].

Таким образом, Вельтман, употребляя имя *Святославъ* с буквой *Ѣ* в романе, отражает вариативность в написании этого имени, которая была характерна для некоторых русских историко-хроникальных текстов.

Владимиръ

Имя *Владимир* исторически имело разные варианты написания: с полногласием (южнославянская огласовка) и с полногласием (восточнославянская огласовка); с буквами *І* десятиричное, *И* восьмеричное, *Ѣ* и *Е* во втором элементе слова [Поппэ 2010]. Элемент *-мир* может вызывать у носителей языка разные ассоциации [Шмелев 2015: 537–540]. Об изначальном значении финали, о первичности **mir-* или **mĕr-*, славянском или германском происхождении имени до сих пор ведут споры ученые-этимологи [Толстая 2020].

Семантическая дифференциация слов *міръ* ‘вселенная’ (лат. *mundus*, др.-греч. κόσμος, οἰκουμένη) и *миръ* ‘покой’ (лат. *paх*, др.-греч. εἰρήνη), была известна в Юго-Западной Руси с конца XVI в., в Московском царстве — с середины XVII в. (время книжной sprawy при патриархе Никоне). Со второй половины XVII в. в московских печатных книгах имя Владимир стало писаться с *І* десятиричным [Сендерович 2007: 14–16]. Грамматики Н. И. Греча и А. Х. Востокова по сложившейся традиции предлагают писать *Владиміръ*: в обоих источниках без какого-либо обоснования утверждается семантическая связь имени со словом *міръ* [Греч 1827: 524; Востоков 1831: 353]. В «Справочном месте русского слова» (1843) А. Н. Греча указано: «не должно писать *Владимиръ*» [Греч 1843: 18] ни как имя, ни как название города.

До дифференциации *миръ* / *міръ* разграничение вариантов антропонима с *И* и *І* (или *Ї*) не было семантически значимым, причем гораздо чаще употреблялся первый из них. По данным НКРЯ, в Древнерусском корпусе слова *Владимир*, *Володимир* и их производные с *И* во втором корне зафиксированы 536 раз, с *І* — 7 раз. В Старорусском корпусе отмечено употребление вариантов с *И* 1549 раз, с *І* / *Ї* — 26 раз. Также примеры из НКРЯ подтверждают употребление обоих вариантов в XVIII–XIX вв., однако количественные данные нерепрезентативны, поскольку в Основном корпусе большинство текстов представлено в современной орфографии.

История написания антропонима *Владимир* в текстах Вельтмана любопытна. В романе «Кощей бессмертный» (1833) употребляется вариант, который закреплен в грамматиках: с буквой *І* десятиричное пишутся имена князей Владимира Мономаха [Вельтман 1833а: 250] и Владимира Храброго, двоюродного брата Дмитрия Донского [Вельтман 1833б: 81]; в примечаниях к роману мы находим такое же написание имени князя Владимира

Светославича дважды [Вельтман 1833б: 239; Вельтман 1833в: 257], а также отчества его сына, «Ярослава Владиміровича» [Вельтман 1833а: 287] Мудрого. В первом из двух переводов «Слова о полку Игореве» 5 раз напечатано имя *Владимірѣ* [Песнь ополч. Иг. Свят. 1833: 5, 15, 27, 37, 45]. В одном из ранних исторических сочинений писателя преобладает вариант с *І* десятиричным [Вельтман 1834: 9, 11, 12, 32, 38], имя с *И* восьмеричным встречается только 1 раз из 6 употреблений [Вельтман 1834: 39].

В «Светославиче», опубликованном в 1835 г. в той же типографии, где печатался текст 1834 г., встречаются лексемы *Владимірѣ*, *Володимерѣ* и *Володимирѣ* (см. данные о частоте употребления в таблице 2). Первая зафиксирована 166 раз в речи автора-повествователя и 62 раза в прямой, косвенной и несобственно-прямой речи персонажей. Вторая и третья встречаются значительно реже, причем функционируют прежде всего как средства имитации особенностей древнерусской устной речи; вариант *Володимерѣ* также присутствует в поэтическом фрагменте, стилизованном под народную песню.

Таблица 2. Количество употреблений орфографических вариантов имени *Владимир* в романе «Светославич, вражий питомец»

Table 2. The number of uses of spelling variants of the name *Владимир* (*Vladimir*) in the novel "Svetoslavich, The Devil's Foster Child"

написание	количество лексических единиц			
	общее	в речи повествователя	в прямой, косвенной и несобственно-прямой речи персонажей	в поэтических фрагментах
Владимірѣ ⁹	228	166	62	—
Володимерѣ	14	1	10	3
Володимирѣ	10	—	10	—

Почему писатель предпочел в «Светославиче» вариант *Владимірѣ*? Во-первых, Вельтман, знакомый с множеством памятников письменности, мог обратить внимание на более частое написание в древних текстах антропонима с *И*, чем с *І*. Во-вторых, представляется значимым следующий факт: имя ключевого персонажа, прототипом которого является великий князь Владимир Светославич, с буквой *И* восьмеричное в финали, вызывает у читателя этимологические ассоциации со словом *мирѣ* 'рах, єіръѣчѣ'. Такая орфография органично подчеркивает особенности художественного образа Владимира, который предстает в романе личностью исключительно положительной, а носителем мрачных, «языческих»,

⁹ В том числе в единственном встречающемся производном от этого антропонима слове *Владимировѣ*.

фактов биографии князя, как, например, убийство брата Ярополка в междоусобной борьбе, становится двойник — Светославич. Поэтому мы считаем, что выбор орфографического варианта в романе был для автора семантически значимым.

В более поздних нехудожественных сочинениях писатель также предпочитает написание *Владимиръ* [Вельтман 1840: 48, 49, 61, 70; Вельтман 1856: 72; Вельтман 1860: 27, 28, 30, 34]. Во втором переводе «Слова о полку Игореве» 5 раз встречается вариант с *И* восьмеричным [Вельтман 1866: 3, 11, 19, 25, 29]. Единственное употребление имени с *И* десятиричным обнаружено в повести «Райна, королева Болгарская» (1843) [Вельтман 1843: 30], причем в данном тексте этот антропоним встречается только один раз.

Очевидна следующая тенденция: в произведениях, изданных до «Светославича», значительно преобладает вариант с *И* десятиричным, а в самом романе и более поздних сочинениях — с *И* восьмеричным. В отдельных случаях написание могло быть обусловлено авторскими описками, типографскими опечатками или исправлениями (особенно в текстах, где имя *Владимир* употреблялось только один раз). Однако поскольку вариант *Владимиръ* характерен не только для одного романа, но и для текстов писателя, изданных после 1835 г. в целом, мы осмелимся утверждать, что выбор был обусловлен не только решением художественных задач конкретного произведения, но и сформировавшимся личным представлением Вельтмана об этимологии слова.

Мокошь

Вызывает интерес употребление в романе «Светославич» слова *Мокошь* мужского рода в качестве антропонима. Так Вельтман назвал одного из основных персонажей — лесничего и сторожа заветных княжеских лугов, который жил уединенно в хижине на берегу Днепра рядом с Киевом [Вельтман 1835а: 63–64]. Заметим, что это слово встречается и в «Кошечье бессмертном», причем тоже как мужское имя: «Мина еще в младенчестве слышал сказку <...> про древнего пастуха Мокоша» [Вельтман 1985: 103]¹⁰.

Современным исследователям *Мокошь* известна как единственное древнерусское женское божество, которое функционально связывается в первую очередь с водой, ночью и прядением [Трубачев 1992: 132]. По мнению О. Н. Трубачева и Н. И. Зубова, наиболее вероятным считается происхождение этого слова от славянского корня **tok-*, который также имеют слова *мочить*, *мокнуть*, *мокрый* [Трубачев 1992: 132; Зубов 1981: 151].

¹⁰ В единственном хранящемся в РГБ издании второй части романа «Кошечье бессмертное» 1833 г. отсутствуют страницы 11–14, поэтому данный фрагмент мы приводим по изданию 1985 г.

Используя данные НКРЯ, мы проследили за историей употребления вариантов женского и мужского рода. По данным Древнерусского корпуса, в текстах XI–XIV вв. встречается только антропоним женского рода. В текстах XV–XVII вв., по данным Старорусского корпуса, имя женского рода зафиксировано в форме Вин. п. ед. ч. *Мокошь* 4 раза в 4 летописных текстах, имя мужского рода в форме Вин. п. ед. ч. *Мокоша* — 4 раза в 4 летописях и 2 раза в «Степенной книге». В период с 1700 г. до момента издания романа «Светославич», по данным Основного корпуса, вариант мужского рода был употреблен по одному разу в исторических сочинениях В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, а имя женского рода не употреблялось. Во всех источниках с XV по начало XIX в. имя встречается в одном и том же контексте, который восходит к «Повести временных лет»: «и нача княжити володимѣръ въ кнѣѣ единѣ. и постави кумиры на холмѣ. въѣ двора теремнаго. перуна древа. а главу его сребрену. а оуши златѣ. и хрѣста дажьбѣ. и стрѣбѣ. и синарьгла. и мокошь» [Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (вторая треть XI в. — 1110-е)] [НКРЯ].

Мы считаем, что появление варианта *Мокошь* мужского рода и его употребление наряду с вариантом женского рода с XV в. может быть объяснено одновременно двумя причинами: 1) к этому времени звук [ш'] отвердел в большинстве говоров [Галинская 2016: 117–118], из-за чего у носителей языка появилась возможность изменять это слово по парадигме склонения существительных с основой на *ѡ; 2) переписчики летописей могли не иметь точных представлений о древнерусском языческом культе. Описка появилась в одном или — независимо — в нескольких летописных текстах и заимствовалась в другие. Так постепенно число описок увеличивалось, затем теоним мужского рода появился в исторических книгах Татищева и Карамзина, а позднее был художественно переосмыслен в романах Вельтмана как антропоним. Употребление варианта *Мокошь* мужского рода в «Кошее» и «Светославиче» является отражением одного из фактов истории русского литературного языка.

Заключение

Выводы исследования состоят в следующем.

1. Антропоним *Свьтославъ* с буквой *Ѣ* встречается как минимум в четырех текстах, появившихся до создания романа «Светославич, вражий питомец», в числе которых — широко распространенные в начале XIX в. рукописи «Степенной книги», заимствованный фрагмент из которой присутствует в «Кошее бессмертном», и издания Киевского «Синописа» Иннокентия (Гизеля). Таким образом, употребляя аномальный вариант имени, А. Ф. Вельтман отражает факт истории русского языка.

2. Выбор варианта имени *Владимиръ* с *И* восьмеричным в романе «Светославич» может быть объяснен следующими фактами: во-первых, в древнерусских текстах это имя с буквой *И* употребляется намного чаще, чем с буквой *І*; во-вторых, орфографическое сближение антропонима со словом *миръ* ‘*рах*, *εἰρήνη*’ стало одним из средств создания художественного образа персонажа. Поскольку вариант *Владимиръ* характерен и для более поздних сочинений Вельтмана, можно сделать предположение о формировании личного представления писателя об этимологии слова.

3. Употребление имени *Мокошъ* как антропонима мужского рода в романе является закономерным следствием появления теонима мужского рода в старорусских текстах с XV в. в результате ошибок при переписывании летописей и его последующего проникновения в труды отечественных историков конца XVIII — начала XIX вв.

Источники

Вельтман А. Ф. Кощей бессмертный, былина старого времени. М.: Типография Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1833а, б, в. Ч. 1. 298 с.; Ч. 2. 252 с.; Ч. 3. 262 с.

Вельтман А. Ф. О Господине Новгороде Великом. (Письмо). С приложением вида Новгорода в 12-м столетии и плана окрестностей М.: Типография С. Селивановского, 1834. 42 с.

Вельтман А. Ф. Светославич, вражий питомец. М.: Типография Н. Степанова, 1835а, б. Ч. 1. 230 с.; Ч. 2. 256 с.

Вельтман А. Ф. Русская словесность // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. Книга III. М.: Типография Н. Степанова, 1840. С. 5–70.

Вельтман А. Ф. Райна, королева Болгарская // Библиотека для чтения. Т. LIX. СПб.: Типография К. Жернакова, 1843. С. 13–126.

Вельтман А. Ф. Индо-германы, или сайване. Опыт свода и поверки сказаний о первобытных населенцах Германии. М.: Университетская типография, 1856. 171 с.

Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. 2-е, вновь сост. изд. М.: Типография Бахметева, 1860. 288 с.

Вельтман А. Ф. Слово об ополчении Игоря Святославича. Изд. 2-е. М.: Типография Шюман и Глушкова, 1866. 80 с.

Вельтман А. Ф. Кощей бессмертный // А. Ф. Вельтман. Романы. М.: Современник, 1985. С. 22–233.

Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб.: Типография И. Глазунова, 1831. 408 с.

Греч А. Н. Справочное место русского слова. Четыреста пятьдесят поправок с руководством к употреблению буквы ять. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Типография Н. Греча, 1843. 140 с.

Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб.: Типография Императорского Воспитательного Дома, 1827. 579 с.

Загоскин М. Н. Аскольдова могила повесть времен Владимира Первого, с рисунками. М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1902. 351 с.

Киев.Син. 1674 — *Иннокентий (Гизель)*. Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно-российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев: Типография Лавры, 1674. 124 с.

Киев.Син. 1823 — *Иннокентий (Гизель)*. Киевский Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев, о начале славенороссийского народа, и первоначальных князех богоспасаемого града Киева. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1823. 168 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.10.2025).

Песнь ополчению Игоря Святославовича, князя Новгород-Северского Пер. с древн. рус. яз. 12 столетия А. Вельтмана. М.: Типография С. Селивановского, 1833. 50 с.

Покровский Н. Н., Ленхофф Г. Д. (отв. ред). Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.; Т. 2. Степени XI–XVII. М.: Языки славянских культур, 2008. 568 с.

ПСРЛ 1908 — Полное собрание русских летописей. Т. 21. Книга степенная царского родословия, ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 342 с.

ПСРЛ 1913 — Полное собрание русских летописей. Т. 21. Книга степенная царского родословия, ч. 2. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. С. 344–708.

Степ.кн. — Степенная книга царского родословия. Рукопись. РГБ, Ф. 228 (собр. Д. В. Пискарева), № 177. Кон. XVI — нач. XVII в. 1128 л. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/228/f-228-177> (дата обращения: 11.06.2026).

Стеф.Яв. — Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 гг. Рукопись. [Б. м.], вторая половина XVIII в. 192 л.

Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. 857 с.

Литература

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. 2-е изд. Киев: Издательство Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, 1957. 492 с.

- Бухштаб Б. Я. Первые романы Вельтмана // Русская проза. Л.: Academia, 1926. С. 192–231.
- Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 656 с.
- Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. Изд. 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2016. 416 с.
- Глинкина Л. А. Грамматическая вариативность как объект исторической русистики // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2s (18). С. 76–79.
- Зубов Н. И. О теониме Мокошь // Этимологические исследования. 1981. С. 149–160.
- Павлов Т. В. История русского языка в представлениях А. Ф. Вельтмана // Материалы V Международной конференции «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее», посвященной 225-летию А. С. Пушкина и 210 лет со времени рождения М. Ю. Лермонтова. СПб.: Редакция альманаха «ГОВОР», 2024. С. 241–244.
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М.: Советская энциклопедия, 1966. 384 с.
- Поппэ А. К истории имени Владимир: опыт необычного исследования // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2010. Т. 61. С. 278–295.
- Сендерович С. Я. К истории восточнославянского имени Владимир // Славяноведение. 2007. № 2. С. 9–16.
- Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М.: Языки славянских культур, 2007. 544 с.
- Толстая С. М. К этимологии имени *Владимир* // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 9–29.
- Трубачев О. Н. (гл. ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 19. М.: Наука, 1992. 254 с.
- Чапаева Л. Г. «Справочное место русского слова» как источник норм XIX в.: правописание с двойными согласными // Новый филологический вестник. 2025. № 2. С. 282–292.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стереотип. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. 560 с.
- Шмелев А. Д. Мир и смирение в русской языковой картине мира // Сретенский сборник. 2015. Вып. 6. С. 532–547.
- Щавинская Л. Л. Киевский «Синописис» 1674 г.: трехвековая судьба // Материалы для виртуального музея славянских культур. Вып. 1. Сб. науч. статей. М.: Институт славяноведения РАН: ПОЛИМЕДИА, 2020. С. 393–399.

References

- Bukhshtab B. Ya. [The first Veltman's novels]. *Russkaya proza* [Russian prose]. Leningrad, Academia Publ., 1926, pp. 192–231. (In Russ.)
- Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Leksika i obshchie zametaniya o sloge* [The Russian literary language of the 1st half of the 19th century. The vocabulary and general remarks about style]. 2nd ed. Kiev, T. Shevchenko Kiev State University Publ., 1957. 492 p.

- Chapaeva L. G. ["Reference place of the Russian word" as a source of 19th century norms: spelling with double consonants]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2025, no. 2, pp. 282–292. (In Russ.)
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of modern Russian language]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. 560 p.
- Galinskaya E. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [The historical grammar of the Russian Language. Phonetics. Morphology]. 2nd ed. Moscow, LENAND Publ., 2016. 416 p.
- Glinkina L. A. [Grammatical variability in historical context of the Russian language]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 2s (18), pp. 76–79. (In Russ.)
- Pavlov T. V. [The history of the Russian language in the views of A. Veltman]. *Materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii «Russkii yazyk: proshloe, nastoyashchee, budushchee», posvyashchennoi 225-let. A. S. Pushkina i 210 let. so vremeni rozhdeniya M. Yu. Lermontova* [Proceedings of the 5th International conference "The Russian language: past, present, future" dedicated to 225th anniversary of A. Pushkin and 210th anniversary of M. Lermontov]. St. Petersburg, Redaktsiya Al'manakha "GOVOR" Publ., 2024, pp. 241–244. (In Russ.)
- Petrovskii N. A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 384 p.
- Poppe A. [To the history of the name Vladimir: an experience of unusual research]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, 2010, vol. 61, pp. 278–295. (In Russ.)
- Senderovich S. Ya. [To the history of the East Slavic name Vladimir]. *Slavyanovedenie*, 2007, no. 2, pp. 9–16. (In Russ.)
- Shchavinskaya L. L. [The Kievan "Synopsis" 1674: three centuries of publication]. *Materialy dlya virtual'nogo muzeya slavyanskikh kul'tur* [The material for a virtual museum of Slavic cultures]. Moscow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences: POLIMEDIA Publ., 2020, iss. 1, pp. 393–399. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Peace and humility in the Russian linguistic picture of the world]. *Sretenskii sbornik*, 2015, iss. 6, pp. 532–547. (In Russ.)
- Sirenov A. V. *Stepennaya kniga: istoriya teksta* [The book of royal decrees: the history of the text]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 544 p. (In Russ.)
- Tolstaya S. M. [To the etymology of the name Vladimir]. *Voprosy onomastiki*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 9–29. (In Russ.)
- Trubachev O. N. (ch. ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 19. Moscow, Nauka Publ., 1992. 254 p.
- Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoi literatury* [On the language of fiction]. Moscow, State Publ. House of Fiction, 1959. 656 p.
- Zubov N. I. [On the theonym Mokosh]. *Etimologicheskie issledovaniya*, 1981, pp. 149–160. (In Russ.)

Ономастический код поэмы Н. А. Мельникова «Русский Крест»

Сергей Михайлович Пронченко, Филиал Брянского государственного университета
в г. Новозыбкове (Россия, Новозыбков), s.m.pronchenko@yandex.ru

DOI: 10.7868/S3034592826050064

аннотация: В статье раскрыто эстетическое значение имен собственных в поэме Н. А. Мельникова «Русский Крест», прослежена духовная эволюция главного героя Ивана Ростова посредством рассмотрения его имени в контексте русской лингвокультуры (в сопоставлении с устойчивыми выражениями *русский Иван*, *Иван не помнящий родства*, *крест взять*, *нести свой крест*, сказочными мифологическими образами *Ивана-царевича* и *Ивана-дурака*) и в соотносённости с ономастическим пространством поэмы. Анализ контекстов употребления онимов, их выразительно-изобразительных свойств, внутренней формы позволил выделить группы имен с преимущественно сниженной коннотативной семантикой и положительной коннотативной семантикой. Первый тип коннотации обнаружен у поэтонимов *Россия*, *Расея*, *Москва*, *Петровский Скит* (XX века), *храм Успенья*, («спившийся») *Иван*, *Клава*, *Наташа*, *Танька*. Имена *Россия/Расея* обладают эстетическим значением «глубинная, беспутная, нищая, неприкаянная, многострадальная, способная к возрождению страна и ее простодушные жители». Антропоэтонимы данной группы номинируют персонажей, отошедших от православной веры, забывших духовно-нравственные ценности. Второй тип коннотации зафиксирован у имен *Русь*, *Святая Русь*, *Георгий*, *Ростовы*, *Петр*, *Петровский Скит* (времен Петра Ростова), *Федосей*, («изменившийся») *Иван*, *Кубик*. Онимы *Русь / Святая Русь* обнаруживают эстетическое значение «избранное Богом православное пространство, место спасения, обитатели которого придерживаются патриархальных взглядов, не «испорчены» цивилизацией, обращены

к православной вере», которое связано с именами группы и с отопелятивными поэтонимами *Вера, Тьма, Свет, Ангел, Крест, Божество, Храм, Народ* и др. Имена собственные выражают в поэме своеобразие авторской религиозно-нравственной картины мира, в основе которой лежит православный идеал Святой Древней Руси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. А. Мельников, «Русский Крест», литературная ономастика, ономастическое декодирование, поэтоним, семантика имени
для цитирования: Пронченко С. М. Ономастический код поэмы Н. А. Мельникова «Русский Крест» // Русская речь. 2026. № 5. С. 70–83. DOI: 10.7868/S3034592826050064.

The Language of Fiction

Onomastic code of the poem by N. A. Mel'nikov "Russian Cross"

Sergei M. Pronchenko, Branch of Bryansk State University in Novozybkov (Russia, Novozybkov),
s.m.pronchenko@yandex.ru

ABSTRACT: The publication reveals the aesthetic significance of the names in N. A. Mel'nikov's poem "Russian Cross", traces the spiritual evolution of the protagonist Ivan Rostov by considering his name in the context of Russian linguistic culture (in comparison with stable expressions *Russian Ivan, Ivan who does not remember kinship, take the cross, carry one's cross*, and with fabulous mythological images of *Ivan Tsarevich* and *Ivan the Fool*) and in correlation with the onomastic space of the poem. The analysis of the contexts of the use of onyms, their expressive and pictorial properties, and the internal form made it possible to identify groups of names with predominantly reduced connotative semantics and with positive connotative semantics. The first type of connotation was found in the poetonyms *Russia, Raseya, Moscow, Petrovski Skit* (of the XX century), *the Temple of the Assumption*, ("drunk") *Ivan, Klava, Natasha, Tan'ka*. The names *Russia / Raseya* have the aesthetic meaning of "a deep, dissolute, impoverished, restless, long-suffering, capable of revival country and its simple-minded inhabitants". Anthroponyms of

this group nominate characters who have departed from the Orthodox faith and forgotten spiritual and moral values. The second type of connotation is recorded in the names of *Rus'*, *Holy Rus'*, *George*, *Rostov*, *Petr*, *Petrovski Skit* (from the time of Petr Rostov), *Fedosei*, ("changed") *Ivan*, *Kubik*. Onyms of *Rus' / Holy Rus'* reveal the aesthetic meaning of "the Orthodox space chosen by God, the place of salvation, the inhabitants of which adhere to patriarchal views, are not "spoiled" by civilization, are turned to the Orthodox faith", which is associated with the names of the group and with the reverential poetonyms *Faith*, *Darkness*, *Light*, *Angel*, *Cross*, *Deity*, *Temple*, *People*, etc. Proper names express the originality of the author's religious and moral picture of the world, which is based on the Orthodox ideal of Holy Ancient Rus'.

KEYWORDS: N. A. Mel'nikov, "Russian Cross", literary onomastics, onomastic decoding, poetonym, name semantics

FOR CITATION: Pronchenko S. M. Onomastic code of the poem by N. A. Mel'nikov "Russian Cross". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 5. Pp. 70–83. DOI: 10.7868/S3034592826050064.

Введение

Николай Мельников смог художественно выразить, описать горькую участь всего нашего народа. Надо читать «Русский Крест», чтобы исцелиться, урочевать разбитость русской души. Господь дал ему талант сказать прямо и твердо. Он должен, конечно, быть русскими людьми прочитан. Это великий поэт нашего времени.

Схиархимандрит Илий (Алексей Афанасьевич Ноздрин)

Уроженец юго-запада Брянщины, поэт Николай Алексеевич Мельников (1966–2006) создал проникновенное народное произведение «Русский Крест» (1996), имеющее подзаголовок «Поэма о настоящем России и грядущих судьбах ее». Эта книга постепенно покоряет сердца современных читателей. Произведение написано в сказовой манере, простым языком, отличается ясностью и в то же время глубиной содержания, призывает задуматься о судьбе русской деревни и предназначении страны, переосмыслить собственный жизненный путь. Хотя «Русский Крест» остается малоизвестным и малоизученным, интерес к нему и к творчеству автора в целом возрастает, о чем свидетельствуют переиздание в 2003 г. в Оптиной пустыни 10 тыс. экземпляров произведения, научные и научно-методические работы последнего времени о поэме [Павлов 2022; Пронченко, Панченко 2024], региональные сценические постановки

поэмы и ее экранизация¹, создание и исполнение Государственным академическим Кубанским казачьим хором одноименной песни на слова стихотворения Н. А. Мельникова «Поставьте памятник деревне» (1995). Содержание поэмы представляется особенно актуальным в свете возрождения в современной России интереса к национальным традиционным духовно-нравственным ценностям.

Имена собственные занимают значительное место в произведении, поскольку раскрывают доминанты авторской религиозно-нравственной картины мира, формируют представление о специфике идиостиля писателя. В нашей статье употребляется специальная терминология, предложенная учеными Донецкой ономастической школы — Е. С. Отиным, В. М. Калинкиным, Н. В. Усовой, М. В. Бувеской и системно представленная в «Кратком словаре терминов и понятий поэтономаграфии» кандидатской диссертации К. С. Федотовой [Федотова 2018: 227–232]. Под коннотацией понимаются «дополнительные по отношению к предметно-логическому и грамматическому значению языковой единицы ее экспрессивно-эмоционально-оценочные и функциональные свойства» [Кожица (ред.) 2006: 432].

«Не Россия — Русь Святая открывалась все ясней...»

В поэме художественный образ России создан на основе контраста — противопоставления России XX столетия и Древней Руси. Значительное место отводится характеристике жизни людей в советское время, а также в постсоветский период. Это время оценивается рассказчиком отрицательно, поэтому функционированию хоропоэтонима (употребленного в художественном произведении названия страны) **Россия** сопутствует преимущественно сниженная семантическая коннотация, выражающаяся в том числе в описании бытия в селе Петровский Скит — месте действия поэмы — и рельефно проступающая в природных характеристиках (*тьма², туман, река как отрав, мышиное гулянье, невнятное мерцанье, тени бродят без следа* [Мельников 2014: 6] и др.), мироощущении рассказчика (*недоброе, беды, Злое, тихое вторженье / В душу русскую извне, Все подлее и сильней / Заражение народа / Грязью новых смутных дней!, смертельная тоска* [Мельников 2014: 6, 10, 22] и др.), чертах мировоззрения и существования сельских жителей (*беспутная жизнь, В хатах тихо меркнут люди, / Обнищавшие втройне, полунищая старуха, всеми брошенный*

¹ РУССКИЙ КРЕСТ: художественный фильм 2023 г. / Режиссер Э. Бояков, сорежиссер П. Зеленев; в ролях М. Пореченков, П. Чернышова, Ю. Кузнецов и др.; кинокомпании «ГЛАГОЛ» и «Киноспутник» при поддержке «Фонда Русской Цивилизации "Светослав"».

² Цитаты из поэмы «Русский Крест» и стихотворений Н. А. Мельникова даются курсивом без кавычек.

народ, неприкаянные дети, ...помыкались на свете / И ушли. За так. Зазря, без креста, без покаянья, и ни Божьи, и ничьи, не жилое теперь, не пелось, незаметно уваядая, Все теряя — мощь и стать!, Без огня, без жажды жизни / Не хозяева — рабы! [Мельников 2014: 7, 10, 11, 12, 22, 36, 44] и др.), упоминаниях об исторических реалиях времени (Век двадцатый / Отплесался на стране, ...хаты, / Поредевшие вдвойне, Войны, ссылки, труд дешевый, / Принужденье и обман, хуже хаоса, страшный голод на селе, война, крик «Победа», семнадцатый год, среди пьянства, смут и бед, забытые деревеньки [Мельников 2014: 10, 18, 22, 35, 37] и др.), оценке деятельности властей (Воровство и беспредел / Председателей колхоза, ...хитро скрыли / В «богососце» — Божество, усадьбы жгли, ...помещиков с попами / Отправляли в «мир иной», / Пятилетними шагами / Отмеряя рай земной, на все плевать, прокормиться [Мельников 2014: 7, 16, 22, 31] и др.).

В 4-й части 8-й главы появляется гиперболический собирательный образ мятущейся, нищей, обездоленной России XX ст.: *Вся Россия — у Ивана! / Вся, какая есть теперь, — / Что устала от обмана, / Что устала от потерь, / Что детей рожать не хочет, / Что съедается тоской, / Что безудержно хохочет, / Там, где рядом дикий вой, / Что, как нищенка по свету, / Ходит, клянчит на житье / И подняться — силы нету, / Будто сглазили ее* [Мельников 2014: 44]. К этому панорамному образу страны, возникающему в финале поэмы, следует добавить строки из 3-й части 2-й главы: *Слез Россия не считает — / Все века в слезах живет... / Но уже заметно тает / Несгибаемый народ* [Мельников 2014: 12], а также из «Эпилога», где отмечается способность страны возрождаться из пепла, подобно птице феникс, символизирующей бессмертие и фигуру Христа: *А в России все сначала / Не впервые начинать — / Истреблялась, исчезала, / А потом, глядишь, опять / Из-под пепла, из-под праха, / Где чернела пустота, / После крови, после страха / Выростала — красота...* [Мельников 2014: 46].

Контекстное окружение хоропонима **Расея**, употребляющегося в качестве народного названия страны, подчеркивающего отличительные национальные черты русских, обладающего разговорным, фольклорным, неофициальным оттенками значения, также свидетельствует о преобладании сниженной коннотативной семантики, сопровождающей его функционирование: *Если вся твоя Расея / Начинает к ночи выть. / От безвыходности полной / Бьется в стену головой, / И несется в черный космос / Тихий, скрытый, тяжкий вой* [Мельников 2014: 13]. Оним Расея — это, согласно «Словарю коннотативных собственных имен» Е. С. Отина, «народно-разговорная, диалектная форма хоронима (названия государства) **Россия**» [Отин 2006: 316; полужирный шрифт автора. — С. П.]. Сниженная коннотативная семантика онима *Расея* в поэме соответствует значениям, фиксируемым у топонима Расея: «1. Глубинная, патриархальная,

отсталая, кондовая, беспутная Россия. 2. Неодобр. Простодушные, доверчивые люди». Характерно и то, что прилагательное *расейский* имеет значение «типично русский, подчеркнуто русский, свойственный только русским» [Отин 2006: 316–317].

Негативная коннотативная семантика характерна для ойкопозтонима (употребленного в художественном произведении названия населенного пункта) **Москва** как центра политической власти, города, неразрывно связанного и соотносимого с бывшим СССР и Россией, ответственного за то, что в них происходило и происходит: *На Москву — тяжелый взгляд, / Словно враг засел в столице / И ничтожит все подряд...* [Мельников 2014: 10]⁵.

В поэме негативно осмыслены приезжие в село — искатели лучшей доли, выступающие отрицателями такой коренной русской национальной идеи, как соборность, символизирующие экзистенциальную отчужденность по отношению к старожилам, не желающие жить в селе трудом, работать на его благо, стоящие от сельских забот в *стороне* и *особняком* [Мельников 2014: 32]. Повествователь сравнивает их с *мусором в полове*, называет непонятым «*безродьем*» и *сорняками*, которые заселились в *плодородные угодья* [Мельников 2014: 11].

Положительная коннотативная семантика содержится в хоропоэтонимах **Святая Русь** и **Русь**, за которыми рассказчик закрепляет сокровенный смысл, обозначая ими не столько географический локус, сколько избранное Богом духовное пространство, в котором протекает истинное бытие русского народа, основанное на православном идеале. Это эстетическое значение поддерживается отапеллятивными поэтонимами — именами, образованными от нарицательных существительных, выполняющими обобщенно-символическую функцию: **Вера**, **Тьма**, **Свет**, **Ангел**, **Крест**, **Божество**, **Храм**, **Народ** и др. Приведем пример употребления отапеллятивного поэтонима Ангел: *В каждый храм при построеньи / Бог по Ангелу дает, / И находится в служеньи / В новом храме Ангел тот. / Он, бесплотный и незримый, / До скончанья века тут, / И, крылом его хранимы, / Люди Богу воздают. / И молитвы, и обряды, / И причастий благодать — / Под его небесным взглядом, / Хоть его и не видать. / Даже если храм разрушен — / Кирпичи да лебеда, / Воле Божией послушен, / Ангел будет здесь всегда* [Мельников 2014: 21].

⁵ В художественной системе Н.А. Мельникова представлены и другие примеры негативной коннотативной семантики, характерной для ойкопозтонима *Москва* (например, в таких стихотворениях, как «Москва» (1982) и «В Москву» (2003)). Укором и напоминанием руководству страны XX в., забывшему простой русский народ и «нутрянную Россию» (А. И. Солженицын), должен стать, по мысли поэта, памятник русской деревне, установленный на Красной площади в Москве: *Поставьте памятник деревне / На Красной площади в Москве! / Там будут старые деревья, / Там будут яблоки в траве // И покосившаяся хата / С крыльцом, рассыпавшимся в прах, / И мать убитого солдата / С позорной пенсией в руках!..* («Поставьте памятник деревне») [«Русский Крест» и другие произведения поэта Н. Мельникова...].

Прозрение главного героя Ивана Ростова начинается с того, что он, выпив целебного чая старца Федосея, мысленно погружается в ушедший мир Святой Руси: *В юность, в детство, / В глубь веков!* [Мельников 2014: 15], вспоминает честь предков, впитывает *благолепия святого, забытого края* [Мельников 2014: 15] и обращается к Богу. Имена *Святая Русь* и *Русь* в поэме являются и «топонимами, и этнонимами», обладают эстетическим значением «люди патриархальных взглядов, не “испорченные” цивилизацией, городской жизнью» [Отин 2006: 325], подтверждением чему служит начало 3-й главы, где описывается бытие праведника Федосея: *Средь густых лесов посеян, / За селом Петровский Скит / Хутор деда Федосея / В одиночестве стоит. / Редко здесь бывают люди, / С давних пор заведено — / Только филин деда будит, / Только ель стучит в окно. / Нелюдимым, отрешенным, / Без зарплат и без аптек / По другим — своим законам — / Прожил он свой долгий век* [Мельников 2014: 13]. К таким русским автор относит старожилов села Петровский Скит, а в обобщенном смысле — коренных жителей любой российской глубинки, являющихся носителями и хранителями традиционных ценностей.

Духовная эволюция главного героя в зеркале русской лингвокультуры и ономастического пространства поэмы: от Ваньки Ростка к Ивану Ростову

Герой поэмы наделен теофорным («содержащим морфему со значением бог, божество» [Подольская 1988: 76]), распространенным в русской культурной традиции именем *Иван* («др.-евр. uōḥānān ‘Бог милует’» [Суперанская 2005: 115]), вызывающим ассоциации с устойчивым сочетанием *русский Иван*, которое имеет значение «русский вообще, крестьянин». Соответственно, действующий персонаж типичен: то, что характерно для него, свойственно многим русским людям. Таким образом, в поэме у имени *Иван* актуализированы следующие эстетические значения: «1. Вообще русский человек»; «3. Простой человек, человек из просто-народья, простак; недалекий, малообразованный человек»; «9. Человек с “совковым” сознанием, менталитетом, “совок” (не обязательно русской национальности)» [Отин 2006: 166–169].

Образ Ивана Ростова отсылает к сказочному мифологическому образу *Ивана-царевича*, который также является типическим и у которого распространенное имя, а значит, это «любой человек, не имеющий каких-либо сверхъестественных преимуществ». Иван-царевич — это еще и «культурный герой», который заботится об устройстве мира для человека, борется с демоническими силами» [Захаренко, Красных, Гудков (ред.) 2004: 200–201].

Аллюзия на сказочный мифологический образ *Ивана-дурака* [Захаренко, Красных, Гудков (ред.) 2004: 198–200] связана с проявлением в сельском спившемся стороже черт юродивости (он однорукий инвалид), алогизма поведения как отсутствия ума, непутевости (ср. с заменяющей имя Ивана Ростова ономастической перифразой *непутевый мужичок* [Мельников 2014: 27]), приближенности к Христу, проявляющейся в избранничестве, особой способности вести незримый воображаемый диалог с Господом, быть проводником Его воли на земле: *Человека взглядом встретил / Бог, распятый на Кресте. <...> / — Если я не умираю, — смог Иван проговорить, — / Стыд свой знаю, грех свой знаю, / Дай мне время искупить!* [Мельников 2014: 25–26]; *И далеко слух гуляет, / Что Ивана — Бог ведет, / И болящих исцеляет, / И покаяться зовет...* [Мельников 2014: 38], но и в строгом наказании, Божьей каре: *Но Господь тебя смирил — / Спьяну ты руки лишился, / Той руки, которой бил!* [Мельников 2014: 17], а впоследствии — мученической смерти за веру в Христа.

Выражение *нести крест* — «терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу» [Молотков (ред.) 1994: 273] — Иван понимает буквально, поэтому изготавливает дубовый крест, взваливает его на плечи и странствует по городам и весям, собирая средства на восстановление сельского храма. Вследствие трагических событий героя будут провожать в последний путь с этим крестом, и он будет установлен на могиле Ивана. Характерно, что крест в русской православной традиции — это «орудие спасения и знамение победы над смертью и дьяволом». Выражение *крест свой взять* означает «терпеливо перенести гонения, болезнь, беду, твердо стоять в борьбе со своими страстями и прочими врагами спасения» [Дьяченко 1993: 270]. Открывшееся у беспросыпного пьяницы стремление к Богу, выраженное в том числе в изготовлении креста, вначале воспринимается односельчанами в качестве глупого и странного: *Нет нигде... Опередила / Всех Иванова кума: / — Отыскался, вражья сила, / Да беда — сошел с ума!* [Мельников 2014: 27]. Но в итоге шаг Ростова к вере, новой жизни и мироощущению качественно меняет его самого и отношение к нему тех, кто его окружает. С. Г. Павлов отмечает, что «крестоношение Ивана... сближает его с Христом», и предполагает, что «“проповедь” перед удивляющимся его внезапному преображению народом», смирение, бессребреничество, «молитва на устах», день гибели, мученичество отсылают к Иоанну Златоусту [Павлов 2022: 189–190].

Анализ семантики именовании главного героя позволяет проследить его душевное падение и последующее прозрение. Полярные группы антропонимов (употребленных в художественном произведении имен действующего лица) раскрывают динамику авторского отношения к Ивану Ростову и мнение о нем персонажей.

В начале поэмы это отношение пренебрежительное, осуждающее, но и сочувственное. Преимущественно сниженная коннотативная семантика в имени героя выражена посредством употребления образованного от фамилии *Ростов* сельского уличного прозвища **Росток** (*сам не свой ходил Росток, опечаленный Росток, «обокраденный» Росток* [Мельников 2014: 9, 14, 16]), а также имен **Иван** (*Бывший пахарь, бывший ухарь, / Ныне спившийся Иван, Ты, Иван, себя забывший!* [Мельников 2014: 7, 17]), **Иван Росток** (*Местный сторож, однорукий / Инвалид Иван Росток / Протрезвился и от скуки / Кисло смотрит на восток* [Мельников 2014: 6]), **Ванька** (*— Бедный Ванька, неужели / К сумасшедшим навсегда?* [Мельников 2014: 28]) и **Ваня-Ваня** (*— Ваня-Ваня, после Клавы / Беспросветно начал пить, / А мужчине без управы — / Дважды два с ума сойти!* [Мельников 2014: 28]).

Нравственное падение Ивана рассказчик объясняет личной трагедией: его супруга **Клава** («из лат. Claudius ‘римское родовое имя’ из claudio ‘хромать’» [Суперанская 2005: 133]) полюбила заезжего *хахаля-махалю озорного* [Мельников 2014: 39], изменила, что привело к разрушению семьи. О *хахале* в поэме сообщается: *И мужик уехал скоро — / Знать, не сильно и любил* [Мельников 2014: 39]. Автор наделяет жену Ростова уменьшительно-ласкательной формой имени с сокращенной формой основы. Антропоним Клава, как отмечает Е. С. Отин, «распространен в “простонародной”, крестьянской среде». В поэме имя Клава обладает эстетическим значением, характерным для повседневной сферы общения: «1. Женщина, девушка (обычно простоватая, необразованная, глупая)» [Отин 2006: 215]. В имени супруги Ростова видится проявление семантики этимона, приводящее к возникновению ассоциативно-образного представления о ней на основе буквального смысла: морально и нравственно «покалеченная» (*тосковала, изводилась — не жила* [Мельников 2014: 40]) вследствие греха, совершенного по наивности и глупости. Проступок жены Ростова приводит ее к раннему уходу из жизни.

Прозрению Ивана способствует вещий сон, в котором он видит сражение *Великого Воина* со змеем. Данной ономастической перифразой обозначен в поэме *Георгий* («из греч. Geōrgios: geōrgos земледелец; добавочное имя Зевса, который, согласно преданию, покровительствовал земледелию» [Суперанская 2005: 75]) — «христианский святой великомученик, один из самых почитаемых Русской Православной Церковью» [Прохоров (ред.) 2007: 124]. В этом же сне неожиданно предстают перед Ростовым почившая Клава и дочери.

Духовную слепоту Ивана излечивает беседа с **Федосеем** («из греч. Theodosios ‘данный Богом’» [Суперанская 2005: 220]), *затворником с ясным взглядом, столетним дедом в рубаше домотканой, с медным Спасом на груди и бородой — белее мела* [Мельников 2014: 14, 15]. В избе-келье этого

подвижника *все отмечено трудом*, внутреннее пространство его дома окутано *душистым запахом трав*, здесь *мирно теплится лампада* и *ряд иконок в рушнике* [Мельников 2014: 15]. Федосей рассказывает Ростку о его славных предках и указывает на духовное оскудение, никчемность жизни спившегося деревенского сторожа-инвалида. В его суровой отповеди противопоставлены «говорящие» антропонимы **Ростовы** (со смыслом «значительный своими благими делами, верующий, любящий труд и Отечество род») ↔ **Росток** («утративший значительность, опустившийся, разложившийся, недостойный потомок некогда славного рода Ростовых»): *Говорят, что все Ростовы / Ростом были велики, / Лошадиные подковы / Гнули эти мужики! / Толк в крестьянстве понимали, / Жили Верой и трудом / И Отечество спасали, / Если враг врывался в дом. / Божий крест несли со всеми... / Кто же думал, что потом / Изойдет Ростовых племя — / Станет пьяненьким... Ростком!* [Мельников 2014: 16–17].

Федосей отмечает прародителя Ростовых — **Петра** («из греч. petros ‘камень’» [Суперанская 2005: 177]), в эстетическом значении имени которого актуализированы компоненты «крепкий», «сильный», «мужественный»: *Род твой суть — Петра Ростова, / От него пошла семья. / Кто он — мы уже не знали, / Это — тьма веков хранит, / Но селу название дали / В честь него — Петровский Скит* [Мельников 2014: 16].

Упрек Федосея Ивану отсылает к фразеологизму *Иван не помнящий родства*, употребляемому в русской культурной традиции для характеристики человека, «порвавшего все связи с воспитавшей его средой, с родными, близкими ему людьми» [Молотков (ред.) 1994: 336]⁴.

Целительный разговор с Федосеем способствует духовному воскрешению главного героя: *Старцем мудрым потрясенный, / К жизни новой стал готов, / Словно заново рожденный, / Человек — Иван Ростов* [Мельников 2014: 24]. Он задается вопросом о своем земном кресте — предназначении, данном свыше. После разговора с Федосеем Иван находит смысл своего дальнейшего существования в обращении к Богу и подвижничестве, связанном с восстановлением заброшенного **храма Успенья** в родном селе. Воссоздание храма становится главным делом новой, одухотворенной жизни Ивана Ростова⁵.

⁴ В творчестве Н. А. Мельникова представлено стихотворение с характерным названием «Непомнящий» (1999) со следующими строками: *И наступили времена / Мгновенно, сразу — / «Иваном» стала вся страна, / Теряя разум. // Мы позабыли всех родных, / Родные нравы, / Теперь — на службе у чужих, / Для чуждой славы* [«Русский Крест» и другие произведения поэта Н. Мельникова...].

⁵ Экклезиопозтоним (употребленное в художественном произведении название церкви) **храм Успенья** носит автобиографический характер: на малой родине Н. А. Мельникова, в с. Лысье Злынковского района Брянской области, имелся одноименный разрушенный деревянный храм, который он мечтал восстановить. В настоящее время церковь Успения Пресвятой Богородицы в родном селе поэта восстанавливается.

Переоценку рассказчиком и персонажами поэмы личности героя, обусловленную его духовным преображением, в поэме выражают в том числе антропонимы с положительной коннотативной семантикой: *Иван* (изменившийся *Иван*, *Все пришли почтить Ивана* [Мельников 2014: 24, 43]), *Ростов* (Так *Иван — Ростов от рода — / Славу тихую снискал / И почтение народа, / Хоть и сам о том не знал...* [Мельников 2014: 35]), *Иван Ростов* (Потому что силой воли / Человек — *Иван Ростов — / Выбрал сам свою же долю, / Свой предсмертный путь с Крестом!* [Мельников 2014: 44]).

Номинации главного героя поэмы, таким образом, отражают этапы его духовной трансформации, морально-нравственного роста (*Ванька Ростов превращается в Ивана Ростова*) и актуализируют внутреннюю форму имени *Иван* — «помилованный Богом».

В 6-й части 7-й главы описывается мимолетная встреча в районном центре *Ивана* с дочерьми — *Наташей* («из лат. natalis ‘относящийся к рождению и рождеству, рождественский’» [Суперанская 2005: 163]) и *Танькой* («из греч. Tatiana; возможно из лат. Tatius Татий, имя легендарного сабинского царя, соправителя Ромула» [Суперанская 2005: 346]; в христианской традиции имя Татьяна соотносится с именем мученицы Татьяны, символом чистоты, верности и преданности). *Наташа* с *надменностью* и *Танька* с *едким глазом* называют отца *сумасшедшим* и требуют не позорить их [Мельников 2014: 38, 39]. Значение лексемы *дочери*, внутренняя форма имен героинь — *родная* (*Наталя*) и *преданная* (*Татьяна*) — противоречит их поведению по отношению к отцу: *А Иван вздохнул всего-то: / — Дочи! Доченьки мои! — / И глядел в родные лица / И хотел обнять, прижать, / Но лощеные девицы / Предпочли подальше встать!* [Мельников 2014: 38]. В результате *Ростов* приходит к трагическому выводу, что теперь у него не осталось родных: перед ним *не его — чужие дети без слезинки, без печали* [Мельников 2014: 38, 39].

Единственной душой *родной, другом желанным* [Мельников 2014: 14, 34] остается для *Ивана* его верный пес *Кубик*, который в финале поэмы гибнет вместе с хозяином.

Заключение

Итак, декодирование имен собственных поэмы «Русский Крест» позволило прийти к следующим выводам. В соответствии с обнаруженной коннотативной семантикой имена делятся на две группы: поэтонимы с преобладанием сниженной семантической коннотации (*Россия, Расея, Москва, храм Успенья, Клава, Наташа, Танька*) и поэтонимы с положительной семантической коннотацией (*Святая Русь, Русь, Георгий, Ростовы, Петр, Федосей, Кубик*). Вследствие оценочной двойственности, присущей имени

в художественном тексте, поэтонимы *Петровский Скит* XX в. и «спившийся» *Иван* обладают негативной коннотативной семантикой, а онимы *Петровский Скит* времен Петра Ростова и «изменившийся» *Иван* — положительной коннотацией. В эстетическом значении онимов *Россия/Расея* отразилось критическое восприятие автором поэмы трагического народного бытия, которое можно охарактеризовать словами *безверие, беспутство, безнравственность, пьянство, бесхозяйственность, равнодушие, апатия* и др. Главный герой является типичным представителем простого русского народа. Достигнув дна в своем морально-нравственном падении, он обращается к Богу и находит в себе силы для новой жизни. На таких понятиях, как *вера, труд, верность, честь, любовь к родине*, согласно авторской религиозно-нравственной картине мира, зиждилось существование иного, противоположного беспутной *России/Расеи*, государства — *Святой Руси*, на них должно быть основано истинное, высоконравственное бытие современного русского человека. Своей новой жизнью, ношением креста Иван Ростов явил пример подвижника и мученика за христианскую веру, показал, что путь к духовному возрождению доступен каждому. Поэма «Русский Крест», таким образом, пробуждает национальное самосознание, призывает к морально-нравственному и духовному воскрешению русского человека на основе православного идеала.

Источники

Мельников Н. А. Русский Крест: поэма. Стихотворения разных лет. Воспоминания о Н. Мельникове. Орел: [б. и.], 2014. 95 с.

«Русский Крест» и другие произведения поэта Н. Мельникова... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nmelnikov.ru/> (дата обращения: 23.07.2025).

Литература

Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 1120 с.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б. (ред.). Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: вып. 1. М.: Гнозис, 2004. 318 с.

Кожина М. Н. (ред.). Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

Молотков А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей. Изд. 5-е, стереотип. СПб.: Вариант, 1994. 544 с.

- Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.
- Павлов С. Г. Идеологема «Святая Русь» в поэме Н. Мельникова «Русский Крест»: опыт лингвистической герменевтики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 183–191.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Пронченко С. М., Панченко А. А. Филологический анализ поэмы «Русский Крест» Н. А. Мельникова на уроке литературы в школе // Русская классическая и неклассическая литература: Текст, контекст, рецепция: сборник статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти В. В. Агеносова: в 2 ч. Ч. 2 / Под науч. ред. Т. Г. Кучиной, А. С. Бокарева, М. Ю. Егоровой и др. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. С. 10–16.
- Прохоров Ю. Е. (ред.). Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 725 с.
- Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 284 с.
- Федотова К. С. Онимная лексика в языке писателя: поэтонимографический аспект (на материале творчества Н. С. Гумилева): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2018. 232 с.

References

- D'yachenko G. *Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow, Publ. Department of the Moscow Patriarchate, 1993. 1120 p.
- Fedotova K. S. *Onimnaya leksika v yazyke pisatelya: poetonomograficheskii aspekt (na materiale tvorchestva N. S. Gumileva)*. Dis. ... kand. filol. nauk [Onimic vocabulary in the language of the writer: poetonomographic aspect (based on the works of N. S. Gumilev). Cand. phil. sci. diss.]. Volgograd, 2018. 232 p.
- Kozhina M. N. (ed.). *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 696 p.
- Molotkov A. I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: svyshe 4000 slovarnykh statei* [Phraseological dictionary of the Russian language: over 4000 dictionary entries]. 5nd ed. St. Petersburg, Variant Publ., 1994. 544 p.
- Otin E. S. *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Moscow, LLC "A Temp" Publ., 2006. 440 p.
- Pavlov S. G. [Ideologema "Holy Rus" in N. Mel'nikov's poem "Russian Cross": the experience of linguistic hermeneutics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2022, no. 4, pp. 183–191. (In Russ.)
- Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.

- Prokhorov Yu. E. (ed.). *Rossiya. Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar': 2000 realii istorii, kul'tury, prirody, byta i dr.* [Russia. Large linguistic and cultural dictionary: 2000 realities of history, culture, nature, everyday life, etc.]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2007. 725 p.
- Pronchenko S. M., Panchenko A. A. [Philological analysis of the poem "Russian Cross" by N. A. Mel'nikov in a literature lesson at school]. *Russkaya klassicheskaya i neklassicheskaya literatura: Tekst, kontekst, retsepsiya: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati V. V. Agenosova: v 2 chastyakh. Chast' 2* [Russian classical and non-classical literature: Text, context, reception: Collection of articles from the International scientific and practical conference dedicated to the memory of V. V. Agenosov: in 2 parts. Part 2]. Jaroslavl', RIO JaSPU Publ., 2024, pp. 10–16. (In Russ.)
- Superanskaya A. V. *Sovremennyyi slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [Modern dictionary of personal names: Comparison. Origin. Writing]. Moscow, Airis-press Publ., 2005. 284 p.
- Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B. (eds.). *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvo-kul'turologicheskii slovar'* [Russian cultural space: linguoculturological dictionary]. Iss. 1. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 318 p.

К поэтике раннего Пастернака: «До всего этого была зима» (анализ текста)

Борис Андреевич Успенский, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва), borisusp@gmail.com

DOI: 10.7868/S3034592826050072

АННОТАЦИЯ: Стихотворение Б. Л. Пастернака «До всего этого была зима» (из книги «Сестра моя жизнь») во многих отношениях представляется загадочным: непонятно его содержание, не всегда ясен синтаксис, неочевидны границы метафоры. Оно нуждается в последовательном, детальном исследовании, предполагающем разбор каждой строки. Такого рода исследование было предпринято М. Л. Гаспаровым и И. Ю. Подгаецкой. Это исследование — единственная попытка исчерпывающего анализа данного стихотворения. Авторы не оставляют без внимания ни одной детали и стараются ответить на все возникающие вопросы. Вместе с тем их выводы не всегда можно признать безупречными; предлагаемые ими решения в ряде случаев вызывают сомнения. Исследование Гаспарова и Подгаецкой вышло под заглавием «Сверка понимания». Настоящая статья продолжает это направление: на суд читателя выносятся — именно для *сверки понимания* — новый, уточненный анализ стихотворения Пастернака.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафора, толкование поэтического текста, точка зрения как композиционный принцип, «Сестра моя жизнь», «До всего этого была зима», Б. Л. Пастернак, М. Л. Гаспаров, И. Ю. Подгаецкая, К. Т. О’Connor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Успенский Б. А. К поэтике раннего Пастернака: «До всего этого была зима» (анализ текста) // Русская речь. 2026. № 5. С. 84–96. DOI: 10.7868/S3034592826050072.

The Language of Fiction

To the Poetics of Early Pasternak: “Before All That There Was Winter” (Text Analysis)

Boris A. Uspenskij, HSE University (Russia, Moscow), borisusp@gmail.com

ABSTRACT: Boris Pasternak’s poem “Before All That There Was Winter” (from the book “My Sister, Life”) is enigmatic in many ways: its content is obscure, its syntax is not always clear, and the boundaries of its metaphors are not obvious. It requires a thorough and detailed analysis of each line. This analysis was carried out by Mikhail Gasparov and Irina Podgaetskaya. Their study is the only attempt to suggest an exhaustive explanation of the poem. The authors do not leave any detail unconsidered and try to answer all the questions that arise. However, their conclusions are not always flawless, and their proposed solutions are sometimes questionable. Gasparov and Podgaetskaya’s research was published under the title “Verification of Understanding”. This article continues in this vein by presenting a new and refined analysis of Pasternak’s poem.

KEYWORDS: B. L. Pasternak, “My Sister, Life”, “Before All That There Was Winter”, metaphor, interpretation of poetic text, point of view as a compositional principle, K. T. O’Connor, M. L. Gasparov, I. Yu. Podgaetskaya

FOR CITATION: Uspenskij B. A. To the Poetics of Early Pasternak: “Before All That There Was Winter” (Text Analysis). Russian Speech = Russkaya Rech’. 2026. No. 5. Pp. 84–96. DOI: 10.7868/S3034592826050072.

Стихотворение Б. Л. Пастернака «До всего этого была зима» (1917–1919 гг.)¹, опубликованное в журнале «Маковец» (М., 1922, № 1, с. 12) и затем в книге «Сестра моя жизнь (Лето 1917 года)» (М., 1922, с. 29–30)², неоднократно привлекало к себе внимание исследователей, но только дважды становилось предметом последовательного, построчного анализа его содержания. Краткий, но очень насыщенный анализ такого рода был предложен в монографии О’Коннор [O’Connor 1988: 48–49], другой, гораздо более детальный, — в исследовании М. Л. Гаспарова и И. Ю. Подгаецкой [Гаспаров, Подгаецкая 2008: 27–31]³. Гаспаров и Подгаецкая высоко оценивают книгу О’Коннор. Эта работа служит для них отправным пунктом: они отталкиваются от выводов этой исследовательницы, иногда соглашаясь с ними, иногда предлагая собственные решения. Продолжая ту же линию, я буду отталкиваться от выводов Гаспарова и Подгаевской, с тем чтобы предложить свою версию. Ниже предлагается новое, уточненное прочтение данного стихотворения.

Вот его текст (приводим его по книге 1922 г.); строфы обозначены римскими цифрами:

I.
В занавесках кружевных
Воронье.
Ужас стужи уж и в них
Заронен.

II.
Это кружится октябрь,
Это жуть
Подобралась на когтях
К этажу.

¹ Это стихотворение дошло до нас в автографе — в составе книги «Сестра моя жизнь», рукопись которой была подарена поэтом Л. Ю. Брик в 1919 г. после закрытия издательства «Искусство молодых». Ксерокопия была любезно предоставлена мне К. М. Поливановым. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Константина Михайловича за ценные замечания и указания.

² Впоследствии в названии этой книги появляется тире: «Сестра моя — жизнь» (впервые — в изд. «Стихотворения в одном томе», Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933). В предшествующих публикациях (как в отдельном издании 1922 г., так и в «Избранных стихах» 1926 и 1933 гг.) тире отсутствует.

³ Первая публикация: [Гаспаров и Подгаецкая 2000: 163–177]. Ср. также: [Гаспаров и Подгаецкая, 2003].

III.

Что ни просьба, что ни стон,
То, кряхтя,
Заступаются шестом
За октябрь.

IV.

Ветер за руки схватив,
Дерева
Гонят лестницей с квартир
По дрова.

V.

Снег валится, и с колен
— В магазин.
С восклицаньем: «Сколько лет,
Сколько зим!»

VI.

Сколько раз он рыт и бит,
Сколько им
Сыпан зимами с копыт
Кокаин.

VII.

Мокрой солью с облаков
И с удил
Боль, как пятна с башлыков,
Выводил.

I.

В занавесках кружевных воронье. Уже первая фраза стихотворения вызывает вопросы: чтобы понять сказанное, необходимо кое-что домыслить. В самом деле: как можно представить себе воронье *в занавесках*? По-видимому, только в том случае, если вороны оказались в жилом помещении — там, где висят занавески. Но на дворе стужа, и окна, так же как и входные двери, должны быть закрыты. Следовательно, вороны находятся вне дома, где им, собственно, и полагается быть. Они находятся вне квартиры, но при этом видны в занавесках, находящихся в квартире. Это

либо оптическая иллюзия, либо впечатление, которое поэт передает читателю, — в любом случае здесь сказано: кажется, что в занавесках птицы. Может быть, птицы нарисованы на занавесках? Едва ли: этому противоречит как собирательная форма *воронье*, плохо вяжущаяся с рисунком, так и то, что речь идет о кружевах. Так путем несложных мыслительных операций мы приходим к выводу: за окном с кружевными занавесками видны вороны. Так это обычно и понимается [O'Connor 1988: 48; Гаспаров и Подгаецкая 2008: 27].

При таком прочтении оказывается, что в этой небольшой фразе сказано очень много. Мы узнаем, что описание ведется с позиции человека, который находится в комнате и смотрит в окно, т. е. с фиксированной точки зрения некоего субъекта (реального, воображаемого или условного)⁴. На окне висят кружевные занавески, оно закрыто, и за ним пребывают вороны.

Такая интерпретация данной фразы более или менее естественно возникает в нашем сознании, она как бы сама собой напрашивается. Но возможно, кажется, и другое прочтение — может быть, менее очевидное, но именно поэтому заслуживающее внимания.

Ветки деревьев, лишенные листы и запорошенные снегом, кажутся сплетенными и выглядят как кружева; особенно контрастно они выглядят таким образом на темном фоне осеннего неба, когда исчезает ощущение глубины пространства, все состоит из черного и белого и видимое кажется узором. Если принять это объяснение, *кружевные занавески* у Пастернака предстают как метафора зимних деревьев⁵. В этих «кружевных занавесках», т. е. в деревьях, и находится *воронье*.

Таковы два возможных прочтения этой фразы⁶. Последнее прочтение, как кажется, находит затем подтверждение при анализе третьей строфы: оно позволит объяснить то, что ранее оставалось непонятым (см. ниже).

⁴ Им может быть сам поэт, его герой или виртуальный носитель точки зрения (в принципе не отождествляемый с каким-либо лицом).

⁵ Ср. близкое объяснение у С. Н. Бройтмана: «М. Л. Гаспаров и И. Ю. Подгаецкая объясняют [первую фразу стихотворения] так: “окно с кружевными занавесками, за ним — кружащиеся осенние птицы” <...>. Не менее (если не более) вероятно, что “кружевные занавески” — опущенные снегом ветви деревьев, над которыми кружатся вороны...» [Бройтман 2007: 259–260]. Здесь не говорится о непосредственном зрительном сходстве деревьев и кружевных узоров; ассоциация пейзажа с кружевными занавесками навеяна предполагаемым кружением ворон (*кружева* — *кружиться*).

⁶ Уместно сравнить эти два прочтения с картинами в прямой и обратной перспективе. При применении прямой перспективы мы можем относительно четко фиксировать позицию художника, в случае обратной перспективы это невозможно. Изображение в прямой перспективе субъективно (с отсылкой на точку зрения наблюдателя), в обратной — бессубъектно. При втором прочтении описание пейзажа предстает как бы в обратной перспективе.

Ужас стужи уж и в них заронен. К кому относится союз *и*? Кто, помимо ворон, испытывает страх перед стужей? Речь может идти об обитателях дома, о которых говорится далее (во второй, третьей, четвертой, пятой и шестой строфах), или же вообще о людях. Ср.: «точно так же и людям зима кажется страшным зверем, подбирающимся к их жилищу» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 27]; ассоциация с жильцами определяется словом *этаж* в следующей строфе⁷.

Предполагается, что выражение *ужас заронен* образовано «по образцу более обычных фразеологизмов *зародить сомнение, подозрение*» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 27]. Это возможно, хотя такого рода предположение не может считаться бесспорным: следует иметь в виду, что слово *заронить* само по себе не несет отрицательных коннотаций⁸: они сосредоточены здесь всецело на слове *ужас*.

II.

Это кружится октябрь... Гаспаров и Подгаецкая полагают, что речь идет здесь о кружащихся птицах: «Окно с кружевными занавесками, за ним — кружащиеся осенние птицы: даже они встревожены приближением зимней стужи» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 27]. В стихотворении, однако, о кружении птиц не говорится. Это домысел исследователей, возможный, но не обязательный: кружится октябрь, а не птицы. Слово *октябрь* в рассматриваемой фразе в равной мере может относиться как к птицам, так и к деревьям; наконец, оно может относиться и к самому октябрю — к вихрю, снегу, метонимически связанным с этим месяцем, к общему круговороту. Ассоциативно *кружение* связано с *кружевными* занавесками, но это чисто внешняя ассоциация⁹. Мотив *кружения октября* имплицитно появляется затем в третьей строфе.

...это жуть... Стужа представлена в виде *жути* (фонетически созвучное слово!), когтистого существа, подкрадывающегося к дому снаружи; О'Коннор видит здесь ворону [O'Connor 1988: 48].

...подобралась на когтях к этажу. Упоминание *этажа* показывает, что дом не одноэтажный; как мы увидим, в нем несколько квартир (см. четвертую строфу).

⁷ О'Коннор считает, что речь идет о самом поэте («the poet's dread of the impending frost» [O'Connor 1988: 48]). Бройтман допускает, что местоимение третьего лица может относиться здесь к занавескам.

⁸ В словаре под ред. Д. Н. Ушакова примеры употребления этого глагола в переносном значении открываются фразой *заронить любовь* [Ушаков 1935 (ред.): 1022].

⁹ Ср.: «Метонимия *кружится октябрь* (= кружатся октябрьские вороны) явно подсказана *кружевными занавесками* предыдущей строфы» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 27].

К какому этажу? — спрашивают дотошные комментаторы. О’Коннор полагает, что к первому [O’Connor 1988: 48], Гаспаров и Подгаецкая уверены, что по крайней мере ко второму, причем *жуть*, по их мнению, поднимается снизу вверх [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 27]¹⁰. Такая постановка вопроса уместна при прочтении, предполагающем фиксированную точку наблюдателя (см. выше разбор первой строфы); в другом же случае описание вообще лишено конкретности.

Гаспаров и Подгаецкая отмечают просторечную форму *подобрáлась* (вместо *подобрáлась*) [Там же]¹¹. Другую глагольную форму с отклонением от акцентной нормы мы встретим в пятой строфе.

III.

Что ни просьба, что ни стон... О’Коннор видит здесь метафору, выражающую отрицательные ощущения от октября, навеянные октябрём: «the unpleasantness and undesirability of October <...>. October is so ominous and unpleasant <...> that it seems to have the aggressive support of every plaintive and depressing sound» [O’Connor 1988: 48–49]. Нечто подобное говорят Гаспаров и Подгаецкая: «осеннее время — причина тяжелого настроения, а оно — причина просьб и стонов» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 28]. Формулировка О’Коннор представляется более осторожной: в стихотворении не сказано, что просьбы и стоны принадлежат людям¹².

...то, кряхтя, заступаются шестом за октябрь. Эта строфа оказалась камнем преткновения для всех исследователей: «самая трудная строфа, во-первых из-за пропуска подлежащего, во-вторых, из-за непонятного *шеста*» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 28]. О’Коннор предположила, что подлежащим являются просьбы и стоны [O’Connor 1988: 49]. Гаспаров и Подгаецкая справедливо отвергают это предположение как неубедительное и предлагают другие объяснения, но и они не кажутся удачными. По их мнению, «скорее, подлежащими [sic!] могут быть или кружащиеся вороны

¹⁰ Настаивая на таком направлении движения, Гаспаров и Подгаецкая неоправданно полемизируют с О’Коннор: «Жилье представляется на втором этаже, если не выше <...>, на уровне вороньего полета, глагол *подобралась* <...> указывает, что когтистая жуть подтягивается к нему снизу. О’Коннор, не заметив этих оттенков значения, считает, что этаж — первый, а *жуть* на когтях — это ворона, слетающая сверху» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 27]. Ср. у О’Коннор: «...it is terror *zhut*’ [that] stole up to the [first] floor in claws» [O’Connor 1988: 48]. To steal up «подкрадываться» не означает движения сверху вниз.

¹¹ В орфоэпическом словаре русского языка эта форма квалифицируется как «неправильная», причем это определение сопровождается восклицательным знаком [Борунова, Воронцова, Еськова 2000: 394].

¹² Ср. упоминание *стонов* — также в связи с непогодой! — в другом стихотворении из книги «Сестра моя жизнь»: «С постов спасались бегством стоны, / Но вихрь, зарывшись, коротел» («Душная ночь»).

(из первой строфы <...>), или люди, обитающие в *этажах* (из второй строфы, прямо там не названные). При первом понимании перед нами картина: часть стены дома на уровне второго (и выше) этажа, с окнами (и кружевными занавесками за стеклами), карнизом перед ними и вороньем на карнизе; снизу кто-то невидимый, размахивая шестом, сгоняет птиц с карниза, и они, каркая ("кряхтя"), начинают кружиться перед окнами. Поэт переосмысляет картину: движущийся шест представляется орудием не гонителя, а гонимых, это вороны шестом защищают октябрь. Переосмысление натянутое: но совершенно такое же будет при упоминании ветра в деревьях в начале четвертой строфы. При втором понимании (предположение Ю. Л. Фрейдина) точка зрения остается внутри жилища: комната с высоким окном (и кружевными занавесками в нем), и жилец, кряхтя, старается шестом затворить высокую форточку, чтобы не выпустить из комнаты остаток предзимнего тепла: заступает шестом за осень. Второе понимание лучше вяжется с предыдущей частью текста (в помещении), первое — с последующим (на ветру)» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 28]. Ни с одним из этих объяснений, на мой взгляд, согласиться невозможно.

Полагаю, что не названным, но подразумеваемым подлежащим в рассматриваемой фразе являются *д е р е в я*, о которых, как я думаю, шла речь в первой строфе и пойдет речь затем в следующей. Это они *кряхтят*¹³; и они же выступают здесь как субъект действия. Зима наступает, и деревья *заступаются* за октябрь, который *кружится*, гонимый то ли вихрем, вьюгой, то ли *ужасом стужи*; они стараются шестом удержать октябрь. Шест, по-видимому, выступает здесь как инструмент, с помощью которого можно остановить вращение, кружение¹⁴, — в данном случае он должен предотвратить губительное кружение октября. Таким образом, деревья орудуют шестом, пытаясь защитить октябрь от надвигающейся зимы.

Именно деревья — не вороны, а деревья — являются основным (и наиболее активным) персонажем первой части стихотворения (первых четырех строф). Во второй его части описание сосредоточено главным образом на снеге.

IV.

Ветер за руки схватив, деревья гонят лестницей с квартир по дрова. Подлежащее здесь — *деревя*, согласованное со сказуемым во множественном числе (*гонят*). Дополнение *ветер* поставлено перед подлежащим,

¹³ Отметим внутреннюю рифму, соединяющую вторую и третью строфы: *когтями* — *кряхтя*. Слово *когти* в московском произношении звучит с фрикативным: *ко[χ]ти*.

¹⁴ Ср. выражение *ставить палки в колеса* «чинить препятствие движению».

т. е. имеет место синтаксическая инверсия. Таким образом здесь сказано: деревья гонят ветер по лестнице за дровами¹⁵. Мы догадываемся, что так условно изображаются люди, стремглав (со скоростью ветра) бегущие по лестнице, чтобы набрать дров; действительно, в следующей строке эта тема продолжается, и речь идет уже о людях. Упоминание о *квартирах* (во множественном числе) показывает, что дом — многоквартирный: жильцы бегут, очевидно, из своих квартир.

«Переосмысление картины — в том, что на самом деле руки-ветки принадлежат деревьям, а в стихотворении — ветру, на самом деле людей гонит холодный ветер, а в стихотворении — деревья», — пишут Гаспаров и Подгаецкая [2008: 29]¹⁶. Таким образом, предполагается, что в описываемой реальности ветер гонит людей, которые обозначаются как *деревя*; в стихотворении же говорится противоположное: *деревя* гонят людей, которые обозначаются как *ветер*.

Заметим в этой связи, что форма множественного числа *гонят* и форма единственного *гонит* из-за редукции заударного гласного при произнесении могут звучать одинаково. Читатель Пастернака, знающий эти стихи наизусть и воспроизводящий их в своей памяти, может невольно переосмысливать их, исходя из более естественного (не инвертированного) порядка слов, и тогда *ветер* становится подлежащим, а *деревя* — дополнением (не деревья гонят ветер, а ветер гонит деревья). Эти колеблющиеся понимания как бы накладываются одно на другое при припоминании стихов. Конечно, это не могло входить в замысел автора.

V.

Снег валится, и с колен — в магазин... Это продолжение предыдущей картины, которая превращается из образной в подлинную: люди, стремглав бежавшие вниз по лестнице, валятся в снег, поднимаются и бегут в *магазин* (дровяной склад). Слово *валится* с нестандартным ударением на втором слоге (вместо *ва́лится*)¹⁷ объединяет падающий снег и падающих людей: речь идет здесь одновременно и о снеге, и о людях.

Фраза *Снег валится*, которая читается во всех прижизненных изданиях Пастернака, в конце жизни была изменена им на *Снег все гуще* — надо полагать, ввиду нестандартного ударения в слове *валится*; язык стал

¹⁵ Ср. перевод О'Коннор: «Having grabbed the trees by the hands, the wind drives [people] down the steps of [their] apartments [to go] for firewood» [O'Connor 1988: 49]. Это очевидная ошибка.

¹⁶ Ср.: «Фокус <...> изображения состоит в том, что испытывающие действие *деревя*, а не совершающий его *ветер* стоят в активной позиции» [Бройтман 2007: 261].

¹⁷ Отклонение от произносительной нормы сигнализировано в автографе 1919 г., где в этом слове поставлено ударение: *ва́лится*.

правильным, но образность исчезла¹⁸. Гаспаров и Подгаецкая ошибочно утверждают, что *Снег все гуще* является первоначальным, исходным вариантом, замененным в дальнейшем на *Снег валится* (и даже объясняют, что стоит за этой заменой!) [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 29].

...с восклицанием: «Сколько лет, сколько зим!». Это обычное приветствие при встрече, обращенное к собеседнику, с которым говорящий давно не виделся. В дровяном складе (магазине) оно, скорее всего, может быть обращено к жителю или жителям того же дома, которые оказались здесь по той же надобности (см. четвертую строфу). Трудно при этом предположить, что они давно друг с другом не виделись. Очевидно, в контексте рассматриваемого стихотворения это восклицание имеет другой смысл; это не диалог, а монолог, и значимыми в нем оказываются наименования сезонов: *зима* и *лето* (последнее слово при этом, как кажется, переосмысливается, обозначая не «год», а «лето»). Осень со всеми ее невзгодами — это переход от лета к зиме. Зима, как мы узнаем ниже, приносит исцеление¹⁹.

Ср.: «Приветствие “Сколько лет, сколько зим!” осмысливается буквально: вопрос требует ответа, и ответ подразумевается простой: от встречи до встречи со снегом проходит ровно год. Это поворотное место в стихотворении: пугающее линейное время, ведущее от страшного предзимья к еще более страшной зиме, сменяется успокаивающим циклическим временем, ведущим сквозь зимы, и зимний холод из убивающего становится анестезирующим (на смену “черной” осени приходит “белая” зима, по выражению О’Коннор <...>). Только здесь становится понятно, почему стихотворение под заглавием “До всего этого была зима” начинается разговором об октябре, еще осеннем месяце...» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 29–30]. Я не согласен лишь с тем, что зима представлена у Пастернака как «страшная»²⁰.

VI.

Сколько раз он рыт и бит, сколько им сыпан зимами с копыт кокаин. Кокаин — порошок белого цвета, напоминающий снег; кажется очевидным, что кокаин здесь — метафора снега [O’Connor 1988: 49]. Местоимение он,

¹⁸ Это изменение было сделано им в верстке «Избранных стихотворений» 1956 г. — издания, которому было не суждено выйти в свет (верстка, к счастью, сохранилась). Оно было воспроизведено в посмертном издании Пастернака 1965 г. («Библиотека поэта») и затем в двухтомнике 1985 г. В пятитомнике 1989–1992 гг. был восстановлен первоначальный вариант (*Снег валится...*), тогда как в новом издании «Библиотеки поэта» 1990 г. и в одиннадцатитомнике 2003–2005 гг. составители вернулись к позднейшей версии (*Снег все гуще...*).

¹⁹ С. Н. Бройтман видит в данном восклицании всего лишь шутку [Бройтман 2007: 262]: едва ли это верно.

²⁰ Ср.: «Thus the arrival of winter has dispelled the desolate and predatory mood of late fall and ushered in a mood of exuberance and good cheer» [O’Connor 1988: 49].

несомненно, относится к снегу: снег был много раз *рыт и бит* копытами скачущих лошадей. Но что означает местоимение *им*?

Фразы *Сколько... он* и *Сколько им* воспринимаются как риторический повтор (анафора), и это заставляет трактовать местоимения *он* и *им* как слова, относящиеся к одному и тому же референту, т. е. к снегу. Местоимение *им* понимается при этом как форма творительного падежа единственного числа. Но тогда оказывается, что снег сыпет сам себя. Это не имеет смысла, и комментаторы приходят к выводу, что снег в описываемой картине превращается в кокаин: слово *кокаин* понимается ими буквально как наркотическое снадобье, а не как метафорическое обозначение снега. Вот как комментируют данную фразу Гаспаров и Подгаецкая: «Такой снег и в прошлые зимы был рыт и бит конскими копытами и после каждого удара осыпался с копыт порошком обезболивающего кокаина» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 30]. Трудно согласиться с такой трактовкой.

Если же понимать местоимение *им* как форму дательного падежа множественного числа, предложение получает другое — как мне кажется, более осмысленное — чтение: сыплется не кокаин как таковой, а снег, который похож на кокаин и, подобно кокаину, снимает боль (см. об этом в следующей строфе)²¹. Местоимение *им*, по-видимому, относится к людям, о которых шла речь ранее.

VII.

Мокрой солью с облаков и с удил боль, как пятна с башлыков, выводил. Мокрая соль — другая метафора для снега, наряду с *кокаином* (но, в отличие от кокаина, соль еще и пятновыводитель). Здесь продолжение той же темы, того же ассоциативного перехода: снег похож на кокаин, кокаин снимает боль, снег похож на мокрую соль, которая снимает пятна. Вывод: боль снимается, как пятна. Возможно, это та боль, которая имелась в виду в третьей строфе, — боль, которая вызывала *просьбы* и *стоны*. Кокаин метафорически связан со снегом, но метонимически — с болью; точно так же соль метафорически связана со снегом, метонимически — с пятнами.

Комментируя последние две строфы, Гаспаров и Подгаецкая пишут: «В метафорическом ряду дважды появляется образ извозчика — по-видимому, на быстром скаку (*рыт и бит* копытами, сыпан с *копыт*, с затянутых до боли *удил*, также и *башлыки*?); может быть, представляется поездка с женщиной на лихаче (как у Блока), тогда с нею естественно ассоциируется

²¹ Ср. ту же тему: «на свете нет тоски такой, которой снег бы не вылечивал» («Январь 1919 г.»). На эту аналогию обратил мое внимание К. М. Поливанов.

кокаин)» [Гаспаров и Подгаецкая 2008: 30]. Мне кажется, что буквальное (не метафорическое) понимание слова *кокаин* в этих стихах заводит комментаторов слишком далеко.

* * *

«Сестра моя жизнь», как явствует из подзаголовка этой книги, посвящена событиям лета 1917 г. Стихотворение «До всего этого была зима» очевидным образом говорит о зиме, которая предшествовала этим событиям. Этому отвечает эпиграф из Верлена: *Est-il possible, — le fût-il?* («Возможно ли, — было ли это?»); перед нами воспоминание о времени, которое ушло — настолько, что может даже возникнуть сомнение в том, было ли оно. Поэтому описание осени и зимы 1916 г. в этих стихах имеет остранный, безличностный характер.

С такого рода описанием резко контрастирует название стихотворения, в котором отчетливо слышится голос самого поэта. Местоимение *это* относится непосредственно ко времени написания стихов (а не к описываемому в них времени). Оно принадлежит *настоящему* времени поэта — в грамматическом смысле слова, — а не тому времени, которое является для него *прошедшим*. Так определяется перспектива описания: актуальная для автора действительность противопоставляется тому, что потеряло актуальность и осталось только в воспоминаниях.

Литература

- Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Изд. 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 2000. 688 с.
- Бройтман С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь». М.: Прогресс-Традиция, 2007. 608 с.
- Гаспаров М. Л., Подгаецкая И. Ю. Пастернак в пересказе: сверка понимания // Новое литературное обозрение. 2000. № 46 (6). С. 163–177.
- Гаспаров М. Л., Подгаецкая И. Ю. Пастернак в пересказе: сверка понимания // Русский язык. 2003. № 3.
- Гаспаров М. Л., Подгаецкая И. Ю. «Сестра моя — жизнь» Бориса Пастернака: Сверка понимания. М.: РГГУ, 2008. 192 с.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. I. М.: ОГИЗ, 1935. 1566 стлб.
- O'Connor K. T. Boris Pasternak's *My Sister — Life*: The Illusion of Narrative. Ann Arbor, [1988]. 207 p.

References

- Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [The Russian language: pronunciation, stress, and grammatical forms]. Ed. 3rd, stereotip. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2000. 688 p.
- Broitman S. N. Poetika knigi Borisa Pasternaka "Sestra moyā — zhizn'" [The poetics of Boris Pasternak's book "My sister, life"]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2007. 608 p.
- Gasparov M. L., Podgaetskaya I. Yu. [Pasternak in retelling: Checking understanding]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 2000, no. 46 (6), pp. 163–177. (In Russ.)
- Gasparov M. L., Podgaetskaya I. Yu. [Pasternak in retelling: Checking understanding] *Russkii yazyk*, 2003, no. 3.
- Gasparov M. L., Podgaetskaya I. Yu. "Sestra moyā — zhizn'" Borisa Pasternaka: *Sverka ponimaniya* [Boris Pasternak's "My sister — life": Checking Understanding]. Moscow, RSUH Publ., 2008. 192 p.
- O'Connor K. T. *Boris Pasternak's My sister — life: The illusion of narrative*. Ann Arbor, [1988]. 207 p.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyī slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. I. Moscow, OGIZ Publ., 1935. 1566 clmns.

Поэтика журнальных статей «почетного литератора» Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа)

Чэнь Пэйцзюнь¹, Татьяна Семеновна Садова², Шаньдунский университет
(Китай, Цзинань)¹, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)²,
chenpeijun1123@163.com¹, tatsad_90@mail.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826050080

АННОТАЦИЯ: Имя Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа), выдающегося русского востоковеда XIX века, хорошо известно как российской, так и зарубежной ориенталистике. Его научное творчество хорошо изучено, прежде всего, с точки зрения истории русской синологии, многочисленные работы посвящены переводческой деятельности Бичурина, обстоятельно описана его биография. При этом язык научных, научно-популярных произведений о. Иакинфа не изучен вовсе. На фоне разноаспектных исследований, посвященных проблемам исторической, функциональной, авторской стилистики, приходится констатировать, что в русской и зарубежной научной литературе нет сколько-нибудь системного описания писательской манеры, идиостиля Бичурина, автора многочисленных научных, научно-популярных и художественных произведений. Во время миссионерской службы в Китае Бичурин создает более ста научных трудов о различных сторонах жизни Китая, основываясь не только на своих наблюдениях и научных изысканиях, но впервые используя данные древнейших письменных источников, которые он сам переводил. Помимо самобытного исследовательского таланта, Бичурина отличала особая манера повествования, в том числе представленная в статьях о Китае, опубликованных в популярных

журналах XIX века — «Отечественных записках», «Сыне Отечества», «Северном архиве», «Москвитяине» и др. Стилистическим особенностям, а также поэтическим чертам этих публикаций, которые во многом представляют идиостиль Бичурина, складывавшийся в течение двух десятилетий, посвящена наша статья. Рассмотрены художественные черты ряда журнальных статей о. Иакинфа, сделавшие их узнаваемыми и образцовыми для последующих поколений популяризаторов науки. Отмечены авторские приемы вовлечения читателя в повествование, рассмотрены способы и текстовые функции словосложения, продемонстрированы основные черты поэтики этнографических статей о Китае, художественные достоинства которых высоко ценили видные писатели, современники Бичурина.

ключевые слова: Н. Я. Бичурин, о. Иакинф, историческая стилистика, функциональный стиль, русские журналы XIX века, поэтика журнальной статьи, этнографический очерк

для цитирования: Чэнь Пэйцзюнь, Садова Т. С. Поэтика журнальных статей «почетного литератора» Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа) // Русская речь. 2026. № 5. С. 97–108. DOI: 10.7868/S3034592826050080.

The Language of Fiction

Poetics of Journal Articles of “Honorary Writer” Nikita Yakovlevich Bichurin (Fr. Iakinf)

Chen Peijun¹, Tatiana S. Sadova², Shandong University (China, Jinan)¹, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)², chenpeijun1123@163.com¹, tatsad_90@mail.ru²

ABSTRACT: The name of Nikita Yakovlevich Bichurin, a prominent 19th-century Russian Orientalist, is well known in both Russian and international Oriental studies. His scholarly work has been thoroughly studied, primarily from

the perspective of the history of Russian Sinology. Numerous works are devoted to Bichurin's translation work, and his biography has been thoroughly researched. However, the language of Father Iakinth's scholarly and popular works remains entirely unexplored. Despite the diverse research devoted to historical, functional, and authorial stylistic issues, it must be acknowledged that Russian and international scholarly literature lacks any systematic description of the writing style or idiostyle of Bichurin, the author of numerous scholarly, popular, and artistic works. During his missionary service in China, Bichurin authored more than one hundred scientific works on various aspects of Chinese life, basing his analysis not only on personal observations but also, for the first time, on ancient written sources that he himself translated. This article examines the stylistic and poetic features of his publications in popular 19th-century journals—such as *Otechestvennye Zapiski*, *Syn Otechestva*, *Severnnyy Arkhiv*, and *Moskvityanin* — which collectively represent the idiostyle had been developing for over two decades. Our analysis identifies the artistic features that made his articles recognizable and exemplary for later generations of science popularizers. We explore his techniques for engaging the reader, consider the functions of his compound words, and demonstrate the main poetic characteristics of his ethnographic articles on China, whose literary merits were highly valued by prominent contemporary writers.

KEYWORDS: N. Ya. Bichurin, historical stylistics, functional style, Russian journals of the 19th century, poetics of a journal article, ethnographic essay

FOR CITATION: Chen Peijun, Sadova T. S. Poetics of Journal Articles "Honorary Writer" Nikita Yakovlevich Bichurin (Fr. Iakinf). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 5. Pp. 97–108. DOI: 10.7868/S3034592826050080.

В ряду выдающихся российских востоковедов XIX века, сделавших российскую ориенталистику того времени поистине «поэтической наукой» [Иваницкая 2016: 64], особое место занимает Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) (1777–1853), чье творчество и научные изыскания составили целую эпоху отечественной синологии и этнографии [Токарев 1966: 161], полную глубоких исследований и ярких открытий из области материальной и духовной жизни народов Китая и Центральной Азии [Решетов 1993: 107].

Многие тексты Н. Я. Бичурина, имевшие безусловно научные цели, с успехом печатались в специальных разделах светских журналов, — столь высок был в среде образованной публики XIX столетия интерес к восточным странам и особенно Китаю, «загадочному далекому краю» [Майоров, Стеженская 2015: 6]. Редакторы «Московского телеграфа», «Отечественных записок», «Москвитянина» и других известных изданий с большой охотой публиковали и даже заказывали статьи о. Иакинфу, демонстрировавшему, по словам профессора Санкт-Петербургского университета, востоковеда Н. И. Веселовского, «неутомимую литературную деятельность» [Веселовский 1897: 154]. В этом отношении примечательно «предуведомление» к читателю, данное редакторами «Сына Отечества» перед очередной статьей Бичурина: «Мы извещали уже в Сев.<ерной> Пчеле об этом новом и важном труде нашего почтенного Хинезиста, и долгом поставляем — благодарить его за украшение нашего журнала статью, драгоценную для каждого просвещенного читателя» [Бичурин 1838: 98].

Н. А. Полевой, в 1830-е годы издатель «Московского телеграфа» и редактор сразу нескольких журналов, не однажды привлекавший о. Иакинфа к сотрудничеству, называет его «почетным литератором», занимающим «первое место между ориенталистами русскими» и обладающим исключительным «трудолюбием по своему предмету», а также «совершенным познанием дела» [Полевой 1838: 2]. Перечень доброжелательных и весьма высоких оценок «литературных трудов» Бичурина, исходящих от писателей, ученых того времени, можно было бы продолжать — они многочисленны.

Следует учесть при этом, что в первой половине XIX в., как и в предшествующее столетие, «литературными» назывались различные (не только в жанрах художественной литературы) тексты, подпадающие под широкое понятие «письменная словесность вообще» [Сорокин 2000: 190]. Несомненно при этом и то, что известная «художественность» (в современном смысле) в сочинениях Бичурина безусловно присутствует — таковы обязательные условия журнального языка, призванного угадывать и удовлетворять эстетические и интеллектуальные запросы широкого круга читателей. Однако стиль ученого, даже пишущего для популярного издания, во многом отличен от стиля профессионального журналиста или писателя.

Н. Я. Бичурин, конечно, понимал, что научные статьи, обращенные ко всякому просвещенному (или просто любопытствующему в науках) человеку, должны писаться по-особенному — логично и «беспристрастно», но при этом «живописно», непременно «с верным взглядом на вещи», но

«без китайских сказок» [Бичурин 1958: 143]. Руководствуясь этими (и некоторыми другими) принципами, Бичурин формирует свой уникальный стиль повествования, во многом послуживший примером для русских ученых, популяризаторов наук XIX и последующих столетий.

Примечательно, что об особой манере Бичурина в изложении культурно-исторических фактов говорят и современные китайские исследователи, отмечая, например, его умение уважительно точно и одновременно живописно отражать «блестящую культуру Китая» [Цзян Бо 1985: 85]. Отмечается и «скрупулезность в работе над древнейшими источниками» [Ли Вэйли 2015: 4] русского ученого, его искренняя заинтересованность в предмете описания, в результате чего на суд русской читающей публики представляла «доступная для понимания, снабженная обширными комментариями», поистине художественная картина из реальной истории [Лю Цзяньнань 2004: 87].

Итак, поэтическая манера о. Иакинфа, в полной мере явленная в журнальных текстах о Китае, заслуживает внимания как образец русского (в современном понимании) научно-популярного стиля XIX в.

Во-первых, установка Бичурина на факт как предмет этнографического внимания оказалась весьма выигрышным публицистическим приемом, поскольку этот факт — всегда экзотический фрагмент из жизни «других», причем «других» настолько, что самая повседневная, самая обыденная вещь, которая отмечается почти «беспристрастно», превращается в нечто «художественное», нетривиальное, а потому несомненно привлекающее внимание.

Малолетки (сироты) по достижении 11-го года, и устаревшие (бездетные) получали участок пашенной земли в половину против земледельца; <...> оставшиеся жить во вдовстве получали женской участок пашенной земли; но от поземельного налога все были освобождены [Бичурин 1841a: 382].

Древние отправлялись на звериную ловлю после того, как волки начнут пожирать зверей. Ибо они и к животным оказывали человеколюбие. В суровое же время года, волки и звери начинают пожирать друг друга: почему в сие время и люди били их и сушили для потчевания гостей [Бичурин 1830: 280].

Во-вторых, довольно часто Бичурин как бы вовлекает читателя в происходящее или описываемое действие, что имеет (говоря современным языком) известный кинематографический эффект. Это вовлечение он организует различными речевыми способами. Прежде всего — через прием «мы-повествования» [Чэнь 2019: 123]: читатель становился полноправным

субъектом наблюдаемых событий, очень часто — в ситуации сравнения «своего» и «чужого»:

Обратимся к южной стене внешнего города. Средние в ней ворота (№ 175) называются Юн-дин-мынь [Бичурин 1840: 5].

Мы молимся о упокоении родителей по смерти; а там молятся покойным родителям о ниспослании счастья оставшемуся семейству; мы молимся в храмах, а там напротив в домах и на кладбищах; — одним словом, там находится очень много других вещей, которые все почти и мы имеем, но там все в другом виде [Бичурин 1840: 3].

«Мы»-повествование нередко используется в контекстах-рассуждениях, где речь идет о стереотипах восприятия русскими других народов, в том числе китайцев. Бичурин не отделяет своего начального мнения от общепринятого, от чего дальнейшее «разоблачение» стереотипа представляется «коллективным прозрением», извинительным заблуждением, легко исправимым при внимательном рассмотрении того или иного факта:

<...> Мы очень обманывались в своих мнениях на счет шаманства. То, что нам казалось грубым обманом в кочевых шарлатанах, составляет религию, господствующую ныне при китайском дворе и в Маньчжурии. Древние обряды ее, изложенные в вышеупомянутом уставе, представляют стройную систему, основанную на понятиях чисто религиозных [Бичурин 1839а: 73].

К приемам вовлечения следует отнести и многочисленные риторические приемы диалоговой организации текста [Чэнь 2018], при которой читатель становится соучастником переживаний и размышлений автора; эмоциональность таких контекстов очевидно выше общего повествования. Работая на контрасте «фактологичность — экспрессивность», Бичурин задает особый ритм своего повествования, не всегда плавный и размеренный, но часто — взрывной и «рваный», что в известной степени обеспечивает суггестивную силу текста.

Китай еще непонятнее для нас в других противоположностях. Коснетесь ли его просвещения? <...> Обратите ли внимание на учреждения и законы Китая? Даже просвещеннейшие народы Европы могли бы кое-что заимствовать из них [Бичурин 1840: 2].

<...> Во всем видим одну несообразность и странную противоположность понятий с их предметами. От чего же это, спросите вы? От того, что мы судим о вещах по нашим о них понятиям [Бичурин 1840: 3].

В-третьих, в структуре многих журнальных статей Бичурина наличествуют полемические фрагменты, повышающие эмоциональный фон

повествования [Чэнь 2018] и, несомненно, привлекающие внимание читателя. Заочный спор с учеными и путешественниками, как российскими, так и западными, либо допускающими небрежность в суждениях о Китае, либо обнаруживающими откровенное незнание предмета, либо, что самое неприемлемое, демонстрирующими «цивилизационное высокомерие» по отношению к Китаю и ее жителям, — иногда составляет значительную часть публикаций Бичурина.

Некоторые статьи создаются им в жанре рецензии или критического разбора трудов известных и малоизвестных авторов, пишущих о Китае. И вновь Бичурин вооружается фактом, но уже не «живописным», а исключительно «научным» — как извлеченным из собственного исследовательского опыта, так и подкрепленным данными китайских письменных источников, в том числе древнейших (редкое явление даже в сугубо научной ориенталистике XIX века). Основательность точки зрения о. Иакинфа в этих случаях представлялась бесспорной, от чего общий стиль его замечаний (ответов, аргументов, правок, рекомендаций), адресованных авторам анализируемых публикаций, нередко приобретал ироничный тон. При этом читателя, конечно, поражала тщательность и детальность разбора ошибок, неточностей, откровенных заблуждений, отмеченных и исправленных ученым-монахом. Потому его полемические статьи никогда не писались в стол, практически все они были опубликованы в лучших журналах Москвы и Санкт-Петербурга.

За нужное почитаю предуведомить читателя, что здесь под наречием разумеется не слог разговорный, а самый выговор или произношение, о чем г-н Клапрот, не бывши в Китае, не в состоянии судить, даже несмотря на всю его проницательность, я сомневаюсь, знает ли он, что в самом Цзянь-нин-фу не все иероглифы так выговариваются, как миссионеры сообщали Европе [Бичурин 1828a: 469].

Надобно отдать новейшим путешественникам справедливость в том, что они совершенно оставили старую привычку обозревать все поверхностно, судить о всем по своим мыслям, или для известной цели с намерением представлять вещи в превратном виде [Бичурин 1841b: 92].

В-четвертых, в связи с рассуждением о специфике поэтической манеры Бичурина весьма примечательным и в некоторой степени неожиданным оказывается лексический состав его научных статей, заведомо предполагающий обилие славянизмов, калек с греческого и под., если учесть происхождение о. Иакинфа (он сын дьяка), его образование (духовная академия) и монашеское служение. Однако текстам Бичурина не характерны ни «тяжеловесность» стиля, ни «засилие церковнославянизмов»

[Чэнь 2019: 49], — столь типичных языковых черт для трудов тогдашних ученых, «выходцев из духовенства» [Булаховский 1957: 200]. Напротив, о. Иакинф явно избегает громоздких отвлеченных суждений, он предпочитает о сложном говорить просто, прибегая порой к словотворчеству, нередко весьма изобретательно.

Ради экономии пространства текста, ради сохранения его содержательной цельности он часто использует сложные слова, как известные, так и созданные им самим, зачастую прозрачно мотивированные, а потому вполне понятные читателю: *военнопашец, страноправитель, отцепочтение* (и *отцепочтительный*), *престохищник, книгосозжение, шелкоделие, вседействие, вольномысленный, близоумный, лицепокровный, душепризывный* и др. [Чэнь 2019: 76]. Очевидно, что словосложение и основосложение — типичный для церковнославянского языка способ образования новых слов. Однако в журнальных статьях Бичурина сложные слова не имеют высокой стилистической нагрузки книжного языка. В контексте этнографического бытописания они выполняют скорее утилитарную роль — более точно и более лаконично назвать некую реалию, чтобы не пускаться в долгие разъяснения и толкования.

*В разговорном языке под желтопоясными и краснопоясными более разумеют таких князей, которые хотя происходят от княжеских родов, но лично княжеского достоинства не имеют. Таких князей мы будем называть **внекласными*** [Бичурин 1843: 3].

*Последния 14 лет сей династии составляют царствование **престолюхищника** Ван-ман иначе Синь-ман* [Бичурин 1828b: 222].

Показательно также, что ряд образных сравнений, метафор, фразеологизмов, часто используемых о. Иакинфом, — это переведенные им китайские народные изречения, устойчивые выражения или суждения великих философов Поднебесной — таким образом обеспечивается выразительность и художественная притягательность текста о Китае:

*Китайцы представляют историю **зерцалом, отражающим тень событий**, происходивших в какой либо стране* [перевод книжного фразеологического выражения 以史为镜, 可以知兴替 — ‘воспринимать историю как зеркало, чтобы знать взлеты и падения династий’] [Бичурин 1839b: 1].

В его краткой летописи, под названием: Чунь-цун, что значит Весна и Осень, по уверению ученых Китайцев, одно в похвалу сказанное слово блистательнее всякого пышного наряда, одно в порицание сказанное слово колчеe всякого острого оружия [Бичурин 1839b: 2].

Н. Я. Бичурин сумел сделать очень много — в научной ориенталистике, в просветительстве, переводческой работе, журналистике, дипломатии, писательстве. Получивший добротное по тем временам духовное образование, он никогда не гнушался чтением светской литературы, и прежде всего — научной. Потому его несомненную осведомленность в законах и правилах построения текстов различной формы и различного назначения следует считать основой в работе над собственным языком и собственными текстами. Благодаря активному сотрудничеству с самыми популярными журналами обеих столиц Бичурин создал свой уникальный стиль, стиль ученого-этнографа, желающего познакомить русского читателя с далекой страной, понять и принять древнейшую культуру Китая «без всяких сказок». В этом видится большая просветительская и цивилизационная заслуга русского ученого.

Известно, что в юности, учась в Казанской духовной академии, Бичурин писал стихи, полные подражательства и поэтических признаков высокого стиля.

*...Уже за холм высокий скрылось
Светило дневное в водах,
И поле тьмой ночной покрылось,
Луна сияла в небесах.
Ручей едва журчал вдали,
Спокойно было на земли.
Престал порхать в кустах Зефир;
Везде простерся кроткий мир [Бичурин 1991: 24].*

Со времени этой торжественной оды прошел не один десяток лет, прежде чем в статьях, научных изданиях академического уровня Бичурин предъявил читателю свой строгий, лаконичный и все же выразительный слог, слог ученого и литератора.

Источники

Бичурин Н. Я. Разбор критических замечаний и прибавлений г-на Клапрота к французскому переводу книги: Путешествие в Китай через Монголию, в 1820–1821 годах // Московский телеграф. 1828а. № 12. С. 467–486.

Бичурин Н. Я. О китайском летосчислении // Северный архив. 1828b. № 4. С. 219–227.

Бичурин Н. Я. Ся-сяо-чжен, или земледельческий календарь китайцев // Московский телеграф. 1830. № 7. С. 263–281.

Бичурин Н. Я. Отрывки из энциклопедического описания Китая // Сын отечества. 1838. № 2. С. 97–137.

Бичурин Н. Я. О шаманстве // Отечественные записки. 1839а. № 11. С. 73–81.

Бичурин Н. Я. Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными // Сын отечества. 1839б. № 7. С. 1–11.

Бичурин Н. Я. Общественная и частная жизнь китайцев // Отечественные записки. 1840. № 5. С. 1–36; 63–103.

Бичурин Н. Я. Поземельный налог в Китае // Москвитянин. 1841а. № 12. С. 370–384.

Бичурин Н. Я. Замечание на статью о Китае в сочинении г. Эйриэ // Отечественные записки. 1841б. Т. 14. С. 90–95.

Бичурин Н. Я. Княжеское правление в Китае // Сын отечества. 1843. № 3. С. 1–13.

Бичурин Н. Я. Письма к М. П. Погодину // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 141–154.

Бичурин Н. Я. Ради вечной памяти: поэзия, статьи, очерки, заметки, письма. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1991. 350 с.

Веселовский Н. И. Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин) // Русский биографический словарь / отв. ред. А. А. Половцова. СПб.: Императорское Русское историческое общество, 1897. Т. 8. С. 153–155.

Полевой Н. А. «Хань-вынь-ци Мын. Китайская Грамматика», сочиненная монахом Иакинфом. Напечатанная по Высочайшему повелению. СПб. в литографии Гемильяна. 1838. XXII и 237 стр. // Сын отечества. 1838. № 4. С. 1–36.

Литература

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге. Киев: Издательство Киевского государственного университета, 1957. 491 с.

Иваницкая Е. В. Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи // Язык и текст. 2016. № 2. С. 62–75.

Ли Вэйли. Светило российской синологии [俄罗斯汉学的太阳 E Luo Si Han Xue De Tai Yang]. Пекин: Коммерческое издательство, 2015. 198 с. (на кит. яз.)

Лю Цзяньнань. Бичурин и культурные и Китайско-русские культурные обмены [俾丘林与中俄文化交流 Biquilin Yu Zhong E Wen Hua Jiao Liu] // История и современное состояние китайско-русских отношений [中俄关系的历史与现实 Zhong E Guan

- Xi De Li Shi Yu Xian Shi]. Чжэнчжоу: издательство Хэнаньского университета, 2004. С. 76–93. (на кит. яз.)
- Майоров В. М., Стеженская Л. В. Н. Я. Бичурин и его «Древняя китайская история» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. № 1. С. 5–11.
- Решетов А. М. Значение трудов членов Российской духовной миссии в Пекине для этнографии // Православие на Дальнем Востоке: к 275-летию Российской духовной миссии в Китае / отв. ред. М. Н. Боголюбов. СПб.: Андреев и Сыновья, 1993. С. 106–118.
- Сорокин Ю. С. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11. СПб.: Наука, 2000. 255 с.
- Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Наука, 1966. 452 с.
- Цзян Бо. Н. Я. Бичурин и его ориенталистические исследования [比丘林及其东方学研究 Biquilin Ji Qi Dong Fang Xue Yan Jiu Ji Qi Dong Fang Xue Yan Jiu] // Lanzhou Academic Journal. 1985. № 4. С. 83–87. (на кит. яз.)
- Чэнь Пэйцзюнь. Диалогичность текстов этнографических трудов Н. Я. Бичурина о Китае // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4. С. 72–76.
- Чэнь Пэйцзюнь. Стиль научных трудов Н. Я. Бичурина: Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение: дис. ... канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2019. 274 с.

References

- Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka: Leksika i obshchie zamechaniya o sloge* [The Russian literary language of the first half of the 19th century: lexis and general remarks on the style]. Kyiv, Kyiv St. Univ. Publ., 1957. 491 p.
- Chen Peijun. [Dialogicity of the texts in ethnographic works about China by N. Ya. Bichurin]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 72–76. (In Russ.)
- Chen Peijun. Stil' nauchnykh trudov N. Ya. Bichurina: Kitai, ego zhiteli, нравы, обычаи, просвещение. Diss. kand. filol. nauk [The style of scientific works of N. Ya. Bichurin ("China, its people, customs, folkways, education"). Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2019. 274 p.
- Ivanitskaya E. V. [The transformation of scientific style in the changing communication environment. Features of the modern scientific article]. *Yazyk i tekst*, 2016, no. 2, pp. 62–75. (In Russ.)
- Jiang Bo [Bichurin and his oriental studies]. *Lanzhou Academic Journal*, 1985, no. 4, pp. 83–87. (In Chinese)
- Li Weili *E Luo Si Han Xue De Tai Yang* [The sun of Russian sinology – N. Ya. Bichurin]. Beijing, The commercial press, 2015. 198 p.
- Liu Jiannan [Bichurin and Sino-Russian cultural exchanges]. Zhong E Guan Xi De Li Shi Yu Xian Shi [History and current state of Sino-Russian relations]. Zhengzhou, 2004, pp. 76–93. (In Chinese)

- Maiorov V. M., Stezhenskaya L. V. [N. Ya. Bichurin and his “Drevnyaya kitayskaya istoriya” (“Ancient Chinese history”)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2015, no. 1, pp. 5–11. (In Russ.)
- Reshetov A. M. [The significance of the works of the members in the Imperial Russian Spiritual Mission in Beijing for ethnography]. *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: k 275-letiyu Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae* [Orthodoxy in the Far East: on the 275th anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in China]. Saint Petersburg, 1993, pp. 106–118. (In Russ.)
- Sorokin Yu. S. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 11. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. 255 p.
- Tokarev S. A. *Istoriya russkoi etnografii* [The history of Russian ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 452 p.

Книжные новинки

«Это все мое родное»: об энциклопедии пищевой культуры Среднего Урала

Ирина Трофимовна Вепрева, Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург), Irina_vepreva@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826050098

АННОТАЦИЯ: Статья представляет собой развернутую рецензию на вышедший в 2026 г. в Екатеринбурге словарь диалектной лексики «Традиционная пища Среднего Урала» (авторы-составители В. В. Липина, Я. В. Малькова, К. В. Осипова). Издание рассматривается как прямое продолжение уральского проекта по созданию этноидеографических словарей, инициированного еще в конце 1980-х гг. В рецензии подчеркивается, что словарь выходит за рамки сугубо академического справочника, приобретая черты гибридного издания — энциклопедии народной кулинарии и культурологического исследования. Автор анализирует ключевые особенности словаря: лингвокультурологический комментарий, включение развернутых рецептов от конкретных информантов, бережное сохранение живой диалектной интонации в иллюстративном материале. Отдельное внимание уделяется фиксации межэтнических заимствований (например, тюркское *махан*), а также реконструкции трех основополагающих параметров уральской кухни: способа тепловой обработки (русская печь), набора базовых ингредиентов и разнообразия выпечки.

В заключительной части высказываются два пожелания к будущим изданиям: снабдить словарь алфавитным указателем и дополнить печатный текст QR-кодами с аудиозаписями живой диалектной речи. Резюмируется, что рецензируемый словарь является важным вкладом в сохранение нематериального культурного наследия региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Средний Урал, этнодиалектный словарь, традиционная пища, идеографический принцип, диалектная лексика, локальная идентичность

для цитирования: Вепрева И. Т. «*Это все мое родное*»: об энциклопедии пищевой культуры Среднего Урала // Русская речь. 2026. № 5. С. 109–119. DOI: 10.7868/S3034592826050098.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01412 «Уральская идентичность Екатеринбурга в “светлом поле” сознания горожанина».

Book News

“*This Is All My Own*”: On the Encyclopedia of Food Culture of the Middle Urals

Irina T. Vepрева, The Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg), Irina_veprev@mail.ru

ABSTRACT: The article is a detailed review of the dictionary of dialectal vocabulary “Traditional Food of the Middle Urals” (compiled by V. V. Lipina, Ya. V. Malkova, and K. V. Osipova), which was published in Yekaterinburg in 2026. The publication is seen as a direct continuation of the Ural project on creating ethno-ideographic dictionaries, which was initiated in the late 1980s. The review emphasizes that the dictionary goes beyond being a purely academic reference book, becoming a hybrid publication that combines elements of an encyclopedia of folk cuisine and a cultural studies research work. The author analyzes the key features of the dictionary, including its linguistic and cultural commentary, the inclusion of detailed recipes from specific informants, and the preservation of the dialectal intonation in the illustrative material. Special attention is paid to the fixation of interethnic borrowings (for example, the Turkic word “mahan”), as well as the reconstruction of three fundamental parameters of the Ural cuisine: the method

of heat treatment (the Russian oven), the set of basic ingredients, and the variety of baked goods. In the final part, two suggestions are made for future editions: to provide the dictionary with an alphabetical index and to supplement the printed text with QR codes containing audio recordings of live dialectal speech. It is concluded that the reviewed dictionary is an important contribution to the preservation of the region's intangible cultural heritage.

KEYWORDS: Middle Urals, ethno-dialect dictionary, traditional food, ideographic principle, dialectal food vocabulary, local identity

FOR CITATION: Vepreva I. T. "This Is All My Own": On the Encyclopedia of Food Culture of the Middle Urals. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 5. Pp. 109–119. DOI: 10.7868/S3034592826050098.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-01412 "Ural Identity of Yekaterinburg in the 'Bright Field' of Citizen's Consciousness".

Введение

Лексикографическим подтверждением того, что локальная уральская кухня занимает весомое место на гастрономической карте России, стал вышедший в Екатеринбурге в 2026 г. новый словарь диалектной лексики «Традиционная пища Среднего Урала: этнодиалектный словарь» (авторы-составители В. В. Липина, Я. В. Малькова, К. В. Осипова, под науч. ред. Е. Л. Березович). Это издание не просто фиксирует региональную пищевую лексику, но и вписывает ее в широкий контекст уральской традиционной культуры, демонстрируя эволюцию самого жанра диалектного словаря — от сугубо академического справочника к полифункциональному культурному тексту.

У словаря, помимо того, что он относится к диалектным словарям нового типа — идеографическим, — особая судьба. Он является прямым продолжением масштабного уральского проекта по созданию серии этноидеографических словарей говоров Свердловской области, инициированного еще в конце 1980-х гг. членами проблемной группы кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета (ныне УрФУ). Пионерская идея проекта заключалась в том, чтобы представить диалектный материал не в традиционной алфавитной сетке, а в форме целостной языковой картины мира, явленной сквозь оптику народных говоров. Идейным вдохновителем выступил кандидат филологических наук, доцент О. В. Востриков, а ключевым организатором — В. В. Липина, впоследствии обобщившая опыт работы над таким словарем в кандидатской диссертации [Липина 2000]. В 1991 г. Востриков возглавил

Центр традиционной народной культуры Среднего Урала, что обеспечило проекту дальнейшее развитие. На рубеже веков понятийная классификация диалектной лексики легла в основу шести выпусков «Традиционной культуры Урала. Этноидеографического словаря говоров Свердловской области» [Востриков, Липина 2000–2004], охвативших народный календарь, свадьбу, эстетику, семейный уклад, досуг, магию и быт.

Общеизвестно, что все диалектные словари опираются на картотеку полевых записей. Основой рецензируемого словаря стали материалы, собранные на протяжении 65 лет топонимической экспедицией университета, изучающей не только территорию Среднего Урала, но и Полярный Урал, отдельные зоны Западной Сибири и другие области Российской Федерации. Другим источником словаря стали аудиозаписи этнографических экспедиций Свердловского областного дома фольклора.

Концепция и содержательные особенности словаря

Уникальность нового словаря обусловлена также временным разрывом более чем в два десятилетия. Этот разрыв не только не ослабил проект, но и парадоксальным образом обогатил его идеологию, сформировавшуюся под влиянием экстралингвистических факторов новейшего времени — «фуд-революции», гастрономического поворота в гуманитарном знании и массового интереса к локальной идентичности. За эти годы в современной гуманитарной науке сложилось культурно-философское осмысление пищи. Широкий и разноплановый взгляд ученых на гастрономический режим [Сохань 2013] сформировал алиментарную (от латинского *alimentum* «пища») проблематику, которая включает целый ряд философских вопросов: «потребление пищи во всех его аспектах, ее производство, включая кулинарию и хранение, и способы репрезентации этих тем в дискурсе» [Кудряшов 2023: 71].

Если в 1990–2000-е гг. пищевая тематика оставалась преимущественно этнографической и узкоспециальной, то сегодня традиционная еда стала мощным триггером самоидентификации: локальная кухня воспринимается как выражение самобытности человека, проживающего на данной территории [Фаис 2018]. Массовый потребитель (читатель, путешественник, кулинар-любитель) хочет не просто узнать технологию засолки рыбы или квашения капусты, но и понять мировоззренческие основания этих практик — почему поморы солили рыбу именно так, а уральцы квасят капусту по-особому, например целыми кочанами, называя такую капусту *сердечной*, — что это говорит об их картине мира.

Именно этот запрос на «переживаемую самобытность» определил структурную и стилистическую трансформацию нового словаря. В рецензируемом издании это проявилось в укрупнении идеографических

рубрик, их трансформации в тематические блоки, введении развернутых толкований и культурологических комментариев.

Словарь приобрел черты широкой гибридности: наряду со словником он функционирует как энциклопедия уральской традиционной кухни и одновременно как культурологическое исследование, адресованное не только лингвистам и диалектологам, но и самому широкому кругу читателей, интересующихся региональной историей, антропологией питания и собственными корнями.

Принципиальным отличием рецензируемого словаря от традиционных диалектных изданий является последовательно проведенный принцип лингвокультурологической интерпретации лексики. Авторы не ограничиваются фиксацией названия и кратким определением, но помещают пищевую лексику в широкий контекст народной технологии, обрядности, хозяйственного уклада и мировоззрения.

Наиболее наглядно это проявляется в зоне культурологического комментария, которая может принимать разные формы: от обобщающей технологической справки перед тематическим блоком до развернутого рецепта, записанного со слов конкретного информанта. Так, в разделе «Мучная каша» приводится справка: «Для приготовления мучных каш ржаная, пшеничная, ячменная, гороховая, черёмуховая или другая мука заваривалась кипятком. Густую кашу выкладывали на сковороду с маслом, добавляли яйцо, молоко, сметану и запекали. Жидкую кашу хлебали или ели как ‘помаху’» [Липина, Малькова, Осипова 2026: 158]. Этот текст выполняет не просто энциклопедическую, но и герменевтическую функцию: он восстанавливает утраченную современным городским жителем технологическую логику, объясняя, почему в говорах существует два десятка названий для мучной каши (*болтушка, завариха, заваруха, заварушенка, затёрок, повалиха, саламаха, тяння* и др.). Каждое из этих слов получает не изолированное толкование, а вписывается в единую картину печной кулинарии.

Еще более выразителен культурологический комментарий к статье «Сыр». Здесь словарь фактически публикует развернутый монолог информантки, записанный в полевых условиях, с подробным описанием технологии варки сыра из творога: пропорции молока и воды, добавление масла, яиц, соды, контроль консистенции, сезонные ограничения (*Перед запуском коровы, осенью, уже такой сыр не варится*). Этот текст — не просто пример употребления слова, а этнографическое микроописание, в котором лексика (*жаровня, масса такая тягучая, плавленное, варенье*) работает как ключ к восстановлению хозяйственного уклада. Авторы словаря сознательно сохраняют живую синтаксическую структуру диалектной речи (*Оно снизу начинает разжижаться, ее наверх, с этим смешивашь, опять*), что создает эффект соприсутствия читателя при акте говорения.

Рецепт в словаре выступает как особая форма культурологического комментария. Его особенность выделена визуально: на отдельной странице с фотографией и с последующим подробным описанием. Например, статья «Ушно» представляет собой полный кулинарный рецепт: от подготовки потрохов (*почистить и промыть их*) до финальной рекомендации (*накрыть крышкой и дать настояться*). При этом рецепт сопровождается жанровыми и социальными маркерами: *Ушно готовили, как правило, сразу после забоя скота* — подчеркивается приуроченность к определенному хозяйственному событию. Важно и указание на вариативность: *Такой суп могли делать и с куриными потрошками, тогда время варки сокращалось*. Наконец, паспортизация рецепта личным именем — «Рецепт от Сметаниной Нины Афанасьевны, с. Голубковское (Алапаевский район)» — превращает словарную статью в акт признания носителя традиции соавтором издания.

Этот прием принципиально отличает рецензируемый словарь от академических диалектных словарей, где информант остается анонимным или обозначается лишь инициалами. Здесь составители не диктуют единственно верное толкование, а предлагают читателю войти в диалог с живой диалектной речью и конкретным человеком, который эту речь нес.

Словарь фиксирует не только технологию, но и социально-обрядовую семантику блюд. Так, статья «Смолось» сопровождается указанием: «Сваренное и порезанное ломтиками вымя; считалось одним из обязательных блюд на свадебном столе». Иллюстративная зона включает цитату: *На свадьбе и поросёнок жареный, и смолось была*. Таким образом, словарь фиксирует не просто продукт, а его ритуальную роль. В статье «Потрох», помимо кулинарного описания, указывается функциональное назначение: «используется как начинка для жареного поросёнка или употребляется как самостоятельное блюдо».

Показательно, что словарь не боится быть «вкусным» в прямом смысле: описание *сыра* или *ушна* провоцирует читательское любопытство и желание попробовать. Это редкое качество для академического издания, и оно достигается не за счет снижения научного уровня, а за счет продуманной стратегии адресации: знание не упаковывается в непроницаемую оболочку диалектного языка, но предъявляется как общее достояние.

Урал исторически был зоной активного межэтнического контакта: русские, коми-пермяки, татары, башкиры, марийцы и другие народы веками жили по соседству, обмениваясь не только товарами, но и кулинарными практиками. Авторы словаря отдают себе в этом отчет и специально оговаривают во введении, что «изучение кулинарных традиций других народов Урала является интереснейшей, но самостоятельной научной задачей» [Липина, Малькова, Осипова 2026: 8]. Тем не менее рецензируемое издание фиксирует те заимствования, которые уже освоены

среднеуральскими русскими говорами и отражают «интерференцию гастрономических традиций» [Липина, Малькова, Осипова 2026: 8].

Показательный пример — слово *махан* (тюркское по происхождению), которое в уральских говорах обозначает конину и блюдо из нее. Фиксация таких лексем в словаре русской диалектной кухни — это не просто лингвистический факт, но свидетельство культурной диффузии: конина, нехарактерная для традиционной русской кухни в целом, на Урале вошла в пищевую обиход именно благодаря контакту с тюркскими народами.

Авторы не ставят перед собой задачу полного описания гастрономических традиций всех народов Урала, но сам факт включения подобных заимствований в словник подчеркивает открытость уральской локальной кухни и ее формирование в зоне культурного пограничья. Читатель, знакомящийся со словарем, получает не иллюзию «чистой», изолированной русской традиции, а представление о живом, гибридном характере народной пищевой культуры, которая всегда была результатом обмена и взаимовлияния.

Словарь ценен не только своей словарной частью и культурологическими комментариями, но и иллюстративным материалом — корпусом диалектных цитат, сопровождающих каждую словарную статью. Эти цитаты не являются искусственно сконструированными лингвистическими примерами, а представляют собой фрагменты живой речи, записанные в полевых условиях непосредственно от носителей говора. Их ценность — двойная: лингвистическая и мемориальная.

Лингвистическая ценность очевидна: цитаты демонстрируют слово в его естественном синтаксическом окружении, фиксируют валентности, типичные сочетания, эмоциональную окраску. Например, в статье «Горошница» приводятся разные контексты: *Горошнису-ту из сухого гороха варят; Горошницу ране так варили: побольше гороху возьмут, сверху сымут, а там разомнут и разводят кипячёной водой; Сваришь горошнису из гороху-ту, горох-от разопрет весь*. Перед нами не просто три примера употребления, а целая технологическая миниатюра, развернутая в живой речи.

Но есть и ценность иного рода — мемориальная и эмоциональная. Для читателя старшего поколения, особенно того, кто вырос в сельской местности или имеет уральские корни, эти цитаты становятся «акустическим ключом» к памяти. Фраза *Заваркуха густа, как квашня* или *Болтушку — вот чё ели* может неожиданно высветить забытый эпизод детства: голос бабушки, запах чугунок, доставаемого ухватом из печи, вкус хлеба, макаемого в жидкую кашу. Диалектная речь в этих цитатах не музеефицирована, не отглажена под литературную норму — она остается живой, шероховатой, интонационно насыщенной.

Авторы словаря сознательно сохраняют эту шероховатость. Синтаксические повторы (*вот стараешься, всё выполнишь, всё сделаешь*), разговорные

частицы (*дак, ведь, вот*), ласкательные и уменьшительные формы (*ямошка, колобочки*), междометные и оценочные вставки (*Вот квас! Аж дерет*) — все это создает эффект непосредственного слушания. Читатель не изучает диалект со стороны, а как бы подслушивает разговор, оказывается внутри произнесенного слова.

Для человека, чье детство прошло в уральской деревне, встреча со словами *горошница, заваруха, кокорка* в письменной фиксации — это акт легитимации собственного детского опыта. Словарь напоминает читателю старшего поколения о его родном детстве, возвращает утраченный звуковой и вкусовой ландшафт. Этот эффект — «это все мое родное» — превращает чтение словаря из сугубо информативного акта в акт культурной памяти.

Подводя итог, скажем, что иллюстративный материал в рецензируемом словаре выполняет три функции одновременно: документирующую (фиксация реального речеупотребления), сочетаемостную (демонстрация синтагматических свойств лексемы) и мемориально-идентификационную (узнавание себя и своих в зафиксированном слове). Последняя функция редко осознается в теоретической лексикографии, но именно она делает словарь «Традиционная пища Среднего Урала» изданием не только научно, но и человечески значимым.

Как справедливо отмечают составители рецензируемого словаря, самобытность уральской кухни определяется тремя ключевыми параметрами: способом тепловой обработки (русская печь), набором базовых ингредиентов (особенно овощей) и исключительным разнообразием выпечки [Липина, Малькова, Осипова 2026: 13–14]. Каждый из этих параметров находит яркое лексикографическое подтверждение на страницах издания.

Русская печь задавала ритм и философию уральского питания — неторопливого, основательного, бережного отношения к продукту. Словарь фиксирует многочисленные наименования блюд, само приготовление которых немислимо вне печной технологии. Гороховая каша — *горошница* — *в печь поставят в чугушке, и всё, заправляли сметаной или маслом*. Мучные каши — *завариха* и *заваруха* — заваривались кипятком, а затем ставились в печь на сковороду: *завари кипятком муку — аржану ли, горохову — вот и заваруха. Заваривали на кипятке муку, посолили сковороду, подогрели. Налъём масла, сала ли там накладём. Она перед пылом [в печи] хорошо жарится. Кишочник — кишки, начиненные овощами и крупой, — заворачивали спиралькой на сковороде, наливали немного воды и жарили в печи*. Творог — *кокорка: молоко скинется, в печь поставят, сварится — будет кокорка*.

Уральская кухня активно использовала как огородные культуры, так и дикоросы. В словаре зафиксированы блюда из брюквы (*каляжные парёнки*), репы (*репник* — пирог с репой), свеклы (*свекольник* — пирог со свеклой), моркови (*морковник*), лука (*луковничек* — пирог из лука), картофеля

(картовная шаньга, сухарник, покент). Характерны для Урала *парёнки* — овощи, томленные в печи до мягкости: *морковны, свёкольны парёнки ели; калажные парёнки мы тоже ладили; с корлябы-то [брюквы] парёнки хороши*. Паренки могли заливаться квасом или суслом, превращаясь в *чибрики*. Из дикоросов в словаре представлены *пучечник* (пирожок с молодыми побегими борщевика) и *моховик* (шаньга из мха, в голодовку их делали).

Разнообразие уральской выпечки, зафиксированное в словаре, поистине поражает. Особого внимания заслуживает тематический блок «Ватрушки, шаньги» — открытые пирожки с различной начинкой. Словарь фиксирует десятки диалектных номинаций этого блюда: *алябушка, бахрушка, валярушка, калитка, каравашек, липушечка, листянка* и т. д., а также многочисленные видовые названия — *картовная шаньга* (с картофелем), *клюквенная шанежка* (с клюквой), *кокорка, кокорошная шаньга* (с творогом), *коноплюшка, конопляная шаньга* (из конопляного семени), *налёвная шаньга* (со сметаной).

Пироги на Урале также отличаются жанровым и начиночным разнообразием. *Морковный курник, репник, свекольник, яблочник* (с картофелем — любопытное семантическое смещение), *грибник, грибница, мулявочный пирог* (с мелкой рыбой), *передпечник* (пирожки с мороженой капустой, печеные прямо на поду печи без масла и сковороды) — этот перечень далеко не полон. Словарь фиксирует также *караваец, каравайчик, каравашек* — высокие сладкие пироги, которые «на праздник пекут», а также «городские» сладкие пироги типа торта: *квашеный торт, кислый торт, конфетная лепёшка, конфетник, манник, манница, манничек*. Наконец, в словаре приводятся полные рецепты *шанег с морковью, шанег с сушёными рыжиками, пирожков с черёмухой* — что превращает издание не только в лексикографический, но и в кулинарный источник.

Таким образом, словарь «Традиционная пища Среднего Урала» не просто регистрирует диалектную лексику, а через нее реконструирует целостную картину народной кулинарии. Печь, овощи и выпечка предстают в нем не как абстрактные культурологические категории, а как живая сеть наименований, технологических описаний, обрядовых приурочений и вкусовых оценок — зафиксированных в слове и сохраненных для будущего.

Высоко оценивая рецензируемый словарь в целом, позволим себе высказать два соображения — одно касается навигационного аппарата издания, другое обращено к перспективе развития подобных проектов в будущем.

Словарь организован по идеографическому (тематическому) принципу, что делает его удобным для системного изучения пищевой лексики: читатель, интересующийся, скажем, названиями мучных каш или видов шанег, найдет их компактно собранными в соответствующих разделах. Однако обратный путь — от слова к его месту в системе — затруднен. Отсутствие

алфавитного указателя в конце тома создает трудности для читателя, который хочет быстро найти конкретную лексему, вспомнив услышанное в детстве слово, но не помня, к какому тематическому блоку оно относится. Например, встретив в диалектной речи слово *чибрики* (залитые суслом пареные овощи) или *покент* (пирог из картофеля и лука), читатель вынужден перелистывать весь том в поисках нужной статьи, поскольку оба этих названия не очевидным образом привязаны к тематическим рубрикам. Включение алфавитного указателя (хотя бы выборочного, с отсылками к номерам страниц) в будущих переизданиях или последующих томах серии существенно повысило бы практическую удобочитаемость словаря.

При всем богатстве иллюстративного материала, блестяще передающего живую речь носителей диалекта, словарь остается сугубо печатным изданием. Между тем диалектная речь — это не только лексика и синтаксис, но и просодика, интонационный рисунок, тембр голоса, паузы, смех, вздох — вся акустическая ткань живого высказывания. Авторы словаря, как следует из предисловия, располагают аудиозаписями этнографических экспедиций. Включение в издание QR-кодов (пусть даже в ограниченном объеме, для наиболее ярких или репрезентативных фрагментов), ведущих к оцифрованным полевым записям, могло бы многократно усилить эффект присутствия. Это замечание адресовано не столько авторам рецензируемого тома, сколько всем разработчикам современных диалектных словарей: цифровая эпоха делает аудиосопровождение не роскошью, а естественным и ожидаемым компонентом лексикографического описания живой речи.

Высказанные замечания не умаляют общего высокого значения рецензируемого словаря и адресованы скорее в будущее — авторам последующих томов и возможных переизданий.

Заключение

Резюмируем сказанное. Словарь «Традиционная пища Среднего Урала» — явление, выходящее за рамки сугубо диалектологической публикации. Он фиксирует не просто лексику, а целостную картину народной кулинарии, в которой печь, овощи и выпечка предстают живыми смысловыми узлами уральской идентичности. Гибридный жанр издания (словарь — энциклопедия — культурологическое исследование) позволяет ему быть одновременно академическим трудом и человечески теплой книгой, обращенной к самому широкому читателю. Включение развернутых рецептов, персонализация информантов и бережное сохранение диалектной интонации делают этот словарь важным вкладом в сохранение нематериального культурного наследия региона.

Литература

- Востриков О. В., Липина В. В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области / сост. О. В. Востриков (вып. 1–5), В. В. Липина (вып. 6). Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000–2004.
- Кудряшов И. С. Алиментарная проблематика в философии: основные линии тематизации // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 2. С. 69–87.
- Липина В. В. Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.
- Липина В. В., Малькова Я. В., Осипова К. В. Традиционная пища Среднего Урала: этно-диалектный словарь / Под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Издательство ООО «Принт», 2026. 284 с.
- Сохань И. В. Как исследовать гастрономическое? К вопросу о дефинициях и подходах // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). С. 99–109.
- Фаис О. Д. Рестораны как научные центры по изучению и сохранению традиционной алиментарной культуры: новый экспериментальный опыт Сицилии // Вестник антропологии. 2018. № 4 (44). С. 62–75.

References

- Fais O. D. [Restaurants as scientific centers for the study and preservation of traditional alimentary culture: a new experimental experience of Sicily]. *Vestnik antropologii*, 2018, no. 4 (44), pp. 62–75. (In Russ.)
- Kudryashov I. S. [Alimentary problems in philosophy: the main lines of thematization]. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 69–87. (In Russ.)
- Lipina V. V. *Regional'nyi dialektnyi ideografi cheskiy slovar': printsipy postroeniya i semanticheskaya struktura (na materiale bytovoi leksiki govorov Srednego Urala)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Regional dialect ideographic dictionary: principles of construction and semantic structure (based on the everyday vocabulary of the dialects of the Middle Urals). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Ekaterinburg, Ural State Univ. Publ., 2000. 23 p.
- Lipina V. V., Malkova Ya V., Osipova K. V. *Traditsionnaya pishcha Srednego Urala: etnodialektnyi slovar'* [Traditional food of the Middle Urals: an ethno-dialect dictionary]. Ed. by E. L. Berезovich. Ekaterinburg, Print Publ., 2026. 284 p.
- Vostrikov O. V., Lipina V. V. *Opyt etnoideografi cheskogo slovary russkikh govorov Sverdlovskoi oblasti* [The experience of the ethno-ideographic dictionary of Russian dialects of the Sverdlovsk region]. Comp. by O. V. Vostrikov (Iss. 1–5), V. V. Lipina (Iss. 6). Ekaterinburg, Sverdlovsk Regional House of Folklore Publ., 2000–2004.
- Sokhan I. V. [How to explore the gastronomic? On the issue of definitions and approaches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2013, no. 1 (9), pp. 99–109. (In Russ.)

Книжные новинки

Новый «поход за орфоэпию»: старомосковское произношение как лингвокультурный феномен

Олег Викторович Никитин¹, Наталья Викторовна Патроева²,
Государственный университет просвещения (Россия, Москва)¹, Петрозаводский государственный университет (Россия, Петрозаводск)², olnikitin@yandex.ru¹, nvpatr@list.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826050106

АННОТАЦИЯ: В статье представлены аналитический обзор и полемика идей, изложенных в книге О. В. Антоновой «Старомосковское произношение: история и современность» (М., 2025). Подчеркивается, что данная проблема не получила однозначного решения в истории лингвистики. В течение XX в. неоднократно звучала дискуссия по поводу статуса и признаков этого оригинального явления: от взглядов Ф. Е. Корша и Д. Н. Ушакова до С. С. Высотского, М. В. Панова и др. Дается оценка воззрениям на истоки и развитие старомосковского произношения в прошлом и настоящем. Называются и обсуждаются его маркеры. Делается акцент на спорных позициях, связанных со сложностью определения социального происхождения московской нормы. Особое внимание уделено ее рефлексам в области консонантизма и вокализма в литературном языке конца XX — первых десятилетий XXI в. Указывается, что при общей тенденции к угасанию старомосковской нормы в речевой практике отдельные характеристики сохраняются, что свидетельствует о консервативности орфоэпических процессов, их устойчивости к меняющейся моде и включенности в современный тезаурус. Обобщаются количественные данные об употребительности и вариативном характере произносительных норм в произведениях русских поэтов. Показаны перспективы изучения старомосковского произношения. Говорится о необходимости анализа в контексте изучаемой

проблемы нормативных толковых и орфоэпических словарей, поиска архивных материалов по истории языкознания, проведения новых экспериментов по записи звучащей речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфоэпия, фонетика, старомосковское произношение, речевая практика, социолингвистика, литературный язык, лингвокультурная традиция

для цитирования: Никитин О. В., Патроева Н. В. Новый «поход за орфоэпию»: старомосковское произношение как лингвокультурный феномен // Русская речь. 2026. № 5. С. 120–129. DOI: 10.7868/S3034592826050106.

Book News

A New “Campaign for Orthoepy”: Old Moscow Pronunciation as a Linguistic and Cultural Phenomenon

Oleg V. Nikitin¹, Natalia V. Patroeva², Federal State University of Education (Russia, Moscow)¹,
Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk)², olnikitin@yandex.ru¹, nvpatr@list.ru²

ABSTRACT: The article presents an analytical study and a polemical discussion of the ideas outlined in O. V. Antonova’s book “Old Moscow pronunciation: history and modernity” (Moscow, 2025). It is emphasized that this problem has not received an unambiguous solution in the history of linguistics. Throughout the 20th century, the status and characteristics of this original phenomenon drew sustained scholarly attention, with significant contributions from F. E. Korsh, D. N. Ushakov, S. S. Vysotsky, M. V. Panov, among others. The work gives an assessment of the views on the origins and development of Old Moscow pronunciation in the past and present. Its markers are named and discussed. The emphasis is placed on controversial positions related to the difficulty of determining the social origin of the Moscow norm. Special attention is paid to its reflexes in the field of consonantism and vocalism

in the literary language of the late 20th — first decades of the 21st century. It is pointed out that despite the general trend towards the extinction of the Old Moscow norm in speech practice its individual characteristics remain, which indicates the conservativeness of orthoepic processes, their resistance to changing fashions and their inclusion in the modern thesaurus. Quantitative data on the use and variation of pronunciation norms in the works of Russian poets are summarized. The prospects of studying the Old Moscow pronunciation are shown. It is argued that it is necessary to analyze, in the context of the problem under study, normative explanatory and orthoepic dictionaries, to search for archival materials on the history of linguistics and to conduct new experiments on recording spoken speech.

KEYWORDS: orthoepy, phonetics, Old Moscow pronunciation, speech practice, sociolinguistics, literary language, linguistic and cultural tradition

FOR CITATION: Nikitin O. V., Patroeva N. V. The new “campaign for orthoepy”: Old Moscow pronunciation as a linguistic and cultural phenomenon. Russian speech = Russkaya rech'. 2026. No. 5. Pp. 120–129. DOI: 10.7868/S3034592826050106.

Изучение старомосковского произношения в контексте лингвистической и общественной дискуссий на эту тему представляется нам весьма своевременным и полезным для выяснения характера развития орфоэпических норм с середины — второй половины XIX в. до нашего времени. Островки «коренной московской интеллигенции» [Ушаков 1964: 11] — архаическое обыгрывание звукового состава, рефлексия над фонетико-стилистической оболочкой, особые интонация, морфология и синтаксис, вводные слова и обращения и многое другое — относятся к характеристикам данного понятия¹. Его статус, границы распространения, лингвистические характеристики теперь многим неизвестны. Тем не менее новый «поход за орфоэпию» с легкой руки Д. Н. Ушакова состоялся. Об этом рассказывает в своей книге известный языковед, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фонетики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН О. В. Антонова.

¹ Заметим, что впервые словарная статья о «московском произношении» появилась в первом издании энциклопедии «Русский язык» [Реформатский 1979: 150–151], затем она была перепечатана без изменений во втором (1997). И только в новом, третьем издании поместили термин «старомосковское произношение» [Антонова 2020: 736–737].

Старомосковское произношение (другие наименования: *московский говор*, *старомосковский говор*, *старая московская норма*) — «совокупность произносительных норм, бытовавших на рубеже XIX–XX вв.» [Антонова 2025а: 4]. Это можно проследить даже по стихам А. С. Пушкина:

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил
На тризне, уже недалекой...» («Песнь о вещем Олеге»).

В приведенном фрагменте рифма *одинокий* — *недалекой* как раз опосредованно свидетельствует о наличии старомосковской нормы в художественном сознании поэта (по Д. Н. Ушакову, произношение *-кий* как *-кой* является приметой данного явления).

Не существует до сих пор единой позиции языковедов относительно трактовки такого оригинального феномена. Язык Москвы нивелировался, видоизменялся, подвергался значительной культурной глобализации и утерял исторические корни. Во времена Д. Н. Ушакова данное явление не нашло заинтересованности в филологическом сообществе — «развернутой характеристики этого произношения не существовало» [Ганиев 2010: 82]. Уже в середине 1930-х гг. необычная манера так говорить вызывала удивление у студентов Д. Н. Ушакова в МИФЛИ. Они с любопытством, потому что *ничего* не знали об этом, спрашивали его на занятиях: «Какой же человек считается сейчас культурнее: тот, который произносит *ү*, или то, который произносит *г*, т. е. можно ли считать, что у человека, произносящего *ү*, имеется наличие некоторой малокультурности?»; «Скажите[,] пожалуйста, почему Вы говорите *шыги*, а не *шаги*?» [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 56. Лл. 44–45].

Действительно, что же такое старомосковское произношение? Под ним, например, на рубеже XIX–XX вв. разумели речь образованных людей. Б. В. Томашевский придерживался другой точки зрения: «...по стилю произношения комедия Грибоедова построена на материале *старомосковского разговорного языка* (курсив наш. — О. Н., Н. П.). Многие черты этого говора ныне утрачены» [Томашевский 1946: 80]. Автор монографии считает, что исследователи прошлого «противопоставляли *московский говор* и *московский народный говор* как в целом фонетически идентичные языковые пласты, имеющие различия исключительно в сфере субстрата (первый был принадлежностью образованной части общества, второй же функционировал в простонародной среде)» [Антонова 2025а: 9].

Еще одна проблема связана с социальным статусом московской нормы. Необходимо выяснить, «было ли старомосковское наречие отличительной чертой только одной лишь образованной части московского общества»

(Д. Н. Ушаков) или нет? Одни исследователи видели в московском «наречии» и общелитературные черты [Панов 2002: 92]. Сходно размышлял и Е. Д. Поливанов, считая, что в речи буржуазной интеллигенции не может быть социального расслоения [Поливанов 1931]. По мнению С. С. Высотского, едва ли можно назвать носителями старомосковского литературной нормы мелких чиновников, служащих, духовных лиц, рабочих и огородников, которые владели московским *просторечием* (или *народным говором* в интерпретации ученого) [Высотский 1984]. Но и здесь не все однозначно: «...социальную связь между орфоэпическими “верхами” и “низами” Москвы столь же трудно наметить четко, сколь трудно было отделить фонетику образованной части населения от близкой ей фонетики мещанского говора» [Антонова 2025а: 15]. Полагаясь на мнение Д. Н. Ушакова, О. В. Антонова увидела старомосковский эталон в *сценическом произношении*: «Орфоэпия культивировалась в среде актеров и чтецов» [Ушаков 1995: 181]. Примечателен такой факт: при всех исторических и культурных различиях Москвы и Петербурга орфоэпическое противостояние «не отразилось на театральной орфоэпии» [Антонова 2025а: 16], а так называемое петербургское произношение «не стало орфоэпической нормой» [Аванесов 1984: 28] общерусского литературного языка (ср.: [Бибчук, Запрягаева 2019]). В обсуждаемой монографии говорится, что Д. Н. Ушаков последовательно боролся за старую — эстетическую — традицию (ср.: [Большева 2024: 234]), которая бытовала в устной форме и постепенно уходила из регулярной речевой практики.

Сложностью выделения признаков старомосковского произношения, как обоснованно считает О. В. Антонова, является отсутствие *кодификации* этого явления в словарях дореволюционного времени. Находки последних десятилетий вселяют в нас надежду на то, что непростой вопрос можно решить: создававшийся в 1920-х гг. толковый словарь современного русского литературного языка (не издан) поручили разрабатывать именно Д. Н. Ушакову. Исследование сохранившейся картотеки даст понимание принципов отбора лексем и определит, какую норму хотели отразить в этом словаре [Приемышева 2025].

Сделаем далее краткий обзор некоторых признаков старомосковского произношения. В системе консонантизма это позиционная мягкость согласных перед следующим мягким типа *бан'щик*, *д'верь*, *ден'щик* и т. д. [Антонова 2025а: 19]. Однако уже на рубеже XIX–XX вв. наблюдались отступления. Р. Кошутич «считал произношение слов *дверь*, *Тверь*, *змея*, *смех* с твердым согласным нелитературным», а М. В. Панов сомневался в достоверности приводимых А. А. Шахматовым фактов в транскрипции [тв'ер'], [дв'инут] [Антонова 2025а: 31]. В книге приводятся данные ученых того времени. Так, Ф. Е. Корш считал допустимым вариантное произношение

де[ф]ки и *де[ф']ки* [Корш 1902: 52]. Из других особенностей старомосковского говора, указанных в монографии, отметим мягкость групп согласных в сочетании *-ств-* (*каче[с'т'в']енный*), произношение согласных *чн*, *чт* как [шн] [шт], чередование согласных с нулем звука (*ко[с'л']явый*, *неве[ск]а*, *бе[зн]а*, *изве[с'н']як*) [Антонова 2025а: 40 и далее]. Любопытно, что *гд* в словах *когда*, *тогда*, *иногда*, *всегда* по-старомосковски произносилось как [уд].

Еще со студенческой скамьи всем известен характерный пример — произношение звука [Ы^э] на месте буквы *а* после согласных [ж], [ш], [ц] в первом предударном слоге. Эту особенность зафиксировал и автор книги, например: [шы^э]ляпин (Шаляпин), [жы^э]ндарм (жандарм), [цы^э]ризм (царизм) [Антонова 2025а: 55]. Другой случай — окончание *-ый* в прилагательных и причастиях в формах именительного и винительного падежей единственного числа звучит как *-ой* (по-аванесовски): вместо *старый* — *старой*, вместо *умный* — *умной* и т. д. Оно оказалось очень устойчивым [Антонова 2025а: 62].

Отмечаются факторы, провоцирующие появление этой нормы в XXI в. Например, включенность слов в устойчивое сочетание типа *сердешный друг*, *шапошное знакомство* (со ссылками на Ф. Е. Корша, Р. И. Аванесова и М. Л. Каленчук) или «наличие в соседнем слоге звука [ч'] (т. е. появление дистантной диссимиляции): *оче[ш]ник*, *спиче[ш]ный*, — однако в последнем слове уже достаточно частотно появляется вариант с [ч'н]: *спиче[ч']ный...*»; похожее «расшатывание» старомосковской нормы орфоэпист фиксирует и в слове *горчи[ч]ники* [Антонова 2025а: 86–87].

Показательны приводимые исследователем таблицы, в которых дается произношение твердого/мягкого согласного в возвратном постфиксе [с/с'] в первой трети XX в. на материале произведений поэтов «москвичей» — В. Я. Брюсова, З. Н. Гиппиус, Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой. У В. Я. Брюсова, например, присутствует только мягкий вариант (*отрадясь* — *связь*), у М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака — оба варианта и т. д. [Антонова 2025а: 108–119]. Можно предположить, что в художественном воображении поэтов Серебряного века старомосковские черты имели особенное смысловое наполнение и звучали как «опавшие листья» времени. У М. И. Цветаевой, например, находим такое четверостишие:

Смывает лучшие румяна
Любовь. Попробуйте на вкус
Как слезы солонь. Боюсь,
Я завтра утром — мертвой встану... («Любви старинные туманы»).

В этом сюжете обыгрывается рифма *вкус* — *боюсь*, в которой по правилам старомосковского «говора» постфикс *-сь* произносился твердо, хотя орфография это и не отражала. Но звуковая символика в данном

случае очевидна и передает осознанное поэтическое настроение автора². О. В. Антонова на основе изучения художественных текстов и расшифровки транскрипции Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушакова, в записи голоса которого прозвучал рассказ А. П. Чехова «Дачники», выдвигает гипотезу «о вариативности произношения возвратного постфикса в первой четверти XX столетия» [Антонова 2025а: 128]. Она подметила такую интересную особенность: «... “твердый” вариант произношения проявляется тогда, когда исследователь иллюстрирует нормативное... произношение возвратного постфикса, а также во время чтения рассказа <...>. “Мягкий” вариант встречается в непринужденной речи, когда Д. Н. Ушаков “забывает”, как следует произносить» [Антонова 2025а: 130]. Эту же неустойчивость заметили и ученики Д. Н. Ушакова. Они задали ему такой вопрос: «Когда мы будем писать работу, то как поступать в тех случаях, где есть разногласие со старым московским произношением [?]. Например: *ловкий, делаюсь*. Нужно ли обозначать мягкость *в* и твердость *с*, если я произношу *в* твердо и *с* мягко?» [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 56. Л. 63].

Автор книги провел эксперимент по установлению произносительных предпочтений в речи XXI в. Он показал абсолютное вытеснение старомосковской формы с твердым постфиксом мягкой разновидностью, «за исключением только позиции после [л], где твердость все еще поддерживается прогрессивной ассимиляцией. Однако и в этой форме возвратный постфикс все чаще произносится мягко» [Антонова 2025а: 131]. Таким образом, общая тенденция к сокращению старомосковской нормы в звучащей речи налицо. Сможет ли на новом витке времени московский «говор» закрепить свои позиции, сказать однозначно сложно.

О. В. Антонова посвятила книгу своим учителям — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткиной и Л. Л. Касаткину — редким, красивым филологам, которые лингвистической душой способны осязать необычное в языке и речи. Эта преемственная связь сохраняется до сих пор. Не потерял значения высказанный Д. Н. Ушаковым тезис о верификации московского произношения в топонимах типа *Софейка* или *Здвиженка* вместо *Софийка*, *Воздвиженка* [Ушаков 1964: 15]. Весьма своевременно звучит его голос о созыве «конференции мастеров живого слова» [Ушаков 1964: 9] для обсуждения произносительных норм. Орфоэпия в XXI столетии находится на самых передовых позициях и вышла за границы традиционной теории и словарной практики: ставится вопрос об изучении *произносительных стилей*

² Ср. тонкое наблюдение Д. Н. Ушакова, показавшего, что «побеждать» старые нормы, то есть в его понимании живую традицию, установлением правил современного правописания, не совсем корректно: «Например, если дело довольно просто решается с заменой старого твердого окончания *с* в глаголах (*боюс*) новым мягким (*боюсь*), то это не значит, что так же просто решить вопрос о выборе между старым произношением *жэжет*, *брежжжит* и новым для Москвы *жэот*, *брежжыт*» [Ушаков 1964: 12].

[Антонова 2025б], анализируется разговорная фонетика и ее представленность в лексикографических источниках [Каленчук 2024], обсуждается проблема создания нового акцентологического словаря [Каленчук, Савинов 2023], уточняется терминология, например, предлагается ввести понятие «произносительная позиция» [Каленчук 2022] и др. Важно, что очередной «поход за орфоэпию» не означает отрицания предшествующего опыта.

Много лет тому назад академик Ю. С. Степанов, вообще человек очень наблюдательный и чувствительный к интонациям в речи, как-то устроил одному из авторов этой статьи небольшой «экзамен». Юрий Сергеевич стал деликатно спрашивать молодого ученого, как бы тот произнес те или иные слова, а потом вдруг и сказал: «Вы говорите не так, как все. Ваши родители — коренные москвичи?» Вот так случайно можно обнаружить в себе уснувший лингвистический «инстинкт», бог весть откуда укоренившийся в памяти. Значит, старомосковское произношение не ушло из речевой культуры — оно подспудно присутствует в языковом сознании и до сих пор подпитывает нас своей невероятной поэтикой звуков.

Источники

Архив РАН — Архив Российской академии наук. Ф. 502 (Дмитрий Николаевич Ушаков).

Литература

- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 6-е изд. М.: Просвещение, 1984. 383 с.
- Антонова О. В. Старомосковское произношение // Русский язык: Энциклопедия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 736–737.
- Антонова О. В. Старомосковское произношение: история и современность. М.: Русистика, 2025а. 160 с.
- Антонова О. В. К дифференциации произносительных стилей в современном русском литературном языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2025б. № 1. С. 15–21.
- Бибчук Е. М., Запругаева М. Я. Рефлексы старопетербургского и старомосковского произношения, представленные в современных орфоэпических словарях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 5–9.
- Болычева Е. М. Д. Н. Ушаков: орфоэпические поиски, «походы» и решения (к 150-летию ученого) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2024. № 6. С. 227–235.
- Высотский С. С. О московском народном говоре // Городское просторечие. М.: Наука, 1984. С. 22–37.

- Ганиев Ж. В. Д. Н. Ушаков и московское произношение // Русский язык в школе. 2010. № 10. С. 80–85.
- Каленчук М. Л. Позиция фонетическая, орфоэпическая, произносительная: новые подходы // Вопросы языкознания. 2022. № 3. С. 7–13.
- Каленчук М. Л. Разговорная фонетика и лексикография // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 3. С. 118–128.
- Каленчук М. Л., Савинов Д. М. О создании нового академического акцентологического словаря русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 4. С. 257–272.
- Корш Ф. Е. О русском правописании // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1902. Т. VII, кн. 1. С. 39–94.
- Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: УРСС, 2002. 453 [2] с.
- Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 139–151.
- Приемышева М. Н. Из истории создания одного словаря (Москва–Петроград 1921–1923 гг.) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2025. № 1. С. 367–378.
- Реформатский А. А. Московское произношение // Русский язык: Энциклопедия. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1979. С. 150–151.
- Томашевский Б. В. Стихотворная система «Горя о ума» // А. С. Грибоедов. 1795–1829. Сборник статей под ред. И. Клабуновского и А. Слонимского. М.: Гослитмузей, 1946. С. 74–109.
- Ушаков Д. Н. К вопросу о правильном произношении (Неопубликованная статья; закончена 23 марта 1936 г.) // Вопросы культуры речи. [Вып.] V. М.: Издательство Академии наук СССР, 1964. С. 8–16.
- Ушаков Д. Н. К вопросу о правильном произношении // Ушаков Д. Н. Русский язык. М.: Просвещение, 1995. С. 180–186.
- Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 188 с.

References

- Antonova O. V. [Old Moscow pronunciation]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [The Russian language: Encyclopedia]. 3rd ed., rev. and exp. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 736–737. (In Russ.).
- Antonova O. V. *Staromoskovskoe proiznoshenie: istoriya i sovremennost'* [Old Russian pronunciation: history and modern time]. Moscow, Risisitika Publ., 2025a. 160 p.
- Antonova O. V. [On the differentiation of pronunciation styles in the modern Russian literary language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2025b, no. 1, pp. 15–21. (In Russ.).

- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian literary pronunciation]. 6th ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.
- Bebchuk E. M., Zapyagaeva M. Ya. [Reflexes of Old-Petersburg and Old-Moscow pronunciation presented in modern orthoepic dictionaries]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2019, no. 4, pp. 5–9. (In Russ.).
- Bolycheva E. M. [D. N. Ushakov: orthoepic searches, "campaigns" and solutions (to the 150th anniversary of the scholar)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2024, no. 6, pp. 227–235. (In Russ.).
- Ganiev Zh. V. [D. N. Ushakov and Moscow pronunciation]. *Russkii yazyk v shkole*, 2010, no. 10, pp. 80–85. (In Russ.).
- Kalenchuk M. L. [Phonetic, orthoepic, pronunciational position: New approaches]. *Voprosy Yazykoznaniya*, 2022, no. 3, pp. 7–13. (In Russ.).
- Kalenchuk M. L. [Colloquial phonetics and lexicography]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2024, no. 3, pp. 118–128. (In Russ.).
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M. [The creation of a new academic accentological dictionary of the Russian language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2023, no. 4, pp. 257–272. (In Russ.).
- Korsh F. E. [On Russian pronunciation]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*, 1902, v. VII, book 1, pp. 39–94. (In Russ.).
- Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVII–XX vv.* [History of Russian literary pronunciation of 17th – 20th centuries]. Moscow, URSS Publ., 2002. 453 [2] p.
- Polivanov E. D. [Phonetics intelligentsia language]. Polivanov E. D. *Za marksistskoe yazykoznanie* [For Marxist linguistics]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931, pp. 139–151. (In Russ.).
- Priyemysheva M. N. [The story of creating one dictionary (Moscow–Petrograd 1921–1923)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2025, no. 1, pp. 367–378. (In Russ.).
- Reformatskii A. A. [Moscow pronunciation]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [The Russian language: Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1979, pp. 150–151. (In Russ.).
- Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selectes writings on the Russian language]. Moscow, State Educational Publ. House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1957. 188 p.
- Tomashevskii B. V. [The poetic system of "Woe of the mind"]. Griboedov A. S. 1795–1829. *Sbornik statei pod red. I. Klubunovskogo i A. Slonimskogo* [1795–1829. Collection of articles edited by I. Klubunovsky and A. Slonimsky]. Moscow, Goslitmuzei Publ., 1946, pp. 74–109. (In Russ.).
- Ushakov D. N. [On the problem of correct pronunciation (Unpublished article; completed on March 23, 1936)]. *Voprosy kul'tury rechi* [Topics on culture of speech. Iss. V]. Moscow, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1964, pp. 8–16. (In Russ.).
- Ushakov D. N. [On the problem of correct pronunciation]. Ushakov D. N. *Russkii yazyk* [The Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995, pp. 180–186. (In Russ.).
- Vysotskii S. S. [On Moscow vernacular]. *Gorodskoe prostorechie* [Urban vernacular]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 22–37. (In Russ.).

Русская речь / Russian Speech

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Заведующая редакцией *М. А. Пузина*
Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*
Корректор *Н. Н. Занегина*
Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .
Дата выхода в свет .
Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.
Зак. .
Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14
Исполнитель:
ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+